

**ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ
НА ДНЕ ТУВИНСКОГО МОРЯ**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ, Д. Г. САВИНОВ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ
НА ДНЕ ТУВИНСКОГО МОРЯ

Санкт-Петербург
2007

Издание «Памятники древности на дне Тувинского моря» выполнено в рамках и при содействии Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

В монографии впервые собраны данные о полевых исследованиях Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС (Республика Тыва), проводившихся в 1965–1984 гг. Рассматриваются памятники всех исторических эпох. Особое внимание уделено материалам древних и раннескотоводческих обществ — от эпохи бронзы до монгольского времени включительно. Дается их историко-культурная оценка в культурогенезе народов Центральной Азии.

Издание представляет интерес для археологов, этнографов, искусствоведов и всех, интересующихся древней историей Центральной Азии и Южной Сибири.

Ответственный редактор: доктор исторических наук С. Н. Астахов

На обложке — общий вид степной части зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Фото 1965 г.

В качестве заставок использованы петроглифы Саянского каньона Енисея (из книг М. А. Дэвлет, 1982 и 1998 г.).

ISBN 978-5-98683-068-1

© Институт истории материальной культуры
Российской академии наук
© Санкт-Петербургский государственный
университет

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Введение	7
Глава I. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТУВА — БУДУЩАЯ ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ САЯНСКОЙ ГЭС	11
1. Экологические особенности региона	11
2. История изучения памятников (до начала работ СТЭАН)	19
3. Рекогносцировочная разведка 1962 года	28
4. Аэрофотосъемка	34
Глава II. ОТ ХАЙЫРАКАНА ДО УРБЮНА (КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР)	40
1. Эпоха бронзы	40
2. Скифское время	50
Глава III. НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ)	63
1. Улуг-Хемская культура	65
2. Следы пребывания хуннов и сяньбийцев в Центральной Туве	69
3. Кокзльская культура	73
Глава IV. САЯНСКИЙ КАНЬОН ЕНИСЕЯ — СОКРОВИЩНИЦА ДРЕВНИХ КУЛЬТУР	83
1. Разведка 1976 г.	86
2. Эпохи камня и палеометалла	92
3. Памятники скифского времени	95
4. Памятники гунно-сарматского времени	103
5. «Дорога Чингисхана»	108
6. Вал у р. Голубой — Омайтура	113

Глава V. КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	119
1. Древние тюрки	120
2. Уйгуры	131
3. Енисейские кыргызы	145
4. Монголы	160
Заключение	170
Приложение. Памятники, изучавшиеся в зоне водохранилища Саянской ГЭС	175
Литература	184
Список сокращений	197

ОТ РЕДАКТОРА

Тува. Раньше это имя вызывало представление о далекой и загадочной стране где-то в горах. Оно манило и завораживало. Но прошли десятилетия с тех пор, как я начал работать в Туве, и она стала близкой, я изучил многие ее уголки. Мне посчастливилось поехать по миру — такая работа у археолога-палеолитчика, позволяющая изучать древний каменный век и в Англии, и в Непале, и в Монголии. И с каждым годом я проникался мыслью, что в Туве есть что изучать, что мы только прикоснулись к познанию ее истории. Ведь люди, в широком значении этого слова, появились в Туве примерно 300 000 лет тому назад, принеся откуда-то с юго-запада типичную ашельскую культуру. Шли сотни и десятки тысяч лет, и в Туве появлялись, развивались и иногда исчезали многие этносы. И это понятно, ведь Тува — истинная жемчужина в географическом центре Азии. Здесь и снежные вершины гор, и полупустыни в котловинах, огромные пастбища в долинах, и скалистые массивы гор — мир сибирских горных козлов и архаров. Недаром обитатели стоянок Нижний Иджир (поздний палеолит) и Усть-Хемчик III (поздний мезолит) охотились только на козерога — существовала своего рода специализация, насчитывающая не одно тысячелетие.

Пришло время, и в Туве появились кочевники со стадами, дающими все для жизни. Это особый мир, требующий особых методов его изучения и восприятия. История Тувы сложна, особенно периода кочевнических обществ. Были и войны, и драматические события. Вот почему в предлагаемой читателю книге уделяется большое внимание тем суровым векам. Наша Саяно-Тувинская экспедиция была очень ограничена территорией для исследования — основная задача была изучить (найти, раскопать и задокументировать) те памятники, которые попадали в зону затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Для меня затопление огромных пастбищных территорий в Центральной Туве до сих пор представляется неоправданным, несмотря на какие-то политические выгоды (кстати, самые многочисленные могильники, насчитывающие сотни курганных захоронений, и городища с глинобитными стенами были расположены именно там). Но надо было исходить из реальностей. И мы постарались максимально, насколько удалось, спасти для науки, а значит и для

потомков, то, что было в наших силах. Пожалуй, лучше мы выполнили свою задачу в каньоне Енисея: в какой-то степени площади для разведки новых памятников там были меньше, и отчасти уже был накоплен опыт в равнинной зоне будущего водохранилища.

В предлагаемой читателю книге, написанной участниками и руководителями работ в Туве с 1962 по 1984 год, приводятся интересное повествование о Туве, истории ее изучения, о разных видах археологических памятников, о развитии культур, предшествовавших гунно-сарматскому времени, о начале Великого переселения народов и о Туве в составе средневековых кочевых империй.

Конечно, полученные экспедицией материалы столь огромны, что потребуется опубликовать не одну монографию. Хотя многое уже сделано — прежде всего основателем экспедиции и великолепным знатоком Центральной Азии А. Д. Грачом. Но он рано ушел из жизни, и теперь его ученики и коллеги продолжают выполнение программы, намеченной им. Предлагаемая читателю книга — тому пример.

*С. Н. Астахов, доктор исторических наук,
Заслуженный деятель науки Республики Тыва*

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга о памятниках древней культуры, находящихся ныне на дне Тувинского моря (водохранилища одной из крупнейших строек второй половины XX века — Саяно-Шушенской ГЭС). В течение 20 лет (с 1965 по 1984 г.) здесь проводила полевые исследования Саяно-Тувинская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН). Сокращенно — СТЭАН. В результате этих исследований были спасены для науки сотни ценнейших археологических объектов, во многом дополнена и конкретизирована периодизация древней и средневековой истории Тувы¹, собраны уникальные археологические коллекции, характеризующие все этапы тувинского культуругенеза. При этом некоторые эпохи (палеолит, эпоха бронзы), по сути дела, были наполнены археологическим материалом впервые. По числу раскопанных памятников (примерно около 50% от всех зафиксированных в Саянском каньоне и 15% — в степной части) и целенаправленному характеру археологического обследования зоны будущего водохранилища, СТЭАН, наверное, занимает первое место среди всех других сибирских новостроечных экспедиций.

Вместе с тем, сейчас, по прошествии нескольких десятков лет после начала работ экспедиции, отчетливо видны объективные трудности и некоторые, тогда непредсказуемые, упущения в ее деятельности. Первая разведка 1962 года проводилась только в степной зоне будущего водохранилища. Никто не ожидал, что Саянский каньон Енисея, где вообще не было известно каких-либо археологических памятников, окажется настоящим «Эльдорадо» древних археологических культур. Кроме того, любые рекогносцировочные исследования не могут учесть всего количества и многообразия объектов, подлежащих археологическому обследованию. Конечно, некоторые из них остались нераскопанными и навечно погребены под водами Тувинского моря. Отдельные погребения были обнаружены в процессе размыва берегов уже после заполнения водохранилища. Каждый год они исчезают и появляются вновь. Их систематическое изучение, своего рода археологический мониторинг — наиболее актуальная задача тувинской археологии.

¹ Современное название — Республика Тыва.

Насыщенность зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС археологическими памятниками не случайна. Это самая плодородная часть Центральной Тувы, служившая во все исторические времена местом притяжения носителей самых разных культурных традиций, своего рода «лаборатория» тувинского (и шире — центральноазиатского) культурогенеза. Благодаря исследованиям СТЭАН эта уникальная территория, несмотря на отмеченные выше потери и трудности, была изучена достаточно полно и, что самое главное, относительно равномерно по всем археологическим эпохам, начиная с палеолита до позднего средневековья включительно.

Посвященное работам СТЭАН стихотворение известного тувинского поэта Юрия Кюнзегеша заканчивается словами:

«Археологи, кончив раскопки уйдут
За пороги, где плещет простор Енисея.
Скоро даже природа изменится тут —
Вспыхнут звезды, вода засинеет...».

К сожалению, все действительно изменилось, но оказалось не столь «радужным», как казалось тогда. На месте Центрально-Тувинской котловины — от Хайыракана до Урбюна — обрезав подножия гор, образовалось обширное водохранилище, низкое и заболоченное, с разрушающимися берегами — своеобразный памятник эпохи, горечь и боль тувинского народа. Навсегда исчез с лица Земли уютный деревянный город Шагонар с садами и деревянной пожарной каланчой на площади. Новый Шагонар вынесен за пределы водохранилища, пыльный, неинтересный город, с выстроенными «по линейке» коробками блочных домов. Та же участь постигла и другой старинный тувинский город Чаа-Холь (бывш. Чакуль). Один из авторов этой книги (Д. Г. Савинов) проехал по зоне водохранилища уже после окончания здесь археологических работ, но до его полного наполнения (1986 г.). Прежде прямая, как стрела, дорога Шагонар-Чаа-Холь была заброшена и размыта. Города Чаа-Холь уже не было, на местах прежних домов виднелись редкие струйки дыма. Мост через речку Чаа-Хольку, как в фильмах о партизанской войне, был разрушен. Подхода к скальному святилищу с Буддой, главной достопримечательности этих мест, начиная с XV в., уже не было...

На этом печальном фоне результаты полевых исследований Саяно-Тувинской экспедиции выглядят особенно значительными. Были действительно спасены от небытия сотни ценнейших объектов культурного наследия, написаны заново многие страницы древней истории Тувы.

В предлагаемой вниманию читателей книге впервые дается наиболее полный обзор этих материалов², распределенных по конкретным историческим периодам. Подробно рассказывается об истории изучения тувинских древностей до начала работ СТЭАН. Приведены ранее неопубликованные фотоматериалы, а также карты археологических разведок степной части водохранилища (1962 г.) и Саянского каньона Енисея (1976 г.).

Открытие палеолита в Туве стало одним из главных достижений Саяно-Тувинской экспедиции. Однако эти материалы, уже исследованные и введенные в научный оборот их первооткрывателем С. Н. Астаховым (Астахов, 1983, 1986 и др.), подробно в книге не рассматриваются. Что касается более поздних археологических эпох, то, несмотря на исключительно важное значение открытий в этой области, значительная часть материалов, полученных в результате деятельности СТЭАН, остается неопубликованной. Скорее всего, именно это обстоятельство привело авторов к мысли о необходимости краткого монографического экскурса в арсенал полевых открытий СТЭАН и значения их в культурогенезе Центральной Азии. Счастливым исключением в этом плане представляют исследования М. А. Дэвлет, опубликовавшей и продолжающей публиковать серию прекрасных монографий о наскальных изображениях Саянского каньона Енисея (Дэвлет, 1976; 1982; 1998 и др.).

Название данной книги заимствовано у М. А. Дэвлет («Петроглифы на дне Саянского моря», 1998). Можно было бы наименовать ее иначе — более пространно и описательно, но ... лучше не скажешь!

Изложение фактического материала по степной зоне водохранилища дается на широком фоне аналогичных культур соседних регионов степного пояса Евразии. При рассмотрении археологических памятников Саянского каньона неизбежно возникают некоторые повторы с материалами степной зоны. Сложная ситуация сложилась с материалами могильника Аймырлыг (раск. А. М. Мандельштама), наиболее крупного из исследованных СТЭАН, но находившегося вне зоны затопления³ и до сих пор, кроме нескольких общих работ, не опубликованного.

² Некоторые сведения об открытиях СТЭАН приведены в книге «Свод археологических памятников Республики Тыва», Кызыл, 1994, в разделах «Чаа-Хольский кожуун» и «Улуг-Хемский кожуун» (С. 155–168), составленным И. У. Самбу. Но, в основном, это данные о находках эпохи палеолита; сведения о памятниках остальных исторических эпох даны очень выборочно и неполно.

³ Раскопки «внезонального» могильника Аймырлыг, проводимые А. М. Мандельштамом, послужили одной из главных причин разногласий, возникших в руководстве СТЭАН. Отчасти этот вопрос был затронут при обсуждении I тома трудов СТЭАН «Археология Центральной Азии», который так и не вышел. Протокол обсуждения

Авторское разделение глав и разделов следующее: Г. В. Длужневская — Главы I, IV, Гл. V, разд. 2, 3 («Уйгуры», «Кыргызы»), Заключение; Д. Г. Савинов — Введение, Главы II, III; Гл. V, разд. 1 («Тюрки»); Г. В. Длужневская, Д. Г. Савинов — Гл. V, разд. 4 («Монголы»).

Организатором и начальником СТЭАН (до 1973 г.) был Александр Данилович Грач — один из самых видных исследователей археологии Центральной Азии⁴, с 1973 по 1984 г. — начальником СТЭАН являлся С. Н. Астахов. А. Д. Грач — блестящий организатор, разработавший уникальную в то время концепцию обследования территории будущего водохранилища с равномерным изучением памятников всех исторических эпох. Человек, обладавший ярко выраженной харизмой, одинаково свободно и уважительно общавшийся с министрами и чабанами, он был и остался самым популярным археологом из всех работавших в Туве. Трудно поверить, что в момент создания СТЭАН (1965 г.) ему было всего 36 лет. Во время проведения дней Санкт-Петербурга в Туве (1995 г.) мы посетили Музей А. Д. Грача в Новом Шагонаре, где с любовью и тщательностью собраны все доступные его организаторам материалы, связанные с деятельностью А. Д. Грача в Туве.

В 2008 году А. Д. Грачу исполнилось бы 80 лет. Предстоящему юбилею Александра Даниловича Грача посвящают авторы эту книгу.

опубликован (см.: «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург». Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб., 1998. С. 30–36).

⁴ О жизни и деятельности А. Д. Грача см.: В. П. Дьяконова, Д. Г. Савинов. А. Д. Грач — исследователь Центральной Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Ноябрь, 1981 г. Л., 1981. С. 28–35; Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская. Этапы жизни ученого // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб., 1998. С. 7–9; И. У. Самбу. С той весны... // Там же. С. 48–53; А. М. Решетов. Вспоминая Александра Даниловича Грача // Там же. С. 54–56; Я. А. Шер. Кое-что из жизни А. Д. Грача // Там же. С. 57–67; Д. Г. Савинов. Между двумя экспедициями // Там же. С. 68–77; Г. В. Длужневская. С Грачом и без Грача (полевые сезоны 1971 и 1972 года) // Там же. С. 78–84.

Некоторые характерные черты А. Д. Грача весьма точно отмечены в одной из статей М. А. Дэвлет (Из истории изучения петроглифов в Туве // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Сб. статей памяти В. Н. Чернецова. М., 2006. С. 198–211).

Александр Данилович Грач.
Саглы. 25 июня 1968 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТУВА — БУДУЩАЯ ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ САЯНСКОЙ ГЭС

1. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Тувинская котловина, на территории которой расположена зона затопления Саяно-Шушенской ГЭС, ограничена Западными Саянами на севере, хребтом Танну-Ола на юге, Шапшальским и Цаган-Шибэту на западе и юго-западе и горами Восточной Тувы на востоке. Она имеет протяженность около 400 км, ширину — примерно 70 км на востоке и 30 км на западе. Это самая пониженная часть страны, ее высота колеблется в пределах 500–1000 м над уровнем моря. Поверхность котловины представлена ровными участками, приуроченными к долинам рек, иногда террасы Улуг-Хема (Енисей) и Хемчика имеют ширину 10–15 км. Значительные площади заняты мелкими сопками, местами имеются довольно большие скопления псков, закрепленных травянистой и древесной растительностью.

Несколько хребты пересекают Тувинскую котловину, разделяя ее на более мелкие котловины, имеющие названия: Хемчикская, вытянутая в направлении р. Хемчик и отделенная от Улуг-Хемской невысоким хребтом Адар-Тёш; Улуг-Хемская — вдоль р. Улуг-Хем, несущего свои воды с востока на запад, и нижнего течения р. Каа-Хем; Турано-Уюкская котловина отделена от Улуг-Хемской Уюкским хребтом. В некоторых местах имеются выходы известняков и мрамора, образующие живописные горы, как, например, гора Хайыракан, от подножия которой начинается «рукотворное» Тувинское море.

Большая часть рек в Туве относится к бассейну Верхнего Енисея, который до устья р. Хемчик имеет местное название Улуг-Хем (Великая река). Енисей образуется слиянием двух крупных горных рек Бий-Хема и Каа-Хема в пределах города Кызыла, являющегося географическим центром Азии. Общая протяженность Енисея от г. Кызыла до устья —

3 844 км. Разбиваясь на протоки, Улуг-Хем несет свои воды с востока на запад по северной окраине степной Тувинской котловины на протяжении 170 км.

Климат Тувы резко континентальный: холодная и длинная зима, в котловинах малоснежная; лето — умеренно теплое в горах, жаркое и засушливое в Улуг-Хемской котловине; количество осадков небольшое: на северных склонах Западного Саяна — 600–1000 мм, на южных — 500 мм, а в Улуг-Хемской котловине их не более 200–250 мм в год. Особенности климата обусловлены географическим положением Тувы в центре Азиатского материка, удаленностью от морей и океанов, обрамлением территории почти со всех сторон горными хребтами, сложным рельефом и общей высотой уровня поверхности. Природные условия, таким образом, не способствуют значительному развитию земледелия. Однако в предгорьях на высоте до 1000 м на черноземных и каштановых почвах возможно заниматься поливным и богарным земледелием. Преобладающие злаково-полынные и ковыльные степи используются как пастбища.

Самый длительный сезон года — зима, для которой типично обилие ясных дней с трескучими морозами (от -28° до -35° , изредка -50° и ниже). Дней с температурой ниже 0° в Тувинской котловине около 200. В высокогорье долгая и холодная зима наступает в сентябре и продолжается до начала июня. Снежный покров в межгорных котловинах колеблется от 15 до 30 см. Малая высота снежного покрова и низкая зимняя температура способствуют образованию «вечной» мерзлоты. В котловинах она встречается редко: на заболоченных участках рек Уюк (Турано-Уюкская котловина), Чаа-Холь (Улуг-Хемская котловина) и Аянгаты (Хемчикская котловина), на глубине одного-полутора метров.

Весна — поздняя и короткая. В котловинах она длится в апреле–мае и проходит без бурного снеготаяния. Теплая погода часто сменяется ветреной и холодной, когда воздушные массы, переваливающие с запада и с севера через горные хребты Алтая и Саян, вызывают пыльные бури. В мае температура днем достигает $+30^{\circ}$, а ночью падает ниже 0° . Ночные заморозки особенно опасны для сельскохозяйственных культур. За весенний период в котловинах выпадает 15–35 мм осадков, в среднегорье — до 200 мм. Земля наряжается в зеленый с яркими цветами травяной покров, однако быстро наступающим летом травы увядают, придавая степи полупустынный колорит. Лето в котловинах длится с второй половины мая до первой декады сентября, когда среднесуточные темпе-

ратуры превышают $+10^{\circ}$. В горах лето запаздывает и заканчивается во второй половине августа. Средняя температура июля достигает в Тувинской котловине $+20^{\circ}$. Максимальные температуры часто превышают $+30^{\circ}$ и выпадает до 75% годового количества осадков. Короткая и сухая осень приходит в начале сентября. Количество осадков сокращается до 25–40 мм. Считается, что это удобная пора для уборки урожая, травы высушают на корню, сохраняя, таким образом, выпасы для скота в зимний период.

Хемчикская и Улуг-Хемская котловины входят в зону степей, верхние границы которой определяются по южным склонам Западного Саяна и северным Западного Танну-Ола — от 1300–1400 м над уровнем моря до 2000 м. Степь являлась и остается основным типом пастбищ для скота. В степи сосредоточены и основные пахотные угодья, но резко континентальный климат вносит свои коррективы и посадки требуют постоянного полива. Обрамляющие котловины горные массивы покрыты горно-лесной растительностью. Наиболее распространена кедрово-лиственничная тайга с преобладанием лиственницы, древесина которой обладает исключительной прочностью, а смолистость предохраняет от гниения. Лиственнице, благодаря качеству ее древесины, называют также «сибирским дубом». В высокогорном поясе растительность беднее, но именно здесь расположены горные луга, используемые скотоводами как пастбища в летний период.

Зона затопления Саянской ГЭС охватывает западную часть Тувинской котловины, низовья р. Хемчик, а также, и если не в первую очередь, Саянский каньон. На Хемчике вода «рукотворного моря» должна была подняться до Порога (отметка — около 550 м). Обе приустьевые долины Хемчика (с отметкой 500 м) с некогда существовавшей здесь священной рощей оказались глубоко под водой. Река Хемчик — главный приток Улуг-Хема. На протяжении километра воды Хемчика и Улуг-Хема не смешиваются: более мутная вода Хемчика течет вдоль левого берега Улуг-Хема, постепенно «выклиниваясь».

Степная часть зоны, ограниченная на севере Западными Саянами, хребтом Аргалыкты на юге, упирается на западе в невысокий хребет Адар-Тёш. Ширина долины — примерно 30 км. Высота ее на этом участке колеблется в пределах 500 м над уровнем моря. Поверхность представлена ровными участками, приуроченными к долинам рек, иногда террасы Улуг-Хема (Енисей) имеют ширину до 15 км. Степная часть зоны затопления начинается от горы Хайыракан, ниже которой Улуг-Хем разбивается на множество протоков, огибающих острова,

поросшие тополями и ивами, и часто этот участок реки называют «Сорок Енисеев». По левому берегу в пределах зоны водохранилища в Улуг-Хем впадает двумя рукавами речка Чатгы; один из них пересекает г. Шагонар. Ниже Шагонара в Улуг-Хем втекает р. Шагаан-арыг, по названию которой получил свое имя Шагонар, существовавший, по крайней мере, с начала XX в., но в статусе города — с 1945 г. Примерно в 25 км ниже его, «долго-долго спускаясь», «сливается» в Улуг-Хем р. Чаа-Холь, «у южных хребтов (Западный Тапну-Ола) начало берущий». «Длинный» и относительно «широкий» Чаа-Холь подарил свое имя поселку, в конце XIX–начале XX в. являвшемуся своеобразной «столицей» Урянхайского края, большим перевалочным пунктом в торговле с Россией, пристанью, откуда в трудное и опасное путешествие путники отправлялись через Саянский каньон. В низовьях Чаа-Холь разделяется на четыре протока, но два из них не достигали Улуг-Хема, поскольку вода использовалась для орошения полей.

По правому берегу, почти напротив горы Хайыракан, воды Улуг-Хема пополняют «перегороженный скалами», «кипящий», «песчаный», «покрытый караганником» Демир-Суг. Эйлиг-Хем, «текущий извилинами», образует долину шириной около 12 км (Курбатский, 2001. С. 96). Ниже, после небольшого плато Алды-Бель, впадает Куйлуг-Хем, примерно в четырех километрах от Улуг-Хема разветвляющийся на несколько русел, наполняющихся водой только во время таяния снегов в горах. До Улуг-Хема доходит только одна каменная речка. Достигают Улуг-Хема р. Ортаа-Хем (в 3–4 км ниже Куйлуг-Хема) и в самом начале Саянского каньона ручей Бсделиг.

Основной естественной доминантой Тувинской котловины является священная гора Хайыракан, от которой начинается зона водохранилища Саянской ГЭС. Хайыракан напоминает своими очертаниями лежащего медведя, морда которого опущена в Улуг-Хем. Эту гору называют также «Медведь-гора». Местность возле Хайыракана — скалистая и каменная (Курбатский, 2001. С. 98).

Особое значение Хайыракана уже давно отмечено исследователями. Так, инженер В. М. Родевич, работавший в Урянхайском крае в 1907–1910 гг., пишет, что из гор наиболее «замечательна гора Хайеркан (Хайыракан) или Медвежья Гора, стоящая поперек течения Улуг-Хема на левом берегу. Треугольная форма горы видна верст за 30 при движении сверху по реке и на 70 — снизу. Она сложена из серого мрамора и возвышается над рекой на 842 м. На склоне горы над рекой,

на высоте 705 м имеется пещера со стенами из белого блестящего мрамора⁵, в ней — бревенчатый помост, остаток какого-то погребения. С вершины горы, примерно на 50 верст к югу и до 10 — к северу, видна Улуг-Хемская котловина: цепь рукавов Енисея в изумрудных тополевых островах, группы гор и глубокие степные площади между ними» (Родевич, 1912. С. 135).

Несколько иное описание Хайыракана приводит Г. Н. Потанин: «Гора Кайракан образует над рекой Улухем крутой, почти отвесный и высокий бом; потому мы должны были обойти эту гору с юга. Поднявшись с речного луга на сухую степь, прилегающую к нему, мы встретили торную из нескольких колея кочевую дорогу, и по ней вновь вышли на широкую долину Улухема, лежащую выше Кайракана. Гора эта состоит из какой-то белой породы, образующей конические крутые пиццы; и цветом и внешними формами она напоминает известняк; на северном конце горы белая масса прервана толстой жилой какой-то темной породы, имеющей крутое падение» (Потанин, 1883. Вып. III. С. 121).

С Хайыраканом связано множество легенд. Одна из них гласит: жил у подножия высоких скал богатый чиновник. В его табунах и стадах стали теряться кони, коровы, козы, а вора никак не могли поймать. Тогда вконец разгневанный хозяин позвал к себе всех окрестных шаманов и попросил их послать на лесистую гору грозу с молнией и громом, чтобы расправиться со спрятавшимся там злодеем. Засверкали молнии. Загрохотал гром. Гора занялась сплошным пожаром. Ее цвет менялся, она становилась белее. Чиновник, в ужасе упав на землю, воскликнул: Оршээ, Хайыракан! (Прости, божество!) Проезжавшие мимо араты видели пожар, слышали отчаянные мольбы к богу и с тех пор стали называть гору Хайыраканом.

Напротив на правом берегу Улуг-Хема возвышаются скалы Улуг-Хая, т. е. Великие скалы. Самые высокие их вершины смотрят в светлые воды реки. Местные жители называют Улуг-Хая невестой Хайыракана. На Хайыракане попадаются гроты, и совершенно изумительные виды открываются с его высот. От Хайыракана голубая извилистая лента Улуг-Хема в зеленой оправе прибрежных тополей тянется с востока на запад. На северо-западе над Улуг-Хемской котловиной возвышается

⁵ В 1962 г. во время разведки по изучению будущей зоны водохранилища Д. Г. Савинов и М. А. Петухов поднимались на Хайыракан. На вершине его находится священное *оваа* (место обитания духов), сложенное из крупных блоков белого мрамора.

гора Буура, у подножия которой пробирается к Улуг-Хему (Великой реке) бурная речка Демир-Суг. Рассказывают и такое старинное предание: «Давным-давно на земле случилось страшное наводнение. Вода затопила все вокруг. И только Бура осталась сухой. Люди плавали на плотах. Один из плотов пристал к Буре. Вода спала, и он остался на вершине. Так там оказались люди. От них и род людской пошел. А *демир-сал*, т. е. железный плот, говорят, до сих пор лежит на вершине, только сейчас его не видно — завалило во время бурь, занесло песком. Много веков прошло с тех пор. Спрашивают: «Почему плот железный? Ведь он утонет!» Одни утверждают, что он из железного дерева, другие полагают, что он обшит, как наши корабли, железом, потому и назвали его «демир-сал». В этой легенде явно прослеживается отголосок библейского Великого Потопа.

Гора Хайыракан в фольклоре упомянута «как жемчуг, из красного камня состоящая». Гору Буура называют «высокая», «служащая для обозрения», «седоголовая», «сереющая (седеющая) вдали». «лентоподобная», «влажная», «стачивающаяся» (водами Улуг-Хема) (Курбатский, 2001. С. 93–94).

Хайыракан — громадная кладовая известняка, пригодного для производства извести, карбида кальция, использования в целлюлозно-бумажной промышленности. Вскоре после образования моря и строительства Нового Шагонара, какие-то работы по добыче известняка действительно были проведены: скорее всего, взрывами была уничтожена часть горы у подножия с западной стороны.

В песнях тувинцев упомянуты многие реки Центральной Тувы. Наиболее полно описан Хемчик: «большой», «огромный», «широкий», «славлен ветрами», его верховья покрыты снегами, «текущий по ложбинам, долинам не высыхая», «белый», «с берегами горячими» (хорошо прогреваем на мелководье), «зелено-луговой», «ровный», «кривой», «течет прямо и извилинами, кривизнами», «изгибающийся», «дугообразный», «коленообразный» (с изменением ландшафта меняется и профиль русла). Его устье — «маленькое», «черное», «поросшее цветами», «неспокойное при ветре». Его долина — «в тучных лугах», «будто коврами выстлана» (Курбатский, 2001. С. 95, 99). Улуг-Хем — «вытянулся подобно дороге. Растянувшейся во всю длину», «медленно текущий», «синеватый» (отражает голубое небо). Чаа-Холь — «длинный», «широкий», «у южных хребтов (Западный Танну-Ола) начало берущий», который «долго-долго спускаясь», «сливается» в Улуг-Хем. Демир-Суг — «перегороженный скалами», «кипящий», «песчаный», «покрытый кара-

ганником». Эйлиг-Хем — «текущий извилинами» (Курбатский, 2001. С. 96).

Резко континентальный климат Тувы, с холодной, длинной и мало-снежной зимой и умеренно теплым в горах и жарким и засушливым в степях летом, не способствует значительному развитию земледелия. Однако, как отмечено выше, в некоторых предгорных долинах возможно заниматься поливным земледелием. Остатки старых оросительных сооружений на Демир-Суге и Эйлиг-Хеме отметил В. М. Родевич. «Древние каналы, отходящие очень высоко от речек, опоясывали кругом эти речные долины, лепясь по скалам на трех разных уровнях. Местами они очень искусно врезаны в утес, местами идут на весу, с искусственным дном из каменной кладки, или с деревянным дном из пластин на каменных столбах».

Можно предположить, что во все времена основным занятием населения Тувинской котловины все же являлось кочевое скотоводство с преобладанием в составе стада овец и коз, наличием крупного рогатого скота и неотделимого от всадника — коня, что следует из изучения фаунистических остатков. Хозяйство, вероятно, основывалось на пастбищном скотоводстве, возможно с сезонными «вертикальными» перекочевками, и дополнялось орошаемым земледелием, спорадической охотой, собирательством и рыболовством. По аналогии с современным населением этого района, в апреле — начале мая спускались с зимников, обычно располагавшихся в седловинах гор, в закрытых от ветра горных ущельях, на весенние пастбища, к опушкам леса на южных склонах гор, ранее всего освобождавшихся от снега и покрывавшихся растительностью. Весенняя стоянка длилась не более полутора месяцев. К июню скот отгоняли на летники (чайлаги) — в верховья рек, на альпийские луга или в лиственные леса. Осенние пастбища выбирали с таким расчетом, чтобы лучше нагулять скот перед зимой. С первыми снегопадами, обычно в ноябре — спешили вернуться на зимники.

После долины Карабей, расположенной по левому берегу ниже пос. Урбюн, Улуг-Хем входит в Саянский каньон (коридор), прорезая южные отроги Западного Саяна. Ширина долины в пределах Саян составляет не более 250–300 м. Реку пересекают многочисленные перека-ты и пороги. Крутые скалистые горы, местами отвесно обрывающиеся к реке, и обилие крупных осыпей и камнепадов, делают продвижение по берегу невозможным. Центральный участок каньона (ниже впадения р. Ус) наименее пригоден для обитания и является наиболее труднодос-

тупным. Каньон имеет протяженность около 300 км и заканчивается выходом в Хакаско-Минусинские степи. Территория каньона четко делится на две экологические зоны — северную таежную и южную — горно-лесостепную. Своеобразная граница проходит по р. Ус, впадающей в Енисей справа примерно в 100 км ниже пос. Чаа-Холь.

Главной рекой южной части, впадающей в Енисей по левому берегу, является Хемчик, по берегам которого обнаружены памятники от скифского до монгольского времени. Ниже его — неприметные руч. Йур-Сайыр и Калбак-Мыис — с памятниками кыргызского времени и выкладками, датировка которых осталась неясной. В археологическом отношении важны приустьевая часть р. Хем-Терек (скифские курганы), узкая долина р. Малые Уры (неолитическая стоянка и неопределенные курганы), р. Большие Уры (неопределенные курганы), р. Хериме с большим займищем выше ее впадения в Енисей (курганы скифского времени). По правому берегу в Енисей впадают руч. Б. Шугур (памятники от скифского до монгольского времени) и Кургол (неопределенные курганы), р. Ургунь (курганы монгун-тайгипского типа) и Хадьных (скифские и позднесредневековые курганы, кыргызская стела; неолитические стоянки). Главным правобережным притоком является р. Ус, в низовьях которого обнаружены скифские курганы и памятники эпохи камня.

Следует отметить закономерность в размещении памятников — обычно они сосредоточены на приустьевых террасах, впадавших в Енисей небольших ручьев и относительно крупных горных рек, крайне редко археологические объекты размещены на террасах, не имеющих выходов по долинам речек.

Между каньоном и непроходимыми, беспорядочно громоздящимися горами, окружающими его, находится Куртушский перевал, преодолев который из Чаа-Холя, главного центра этой части долины Улуг-Хема, можно пройти на север. К западу от Саянского ущелья, соединяя долину Хемчика с Абаканскими степями лежит проход, называемый Шабин-даба. Дорогу, ведущую через этот проход, можно назвать единственным доступным торговым путем, соединяющим Сибирь с Монголией через бассейн Верхнего Енисея.

В северной части каньона (ниже р. Ус) с правого берега в Енисей впадает р. Казыр-Суг, вливающаяся в Большой Порог; с левого — реки Кантегир и Джой, где были исследованы памятники каменного века. Иные объекты, например, Майнская стоянка или вал Омайтура, находятся ниже створа Саянской ГЭС.

2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ (ДО НАЧАЛА РАБОТ СТЭАН)

Первые сведения об археологических памятниках Центральной Тувы относятся к началу XVII в. В 1616 г. В. Тюменец и И. Петров были направлены к Алтын-Хану на оз. Убсу-Нур. Отправившись из Томского острога через Хакасию и Туву, они отметили развалины древних строений в верховьях Енисея, возможно, остатки уйгурских городищ VIII–IX вв.

В 1711 г. сотник Ф. Кольцов и казак Г. Бегунов «со товарищи» доставили в Красноярскую воеводскую канцелярию сведения о старинной буддийской пещере на р. Чаа-Холь. Через несколько лет из Красноярска на лодках по Енисею (в том числе и по Саянскому каньону) прибыли «дети боярские» А. Еремеев и И. Нашивошников с толмачом и казацким конвоем, которых можно назвать первооткрывателями буддийской ниши Чурумал-Бурханныг в горе Сюме, на левом берегу р. Чаа-Холь, неподалеку от ее устья. По возвращении они привезли в Красноярск несколько листов синей и черной бумаги, расписанной золотыми и серебряными буквами, взятых из буддийской ниши, то есть листов с молитвами, написанными по-тибетски. Кроме того, они упомянули, что в той же пещере находились лук со стрелами и небольшое количество зерен ячменя.

Через четыре года у Чаа-Хольской ниши побывал красноярский казак Дмитрий Шаров. Он доносил воеводе: «...который-де был над дверями один болван сидящий, и тот-де сколот с камня и увезен». В 1726 году по распоряжению государственного деятеля и дипломата С. В. Рагузинского воевода снова направил в Туву казаков во главе с Я. Терским с наказом посетить, подробно описать и зарисовать буддийскую нишу и привезти оттуда «татарские болваны и письмена». Поручение выполнили казак И. Пойлов и хакас-качинец Т. Сторгулин, отправленные к пещере (или капищу) на речке Джанкул (Чаа-Холь). Они описали нишу и вырезанные в скале барельефные изображения Будды, двух стражей и двух его учеников, лица которых уже тогда были «сколоты», нашли в ней множество «драных писем» и некоторое количество ломаных стрел. На их расспросы местные жители ответили, что жертв в эту пещеру они не приносят, молитв не устраивают, как эти идола называются не знают, но «болваны изстари, и кто оную пещеру делал никто про нее не помнит и не знает». Казаки описали пещеру, взяли из нее несколько целых листов и отметили в степи близ нее «татарское кладбище и многое число могил» (Кызласов, 1969. С. 5–6; Грач, 1980. С. 9).

Вероятно, это курганы могильников Урбюн I и II, исследованные в 1965 г. отрядом СТЭАН под руководством Д. Г. Савинова. Правда, «многое число могил» оказалось безынвентарными и, следовательно, недатируемыми выкладками. Исходя из опыта работ на могильниках Комбужап-Аксы в начальной части каньона и Хем-Терск II в 40 км ниже устья р. Хемчик, можно предполагать, что это «искусственные» сооружения, возникшие здесь в результате очистки полей или небольших участков под посевы в конце XIX или даже в XX в. Один из исследованных курганов — с погребением по обряду трупосожжения с богатым инвентарем и серебряным кубком — по датировке близок времени создания буддийской ниши (конец XII–XIII вв.) (Савинов, 1973. С. 218–221).

Интерес к Чурумал-Бурхангыг проявил и Д. Г. Мессершмидт, который в 1722 г. записал новое сообщение о чаа-хольской пещере, ее идолах и рукописях, посетил в Красноярске И. Нашивошникова, передавшего ему около двадцати листов рукописей и несколько глиняных ламаистских образков из ниши. В 1730 г. его спутник швед Ф. И. Страленберг опубликовал молитвенную грамоту и глиняный образец с изображением десятирукого трехликого Будды.

В 1735 г. историк Г. Ф. Миллер, участник академической экспедиции 1733–1743 гг., собрал все документы о походах красноярских казаков в 1711–1726 гг. в Туву, беседовал с их участниками, изучил дневники Д. Г. Мессершмидта и описал нишу, отметив, что дату чаа-хольской пещеры он определить не может. Ныне этот памятник буддийского искусства исследователи относят к XIII–XIV вв. (Кызласов, 1969. С. 6–7).

С середины XVIII в. Тува оказалась под властью маньчжуров, и изучение памятников Тувы, в частности Центрально-Тувинской котловины, долины р. Хемчик и Саянского каньона, было возобновлено только в 1880-е гг.

Впервые историк, археолог и этнограф А. В. Адрианов был в Туве в составе экспедиции Г. Н. Потанина в 1879 г. Долиной р. Торгалык путешественники вышли к Улуг-Хему недалеко от подножья горы Хайыракан, священной горы, белеющей днем и светящейся розовым цветом буквально одну-две минуты на закате. Тогда от этой горы участники экспедиции направились долиной Улуг-Хема вверх по его течению, «не заходя», таким образом, «на дно» современного моря.

В 1881 г. А. В. Адрианов совершил вторую поездку в Урянхайский край на средства РГО, редакции «Сибирской газеты» и минусинского

купца Г. П. Сафьянова, который предложил взять на себя расходы для разездов экспедиции «за Саянами» и возвращения ее в Минусинск. А. В. Адрианов спустился в долину р. Хемчик, где срисовал петроглифы и надписи на скалах Бижиктиг-Хая и обследовал каменное изваяние, известное под названием «Чингисхан», тогда весьма почитавшееся местным населением. В скале Бижиктиг-Хая он осмотрел и описал буддийскую нишу: в естественной нише оказалось искусно нарисованное кистью изображение Будды, сидящего в окружении облаков, дракона и птиц, датированное имевшейся иероглифической надписью 1358 г. (Грач, 1955. С. 31). Он осмотрел и буддийскую нишу Чурумал-Бурхан-ныг на берегу р. Чаа-Холь, которая в наши дни залита водой Тувинского (Саянского) моря. А. В. Адрианов оставил замечательное описание этого памятника: «В отвесной скале, сложенной из сланцев, на высоте около 3 сажен от земли сделана ниша, имеющая в высоту около 1,5 аршин, а в ширину и глубину до одного аршина (высота — 1 м, ширина — 60 и глубина — 86 см). В глубине этой ниши на задней её стенке рельефно высечены три божества; среднее изображено в весьма обыкновенной позе бурхана с поджатыми под себя ногами и напоминает распространённое изображение Шигемуни (Шакьямуни), а два боковых в стоячем положении. Снаружи перед входом в нишу по сторонам её поставлены две статуэтки около аршина высотой, весьма хорошо и отчётливо отделанные; статуи парные, изображают воинов, у которых один сжатый кулак поднят кверху, а другой подперт в бок, так что они напоминают несколько английских боксёров, изображаемых на картинках. Группа эта пользуется большим почитанием лам и народа, внимание которых проявилось между прочим и в том, что на стенках ниши были расклеены бумажные маленькие рисунки, изображающие корзины с плодами, букеты цветов, различных животных и проч.; а на дне ниши валялись лоскутки бумаги также с рисунками, медные коробочки и т. д. На земле перед скалой протянуты на кольях бечёвки, увешанные тысячами лент, по большей части бумажных, а также и матерчатых; целые вороха этого добра навязаны на бечёвки и при малейшем дуновении ветра поднимают странный шум и шелест среди немых мест» (Дэвлет, 2004. С. 12; Адрианов, 1888. С. 400–401).

На правом берегу Улуг-Хема на пути к р. Чинге А. В. Адрианов отметил на утёсе около ручья Беделиг изображения животных и какие-то загадочные знаки. Это было первое сообщение о петроглифах в районе, где впоследствии проводила работы Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР. Подробно об этой стороне деятельности

А. В. Адрианов говорится в специальной работе М. А. Дэвлет (Дэвлет, 2004). Как отмечает М. А. Дэвлет, А. В. Адрианов столкнулся в Туве с ситуацией, когда население нередко скрывало от него местонахождение памятников древности. «Многие из осмотренных мною, — писал А. В. Адрианов, — могли быть исследованы поверхностно, вследствие враждебного настроения туземцев, смотревших на такое любопытство как на посягательство с моей стороны на их святыню... Правда, что в таком отношении инородцев к историческим памятникам заключается прочная гарантия за их целость. До тех пор, пока они будут считать их своею святынею, эти памятники будут охранены самым надёжным образом от истребления и расхищения, но как только цивилизация проникнет в эти страны, начнёт производить постройки, сооружения, обработку земли, она уничтожит значительную часть памятников, постарается из них извлечь пользу при постройках, как это было, например, в южной России» (Дэвлет, 2004. С. 14; Адрианов, 1888. С. 382). К сожалению, слова А. В. Адрианова оказались пророческими — техногенные катастрофы уничтожили многие памятники, следы прошлых народов, обитавших на этих территориях.

От места слияния рр. Бий-Хем и Каа-Хем Адрианов на плоту, заказанном Г. П. Сафьяновым для сплава соли, спустился вниз по Енисею через Саянский каньон (Дэвлет, 2004. С. 5–16).

В следующем году Туву посетил горный инженер И. С. Боголюбский и близ р. Куйлуг-Хем (правобережный приток Улуг-Хема) обнаружил каменную стелу с рунической надписью.

В 1888–1889 гг. финский археолог и востоковед, руководитель экспедиции Финского археологического общества в Южной Сибири и Монголии, профессор Гельсингфорского университета И. Р. Аспелин и художник К. Вуори обследовали рунические памятники и сделали эстампажи стелы на плато Алдыы-Бель (Е 12 — здесь и далее нумерация по «Корпусу тюркских рунических памятников Верхнего Енисея». Васильев, 1983) и девяти — в окрестностях пос. Чаа-Холь (Е 14 – Е 23). После исследований летом 1888 г. И. Р. Аспелин и К. Вуори осенью вернулись верхами по пути близком к современному Усинскому тракту, а затем сплавились на плоту из Чаа-Холя в Минусинск.

В 1889 г. А. О. Гейкель приехал в Туву по другой тропе — Арбатской. Он сфотографировал памятники, обследованные в предыдущем году. Финские археологи отметили, что некоторые стелы были установлены неподалеку от курганов, что в дальнейшем получило развитие в исследованиях российских археологов.

В 1891 г. некоторые стелы копировали археолог и этнограф Д. А. Клеменц (стелы у Чаа-Холя и на Куйлуг-Хеме) и краевед В. А. Ошурков, направленный в 1892 г. от Восточно-Сибирского отдела РГО обследовать известные памятники и разыскивать новые. Он сделал эстампажи уже известных памятников, обнаружил два новых, в том числе у пос. Чаа-Холь, и вывез на плоту по Енисею в Минусинский музей новонайденный чаа-хольский памятник (Е 13); также в Минусинский музей этнографом П. Е. Островских в 1897 г. был доставлен памятник Е 19 — Чаа-Холь VII (Кызласов, 1969. С. 7–9).

В 1902–1903 гг. Минусинский музей организовал экспедицию в Туву, которую возглавил Ф. Я. Кон. Как и большинство исследователей, посещавших Туву до него, он был у ниши в горе Сюме и сфотографировал ее. Фотография хранится в музее в Иркутске, самым примечательным на снимке является то, что ниша закрыта деревянными ставнями. Во второй половине XX в., когда мы довольно часто бывали здесь, это уже трудно было предположить.

В 1906–1907 гг. финский географ И. Г. Гранэ побывал в Уюкской котловине, на р. Элегест и в районе Чаа-Холя. Он также сфотографировал стелы с надписями и одну из них (Е 16) вывез в Национальный музей в Хельсинки.

В 1907–1910 гг. инженер В. М. Родевич, занимаясь геодезическими работами в начальной части Саянского каньона, отметил Чингисханову дорогу, которую он увидел сплавляясь по Улуг-Хему. Он писал: «Чингисханова дорога — старинное шоссе через Кемчикские (Хемчикские — Г. Д., Д. С.) горы и степь, длиной верст 100, от Джакуля (Чаа-Холя) на Кемчик». В каньоне она прослеживается от входа реки в Саянские горы до устья Хемчика. В. М. Родевич приводит предание, согласно которому она «сооружена кочевавшим на рубеже XII–XIII вв. Чингисханом, чтобы ездить ему на поклонение великой реке Кему с малой реки Кемчика, где он стоял». Интересно отмеченное выше его замечание о наличии древних оросительных систем, то есть остатков старых арыков, по местному (мочагов), подпорных стенок, высеченных в скале лотков. «По р. Иликему (Эйлиг-Хему) и Темир-Суку (Темир-Сугу), например, видно, как взятые очень высоко из речек древние каналы, опоясали кругом эти речные долины, лепясь по скалам в трех разных уровнях. Местами они очень искусно врезаны в утес, местами идут на весу, с искусственным дном из каменной кладки, или с деревянным дном из пластин на каменных столбах. Современные сойоты (тувинцы — Г. Д., Д. С.) не могут поддержать в исправности все эти сооружения, часто

очень остроумные — и лишь отчасти пользуются старыми арыками для орошения своих первобытных пашен. Такого же рода сооружением является береговая дорога, видная над Енисеем, на левом его берегу, в гористой его части, от входа реки в Саянские горы до устья Кемчика, на 20 верстах».

Недалеко от Джакуля (Чаа-Холя) В. М. Родевич отметил в горах левого берега полутемную пещеру именуемую Джурмал, в ней находится изсеченное изображение Будды обычного типа: это изваяние должно быть китайского или монгольского происхождения (Родевич, 1912. С. 145–146). Кроме того, он видел на некоторых могильных плитах и кое-где на скалах — знаки и надписи, язык которых преимущественно «древнекиргизский» (Родевич, 1912. С. 46).

В 1913 г. по поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете экспедицию в Туву возглавил биолог С. А. Теплоухов. Экспедиция имела задачу обследовать регион в антропологическом, археологическом и этнографическом отношении. Упомянем данную экспедицию в связи с тем, что, успешно проработав два месяца, ее сотрудники отправились вниз по Енисею на плоту через Саянский каньон. Эта поездка внесла решительные изменения в судьбу С. А. Теплоухова — буквально за десять лет он стал крупным археологом-сибиреведом, а созданная им для культур Минусинской котловины периодизация справедлива, в целом, и для Тувы.

В 1914 г. для ревизии деятельности заведующего устройством русского населения В. К. Габаева в Туву был направлен чиновник Главного управления земледелия и землеустройства С. Р. Минцлов, археологическую «деятельность» которого А. В. Адрианов оценил как «ученое хулиганство» (Дэвлет, 2004. С. 53). Будучи в Урянхайском крае под видом археолога, он произвел совершенно неквалифицированные раскопки курганов. Курганы раскапывались шурфами, без какой-либо графической фиксации и дневниковых записей. Фотографии каменных изваяний, наскальных рисунков, буддийской ниши Чурумал-Бурханнг, каменных курганов с установленными рядом с ними каменными стелами, земляных курганов и др. сохранились в Научном архиве ИИМК РАН (НА, ФА, отп. Q 635/1–19). Он, как и В. М. Родевич, видел береговую дорогу с реки. «Возвращаясь из Урянхайского края на плоту, в теснине Саянских хребтов, сжимавших своими отвесами воды Енисея, я на далеком протяжении от Чакуля видел высоко над водою на кручах скал, изорванные осыпями остатки той же дороги, выводившей, очевидно, в Минусинский край» (Дэвлет, 1982. С. 13). Об участке дороги в Тувинской котловине

(на восток от каньона) Минцлов пишет: «В 4–5 верстах от Чакуля дорога повышается в пустынную степь. По всей долине местами по искусственной насыпи вьется гладкая дорога — дорога Чингиз-хана. Устрасна из гальки. Сопровождают ее каменные монгольские курганы; особенно в 7–10 верстах от Чакуля. Несколько могил прямо на полотне дороги. Остатки этой дороги есть под Белоцарском (Кызылом) и близ Элегеста». Далее следует совершенно фантастическое, с нашей точки зрения, предположение, что это должна быть та дорога, о которой говорит Геродот, называя ее великим скифским путем, от Ольвии начинающимся и ведущим к подножию снеговых гор (Алтай) (Минцлов, б/г. С. 219–220).

В том же 1914 г. англичанин Д. Каррутерс, побывавший в Урянхайском крае в 1910–1911 гг., писал, что между Джакульской (Чаа-Хольской) долиной и рекой Кемчиком он нашел «хорошо сооруженную большую дорогу шириной в шесть ярдов, поднятую над уровнем окружающей ее степи, с канавами по обеим ее сторонам. Полотно этой дороги было так же ровно и так же хорошо укатано, как и на любой английской большой дороге. Проходящие караваны, которые обычно оставляют позади себя ряды глубоких параллельно тянувшихся небольших впадин, образуемых ногами лошадей или верблюдов, следующих обычно друг за другом гуськом, на поверхности этой дороги не оставляли никакого следа. Она тянется с прямолинейностью бывших римских дорог между двумя вышеупомянутыми пунктами, на протяжении приблизительно 50 миль. Нам представляется, однако, маловероятным, чтобы объем торговли здесь когда-либо мог достигать таких размеров, чтобы потребовалось даже сооружение для этого особого огромного пути. Назначение этой дороги остается для нас необъяснимым» (Каррутерс, 1914. С. 120–121). Он отметил, что водный путь от Чаа-Холя до Минусинска занимает 3–5 суток, а также то, что связь Чаа-Холя с севером может осуществляться через Куртушский перевал (Каррутерс, 1914. С. 116, 119).

А. В. Адрианов смог вернуться к исследованиям в Туве только в 1915–1916 гг. Он раскопал более 60 курганов разных исторических периодов, но все вне зоны будущего Тувинского моря. Собственно говоря, это были первые серьезные археологические исследования. Проведя зиму в Туве, он осуществил разведки от долины р. Хемчик до Бий-Хема, открыл и сфотографировал множество памятников и снова вывез в Минусинский музей ряд стел с надписями.

Таким образом, из древних памятников путешественники и исследователи, посещавшие Туву, в первую очередь, описывали буддийскую нишу в горе Сюме на левом берегу р. Чаа-Холь, отмечали монументаль-

ную кладку из плитняка вдоль левого берега Улуг-Хема на участке Саянского каньона выше устья р. Хемчик («дорогу Чингисхана»); как образно назвал ее Г. Е. Грумм-Гржимайло — «несокрушенное временем шоссе» и, конечно, памятники рунической письменности и каменные изваяния людей и животных.

В 1921 г. была провозглашена Тувинская Народная Республика (до 1926 г. — Танну-Тувинская). При СНК СССР в 1925 г. была создана «Комиссия по научному исследованию Монголии». Решение об изучении Танну-Тувинской Народной Республики было принято на заседании СНК в ноябре 1925 г., в связи с этим комиссия стала называться «Комиссией СНК по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик», а в начале 1926 г., когда аналогичное решение было принято по Бурят-Монгольской АССР произошло новое включение в ее название — «Комиссия СНК ... и Бурят-Монгольской АССР». В 1926 г. Комиссия направила в Монголию 8 отрядов, в том числе археологический под руководством С. А. Теплоухова, уже более десяти лет занимавшегося изучением памятников Минусинской котловины. В задачи этого года входило изучение северо-западной Монголии и Танну-Туву. В самом начале 1927 г. Комиссия перешла в ведение Академии наук СССР (Юсупова, 2006. С. 89–92). С. А. Теплоухов работал в Туве три сезона, в 1927 г. археологические исследования были сосредоточены в районе с. Туран, в долине р. Чаа-Холь, на дороге Чингисхана и у горы Бай-Даг, где он исследовал курганы могильников Чааты I и II.

Впоследствии, в 1950-е–1960-е гг. в разных районах Тувинской республики проводили многолетние исследования Тувинская археологическая экспедиция МГУ под руководством Л. Р. Кызласова (1955–1960, 1962 г.), археологическая экспедиция ТНИИЯЛИ под руководством С. И. Вайнштейна в 1955–1958 гг. и М. Х. Маннай-оола — в 1960–1968 гг. и Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством Л. П. Потапова (1957–1963, 1965–1966 гг.), археологическими отрядами которой руководили А. Д. Грач (1957–1961 гг.), С. И. Вайнштейн (1959–1960, 1962–1963 гг.) и В. П. Дьяконова (1961–1963, 1965–1966 гг.). Был получен и систематизирован огромный новый фактический материал. Однако области исследований этих экспедиций располагались в основном за пределами территории будущей зоны Тувинского моря. К систематическому обследованию этого района археологи обратились только в связи с проектируемыми работами по сооружению Саяно-Шушенской ГЭС.

3. РЕКОГНОСЦИРОВОЧНАЯ РАЗВЕДКА 1962 ГОДА

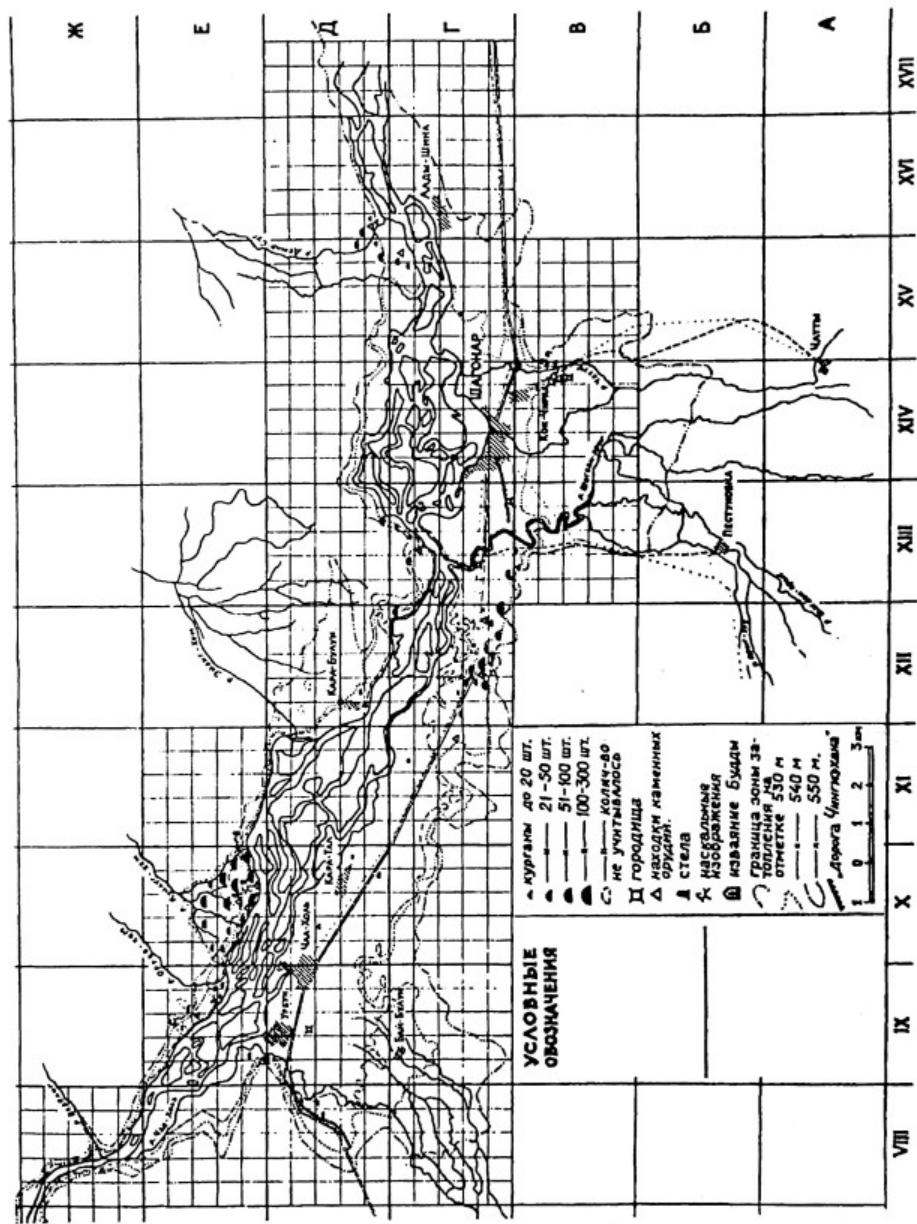
Первые масштабные исследования в зоне будущего водохранилища с целью составления программы и плана работ намечающейся экспедиции были осуществлены в 1962 году. Рекогносцировочное обследование зоны водохранилища Саянской ГЭС производилось в соответствии с заданием Ленинградского отделения Всесоюзного государственного института «ГИДРОЭНЕРГОПРОЕКТ». «Первопроходцами» были начальник отряда А. Д. Грач, чертежник М. А. Петухов, лаборант Д. Г. Савинов (тогда студент кафедры археологии ЛГУ), аспирант С. Н. Астахов. Перед Саяно-Тувинским отрядом Красноярской экспедиции (так он был оформлен в административном отношении) были поставлены задачи: выявление и фиксация на карте археологических памятников в зоне затопления, разработка программы археологических работ, установление объема и стоимости последующих работ.

В 1962 г. были произведены разведывательные маршруты в пределах отметок 550 м над уровнем моря на территории левобережья Улуг-Хема — от горы Хайыракан и гряды Бай-Даг до подножия Чурумал-Бурханлыг-Хая, включая районы Шагонара, Кара-Тала и Урбюна; по правому берегу — от р. Демир-Суг до р. Ортаа-Хем в начале Саянского каньона. В результате проведенного обследования были выявлены и нанесены на карту разновременные археологические объекты — от палеолита до XVII–XVIII вв. включительно⁶.

Палеолитические местонахождения в этом районе ранее были неизвестны. С. Н. Астахов обнаружил несколько памятников на левом берегу Улуг-Хема (Аргалыкты I–III) и значительно больше на правом — Демир-Суг, около «Парома», в районе Кара-Булуна, Куйлуг-Хема и Ортаа-Хема. Это положение — преимущественное размещение памятников эпохи камня на правом берегу Улуг-Хема — подтвердилось и в дальнейшем, во время работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР.

Курганные могильники были обследованы по обоим берегам Улуг-Хема. На левом берегу на могильнике Бай-Даг С. А. Теплоуховым и Л. Р. Кызласовым ранее был раскопан 21 курган. Погребения датировались гунно-сарматским и древнетюркским временем. Новонайденные курганы располагались вдоль подножия возвышенности Бай-Даг справа и слева от дороги Шагонар–Чатты: 20 земляных курганов округлой в плане формы с западиной посередине и 95 каменных курганов. Могиль-

⁶ О том, как проводились эти рекогносцировочные работы см.: Савинов, 1998. С. 69–70.

Карта зоны степной части затопления Саяно-Шушенской ГЭС.
Составлена по итогам рекогносцировочной разведки 1962 г. Художник М. А. Петухов.

ник Чатты севернее II Шагонарского городища насчитывал 12 сильно заросших курганов, которые, по определению А. Д. Грача, относились к гунно-сарматскому времени и содержали погребения в катакомбах. (Скорее всего, это могильники Чатты I–II, но о них тогда было мало известно).

На Аргалыкты, вдоль северного склона хребта, примерно на протяжении 7 км было зафиксировано 834 видимых объекта, большая часть которых была отнесена к монгун-тайгинской культуре, 192 памятника не поддавались предварительной датировке. В дальнейшем здесь работал отряд Ю. И. Трифонова. Были открыты памятники эпохи бронзы, скифского, гунно-сарматского и древнетюркского времени.

На правом берегу почти напротив горы Хайыракан был обнаружен могильник Демир-Суг. Из 350 курганов только 150 должны были уйти под воду при отметке 550 м. Курганы относились к монгун-тайгинской культуре, скифскому и древнетюркскому времени.

Могильник «Паромный» в 1965 г. был исследован М. Х. Маннай-оолом, более правильное его название Ховужук. Часть курганов — с западинами по центру — оказались скифскими погребениями с камерами-срубами.

О могильниках Эйлиг-Хем I–III А. Д. Грач пишет, что это, вероятно, один из крупнейших могильников правобережья. На могильнике Эйлиг-Хем I было насчитано 56 курганов — уплощенные с западинами по центру, кольцевые выкладки диаметром до 25 м и небольшие круглые выкладки. На могильнике Эйлиг-Хем II — 69 памятников, тоже с западинами в центральной части, подчетыреугольные выкладки со стелами по углам и др., но, в основном, каменные сооружения монгун-тайгинской культуры. Могильник Эйлиг-Хем III А. Д. Грач в 1962 г. отнес, в основном, к монгун-тайгинской культуре. Действительно, как показали исследования 1980 и 1983 г. (Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская), огромное плато было занято курганными сооружениями монгун-тайгинского типа и раннескифскими, но в 1965 г. А. Д. Грач обнаружил почти в центре эйлиг-хемского плато великолепный кыргызский могильник. Вероятно, в 1962 г. этот памятник не попал в поле зрения, иначе А. Д. Грач обязательно отметил бы в отчете наличие двух стел с руническими письменами близ огромных курганов, значительно больших, чем памятники монгун-тайгинского типа (Грач, Савинов, Длужневская, 1998).

На могильнике Куйлуг-Хем, расположенном на плато ниже по течению Улуг-Хема, было насчитано более 1700 каменных курганов. Памят-

ники монгун-тайгинской культуры здесь имеют округлые центральные насыпи и подчетыреугольные или круглые ограды и крепиды, поздне-тюркские курганы VIII–IX вв. — округлые, диаметром от 10 до 18 м, с просадкой камня в центральной части по оси С-Ю. Исследованиями А. Д. Грача на Куйлуг-Хеме в 1966 г. были открыты курганы монгун-тайгинского типа и скифского времени.

Могильник Ортаа-Хем, также на правом берегу Улуг-Хема, имел общее число курганов более 520. Все курганы — каменные, большинство по внешнему виду сходны с памятниками Куйлуг-Хема. К гунно-сарматскому времени А. Д. Грач отнес каменные насыпи неправильных очертаний, которые образовывались с каждым новым захоронением. Там же была обнаружена стела с рунической надписью, стоявшая в оградке. В 1970 г. И. У. Самбу раскопал древнекыргызский курган, поблизости от которого она находилась.

Во время рекогносцировочных обследований 1962 г. было обнаружено всего три пункта наскальных изображений — на хребте Аргалыкты, скале Улуг-Хая и Ортаа-Хемском плато. В дальнейшем оказалось, что их значительно больше.

Несмотря на то, что Шагонарские городища были известны с конца XIX в. и обследовались Д. А. Клеменцем (1891 г.), С. А. Теплоуховым (1927 г.) и Л. Р. Кызласовым (с 1957 г.), они снова были осмотрены, поскольку при подъеме воды до отметки 550 м все городища оказались бы под водой. Шагонарская группа включала 4 городища: 1-е в 1,5 км к западу от Шагонара, остальные вытянуты цепочкой с северо-запада на юго-восток в 6 км к юго-востоку от 1-го городища. Кроме того, было открыто Усть-Шагаанарыгское городище, расположенное на левом берегу р. Шагаанарыг, в 1,5 км от места впадения реки в Улуг-Хем и конструктивно сходное с другими памятниками, а также обследовано городище Бажын-Алаак, в 1,5 км к западу от пос. Чаа-Холь. Ранее небольшие раскопки здесь были произведены С. И. Вайнштейном (Вайнштейн, 1959). В СТЭАН раскопками на этом городище руководили А. М. Мандельштам, А. Я. Щетенко и С. С. Миняев.

В зоне затопления оказался и участок «дороги Чингиз-хана». Тувинское название этого сооружения «Чингиз-хан – орук». Вал на протяжении сотен километров тянется с востока на запад и прослежен визуально от Элегеста на востоке и до Сут-Холя, Барун-Хемчика и Бай-Тайги на крайнем западе (Минцлов, 1916. С. 14; Грумм-Гржимайло, 1926. С. 356 и сл.). В зоне затопления участки древнего вала наиболее четко видны в районе Шагонара (вал тянется от Шагонара в направлении 1-го Шаго-

нарского городища и обрывается в долине р. Шагаанарыг) и в районе Чаа-Холя к западу и юго-западу от Чаа-Хольского городища, по левобережью р. Чаа-Холь и в урочище Аймырлыг. Менее четко — на левом берегу Улуг-Хема между реками Шагаанарыг и Чаа-Холь. Ширина вала колеблется от 8 до 17 м, высота — до 1,5 м. Вдоль северной стороны вала прослеживаются остатки рва. Предполагалась его датировка уйгурским периодом, киданьским и даже монгольским. Как отмечает А. Д. Грач, «остаются не вполне ясными цели, которыми руководствовались древние строители при проведении столь объемных для своего времени работ при сооружении вала».

И, наконец, святилище Чурумал-Бурханныг-Хая, о котором уже достаточно много было сказано выше. В отчете приведены несколько иные параметры ниши: высота — 1,45 м, ширина — 0,95 м и глубина — 0,9 м. Предположительная датировка — XI–XIII вв. А. Д. Грач подчеркивает, что святилище функционировало вплоть до самого недавнего времени.

Уже первое рекогносцировочное обследование зоны затопления показало, что здесь сосредоточены самые многочисленные из известных к тому времени в Монголии и Туве скопления археологических объектов. Наикрупнейшим могильником ранее считался комплекс Карасуглуг-Аксы-Шоль в северо-западной Туве — 280 объектов, а в зоне водохранилища только в могильниках Аргалыкты и Куйлуг-Хем их насчитывалось более 2500, причем учтены только сооружения, имевшие отчетливые признаки на поверхности, а при изучении могильников сплошной площадью непременно должны были выявиться новые конструкции. Работы СТЭАН подтвердили это положение, например, на могильнике Аргалыкты I были зафиксированы только древнетюркские курганы, а более 30 сильнозадернованных ящиков и грунтовых могил улуг-хемской культуры было выявлено Ю. И. Трифоновым в 1969 г.

Исходя из представленного А. Д. Грачом отчета ясно, что в 1962 г. Саянский каньон остался необследованным. Правда и того, что было сделано, оказалось достаточно, чтобы предложить программу археологических работ в зоне водохранилища. В основу единого перспективного плана работ СТЭАН был положен принцип пропорционального и комплексного изучения всех основных эпох истории Центральной Азии — каменного века, эпохи бронзы, скифского, гунно-сарматского и древнетюркского времени, памятников II тысячелетия н. э. — вплоть до памятников позднейших тувинцев (Грач, 1980. С. 14). Стационарные раскопки памятников всех исторических периодов имели цель охватить

максимальное количество объектов, при проведении принципа пропорциональности в исследовании узловых исторических эпох.

Для осуществления программы работ необходимо было организовать специальную археологическую экспедицию сроком на 6–7 лет, в составе которой два отряда будут исследовать памятники палеолита и неолита и один — эпохи бронзы. Из 5 курганных отрядов два займутся изучением памятников на левом берегу Улуг-Хема и три — на правом, два отряда будут изучать уйгурские городища. Естественно, что не все нанесенные на карту объекты смогут быть раскопаны, поэтому предполагалось принять «принцип выборности», то есть исследовать наиболее ценные объекты. Курганов следовало изучить — 900, объектов эпохи бронзы — 180. Общая вскрытая площадь на палеолитических и неолитических стоянках должна была составить 4800 кв. м, а на уйгурских городищах и сопутствующих им памятниках — 1800 кв. м. Общая стоимость работ на 6 полевых сезонов оценивалась в 528 000 рублей. На карты было нанесено 3538 курганных объектов, три местонахождения петроглифов, 5 городищ, два непрерывных участка «дороги Чингиз-хана», святилище Чурумал-Бурханниг-Хая.

Новая экспедиция должна была работать в течение 6 полевых сезонов по 3 месяца ежегодно. Предполагалось, что курганный отряд будет исследовать по 30 курганов, на палеолитических и неолитических стоянках следовало вскрывать по 400 кв. м, а на уйгурских городищах — по 150 кв. м.

Зона водохранилища охватывала всю центральную часть Тувинской котловины, Саянский каньон, низовья Хемчика и других впадающих в Улуг-Хем горных речек. Предполагалось, что на Хемчике водохранилище дойдет до Порога, уровень Хемчика у Порога 553 м выше его и 549 м — ниже. У горы Хемчик-Бом (с пограничным знаком № 23) у слияния Улуг-Хема и Хемчика — 500 м, при этом вершина горы — 582 м.

Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР, самая крупная в то время новостроечная экспедиция в стране, была организована в феврале 1965 г. и приступила к полевым работам в июне того же года. До 1973 г. экспедиция работала под руководством Александра Даниловича Грача, с 1973 по 1984 г. — Сергея Никитича Астахова. «В своих работах СТЭАН руководствуется, — писал А. Д. Грач, — единым перспективным планом пропорционального изучения основных исторических эпох при неуклонном соблюдении комплексности разных исследовательских дисциплин (археология, этнография, антропология, палеолингвистика, геология и изучение природной среды)» (Грач, 1969. С. 44–45).

4. АЭРОФОТОСЪЕМКА

Статья А. Д. Грача, извлечения из которой приводятся ниже, была предназначена для публикации в издании «Археология Центральной Азии. Труды Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР, т. 1» — «Авиация в археологических исследованиях и разработка методики применения вертолета (аэровизуальные работы, аэрофотосъемка)».

В самом начале работ по археологической разведке памятников зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве, проводившихся в 1962 г., были использованы дешифрованные листы аэрофотосъемки, предпринятой в сельскохозяйственных целях. На этих листах при дешифрировании были отмечены многие места расположения могильных комплексов зоны — могильники на Даштыг-Шоле и Часкале, у подножия хребта Аргалыкты, на плато Аймырлыг, в урочище Карабей, на правом берегу Енисея — на Темир-Суге, Куйлуг-Хеме и Ортаа-Хеме. Участки Саянской трубы остались при сельхоздешифрировании белыми пятнами, так как там, естественно, отсутствуют пахотные земли. Однако, так или иначе, данные аэрофотосъемки оказали нам весьма существенную помощь, позволили провести работу эффективно и в самые сжатые сроки. В конечном итоге, в сочетании с данными интенсивной наземной разведки эти материалы существенно помогли в составлении первого сводного плана работ в зоне водохранилища. Карта памятников зоны водохранилища Саянской ГЭС в Центральной Туве разбита на сектора площадью в 25 кв. км, каждый из которых соответствует дешифрованному листу аэрофотосъемки.

Авиагруппа СТЭАН во время полевых сезонов 1965–1969 гг. работала в следующем составе: руководитель работ — А. Д. Грач, вертолеты пилотировали летчики Тувинского объединенного авиаотряда Гражданского Воздушного Флота В. Т. Чистяков (1965 г.), Г. Ф. Литвинчук (1966–1967 гг.), Б. А. Дримба (1969 г.). В полетах принимали участие борт-ассистенты Н. Л. Буравик (Дементьева) (полеты в каньоне Хемчика), В. А. Грач (полеты в Саянском каньоне Енисея). Кроме того в полетах в разные полевые сезоны принимали участие начальники отрядов СТЭАН — С. Н. Астахов (1965, 1967 г.), И. У. Самбу (1965 г.), А. М. Мандельштам (1967, 1969 г.), Д. Г. Савинов (1965 г.). Фотографирование археологических комплексов с борта вертолета вел А. Д. Грач, киносъемку — оператор Свердловской киностудии Г. П. Гирева.

Во время воздушных маршрутов, выполненных в 1965–1969 гг. авиагруппой СТЭАН, проводились аэровизуальные исследования и аэрофотофиксация (перспективная аэрофотосъемка) археологических памятников зоны будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве и в Саянском каньоне Енисея. С воздуха исследовались и фиксировались все категории археологических объектов — стоянки каменного века, курганные могильники разных исторических эпох, включающие объекты монгун-тайгинского типа, скифского времени (VII–III вв. до н. э.), гуно-сарматского времени (первые вв. до н. э. — первые вв. н. э.), древнетюркского времени (VI–X вв. н. э.), города древних уйгуров (VIII–IX вв. н. э.), древние оборонительные сооружения, позднейшие погребения XVII–XIX вв.

Применение вертолета позволило обнаружить курганные могильники и другие памятники в местах, совершенно недоступных для автотранспорта и труднодоступных вообще. С вертолета было начато изучение памятников Саянского каньона Енисея и Хемчикского каньона, где наличие археологических объектов вообще не предполагалось и места эти считались необитаемыми в древности. После облета начальных участков Саянского каньона археолог — начальник 3-го отряда СТЭАН С. П. Астахов на надувных резиновых лодках одним рейсом прошел всю Саянскую «трубу» — от Карабея до Майны.

Авиагруппой СТЭАН во время полетов выявлены в Саянском каньоне Енисея могильники Чинге I и II (правобережье Енисея у места впадения р. Чинге), Хемчик-Бом I, II (у места впадения Хемчика в Енисей), могильники Хемчикского каньона (низовья Хемчика). Могильники центральноазиатских типов (каменные курганы), открытые с вертолета на участках Саянской трубы, расположенных в глубине каньона ниже шивер Сарыг-Хая и Кургол — в урочищах Казынных и Большие Уры, а также ниже Староверского порога — на Керемикском займище. Обнаружение этих курганных комплексов является открытием принципиального порядка, так как иллюстрирует инфильтрацию центральноазиатских племен в глубины Саянского хребта.

В пределах Центральной Тувы с воздуха обнаружены многочисленные неизвестные ранее могильники. К числу этих памятников относится могильник Алды-Бель I, включающий комплексы VII–VI вв. до н. э. (памятники тасмолинского типа) и древнекыргызские курганы с трупопожжением, а также стелы с енисейскими надписями (надпись на главной стеле — от имени киргизского сонунa — «генерала» Бёри). Могильник открыт с воздуха в 1965 г., в том же сезоне обследован наземно с

участием проф. И. А. Батманова, расшифровавшим енисейские надписи, и раскопан. Курганы VII–VI вв. до н. э. были раскопаны в 1967–1968 гг. и явились первыми в археологии Центральной Азии бесспорными комплексами этого периода скифского времени. Таким образом были заложены перспективные основы изучения раннего периода скифского времени, получившего название алды-бельского.

Неизвестные ранее курганные могильники были открыты в глубине Куйлуг-Хемского ущелья, на плато, в ущелье р. Ортаа-Хем, на террасах правобережья Енисея от Темир-Суга до Ховужука. В Эйлиг-Хемской долине были открыты новые кыргызские памятники (курганы типа обнаруженного в этой же долине могильника Эйлиг-Хем I)⁷.

Все выявленные типы курганных объектов читаются с воздуха в деталях, более того, неизмеримо четче, чем с земли. На объектах всех вариантов монгун-тайгинского типа выделяются крепиды и ограды, плиты перекрытия погребений. На курганах скифского времени исключительно четко прослеживаются западины центральных сооружений, ограды и другие детали.

Явственно определяются курганы всех вариантов, относящихся к гунно-сарматскому времени. На курганах, представляющих собою сооружения с языками-пристройками, с воздуха в ряде случаев прослеживается последовательность пристроек. На курганах ноин-улинского типа, несмотря на сильную задерновку, видны характерные трапециевидные пристройки, примыкающие к основному наземному сооружению с юга (могильник Бай-Даг II). Тюркские и, особенно, кыргызские курганы выделяются по своим характерным признакам — наземные сооружения их в большом числе случаев незадернованы. Впускные погребения XVII–XIX вв. в сооружениях более древних курганов видны вполне отчетливо, так как перебранные при производстве впускных захоронений камни образуют на фоне кургана более темные очертания.

С воздуха обследованы все древнейшугурские города Улуг-Хемского района. Аэровизуальный осмотр позволил выявить некоторые дополнительные детали, неразличимые с земли (например, малые бойцовые башни на городище Бажын-Алаак), тщательно проследить планировку. Городище Бажын-Алаак, имеющее площадь несколько более 9 га, изу-

⁷ В 1980 г. авторы данной книги еще раз произвели разведку могильного поля Эйлиг-Хем, включающего более 150 разновременных каменных сооружений, расположенных отдельными группами (могильниками), но новых кыргызских курганов, о которых пишет А. Д. Грач, найти не удалось.

чалось и фотографировалось с высоты 800 м, детали (стены, башни, ворота, раскопы на городище) фиксировались с высоты 50 м. Городища Шагонарской группы, меньшие по размерам, изучались и фиксировались с меньших высот. Облеты древних городов позволили составить об их облике и планировке гораздо более полное представление, чем при наземных осмотрах — с земли городища эти в деталях маловыразительны.

Стоянки каменного века в месте впадения Хемчика в Енисей и у места впадения р. Чинге осматривались и фотографировались при диапазоне высот от 40 до 1500 м. На низких высотах снимались раскопы на стоянке Усть-Хемчик III — первой стоянке с культурным слоем, обнаруженной СТЭАН и относящейся ко времени перехода от мезолита к неолиту. С больших высот перспективная аэрофотосъемка позволила выявить экологический антураж стоянки Усть-Хемчик III, выходы к местам охоты на горного козла.

В 1969 г. была начата работа по сплошной аэрофотосъемке памятников зоны водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Помимо уже упомянутых памятников, аэрофотосъемка велась на исследуемых отрядами экспедиции могильниках Аргалыкты I, II, Аймырлыг, Урбюн III, IV, Улуг-Оймак I, II, Алдыбы-Бель I, Куйлуг-Хем I, Ортаа-Хем III. С воздуха сфотографировано святилище с наскальными изображениями эпохи бронзы в урочище Мугур-Саргол. Киносъемка с борта вертолета, которая затем вошла в научно-популярный кинофильм о работах СТЭАН — «Археологи в центре Азии» (производство Свердловской киностудии, 1969 г.), велась на могильниках Хемчик-Бом I, II и над городищем Бажын-Алаак.

Аэровизуальные исследования и работы по дешифрированию аэрофото позволили выявить объекты, совершенно не читаемые при наземных исследованиях. Так, например, на могильнике Куйлуг-Хем I был выявлен еще один курган эпохи бронзы, подобный кургану, раскопанному в пределах этого же плато в 1966 г. и давшему карасукский инвентарь. Показательно, что вновь обнаруженный памятник расположен в нескольких метрах от группы комплексов, содержащих курганы раннего скифского времени, перекрывавших курганы монгун-тайгинского типа. Эти памятники детально исследовались I-м отрядом СТЭАН в 1966–1968 гг. и, тем не менее, наземные поиски объектов, подобных кургану, раскопанному в 1966 г., не дали никаких результатов. На аэрофотоснимках обнаруженный с воздуха курган (форма в плане четырехугольная, имеется ограда из плит и

стелы по углам) читается совершенно отчетливо по разности в цветности.

Выполненные в 1969 г. облеты и фотографирование могильников, раскопанных в предыдущие сезоны, показали, что зарастание раскопов почти не влияет на качество фотофиксации — все детали видны превосходно. Весьма показательна в этом отношении аэрофотосъемка уже упомянутых комплексов на могильнике Куйлуг-Хем I, исключительно наглядно иллюстрирующая перекрывание одних объектов другими (фото, сделанные с поверхности земли, в отношении показательности не идут ни в какое сравнение с аэрофото).

Использование вертолета позволило нам наиболее широко и представительно уяснить экологический фон расположения различных категорий археологических памятников, закономерности их размещения в конкретных географических условиях, соотношение различных по хронологии объектов. Аэрометоды дали возможность перейти от узко тактического к обобщенному взгляду на сочетания памятников (курсив наш — Г. Д., Д. С.).

Благодаря авиамаршрутам удалось выявить некоторые отклонения от обычных для Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии правил и закономерностей сооружений курганных могильников. Так, например, при облетах Хемчикского каньона характерный для гунно-сарматского времени курган с «языками» (комплекс кокэльского типа) был обнаружен в пределах второй «петли» низовьев Хемчика по левому берегу реки на возвышенности-обрыве, поднимающемся над поймой на высоте более 100 м.

* * *

Фотоотпечатки аэрофотосъемки А. Д. Грача сохранились в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН (НА, ФА, отп. О.3193), на них зафиксированы с борта вертолета памятники, некоторые во время их исследования, другие — ныне затопленные водами Тувинского моря.

Обзор материалов Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, отложившихся в результате деятельности всех ее отрядов в степной части (от горы Хайыракан до входа реки в ущелье) и в Саянском ущелье был опубликован в 1995 г. (Длужневская, Березовская, 1995. С. 185–188). В данной работе фотодокументы были учтены по единой системе, где указаны год раскопок, номер коллекции; количество негативов и отпечатков; отряд (начальник отряда); местонахождение памятника, его на-

звание, предварительная датировка исследованных памятников. Всего за годы деятельности СТЭАН в 1965–1984 гг. в архиве отложилось 8750 негативов и 8580 отпечатков. В другой работе (Сборник к 70-летию А. Д. Грача «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург») представлены как материалы из фотоотдела, так и документы из рукописного отдела Научного архива — полевые отчеты и дневники, чертежи (Длужневская, 1998. С. 22–29).

Фотодокументы по памятникам, ныне находящимся на дне Тувинского моря, отложились также в личных фондах А. Д. Грача (фонд № 66) и М. А. Петухова (фонд № 67). Значительно пополнилось количество фотодокументов по наскальным изображениям, которые передает на хранение М. А. Дэвлет.

ОТ ХАЙЫРАКАНА ДО УРБЮНА (КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР)

1. ЭПОХА БРОНЗЫ

Рассмотрение археологических памятников степной части водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС целесообразно начать с памятников эпохи бронзы или, точнее, — первых шагов развития скотоводческих обществ на севере Центральной Азии, ставших определяющими в культурогенезе всех последующих исторических эпох. Следует отметить, что до начала работ Саяно-Тувинской экспедиции памятники эпохи бронзы здесь вообще не были известны. Правда и после многолетних исследований, проведенных СТЭАН, количество их явно уступает памятникам других исторических периодов. Число же возникающих при их рассмотрении проблем оказывается «на порядок» выше.

Памятники монгун-тайгинского типа. Наиболее широко в Туве предскифского времени были распространены памятники монгун-тайгинского типа (или культуры), выделенные А. Д. Грачом по материалам его раскопок середины 50-х гг. в Монгун-Тайге, крайнем юго-западном районе Тувы, откуда они и получили свое наименование. В настоящее время памятники монгун-тайгинского типа открыты во всех горно-степных районах Тувы, вплоть до устья р. Хемчик в Саянском каньоне Енисея (Грач В., Длужневская, 1973. С. 205). До этого крайним северным пунктом их нахождения считался могильник Урбюн I, у самого начала Саянской «трубы» (Савинов, 1966. С. 27). В сводке К. В. Чугунова 1994 года учтено 112 местонахождений памятников монгун-тайгинского типа в Туве (Чугунов, 1994. С. 46). Количество погребений, раскопанных к настоящему времени, значительно больше. Поэтому замечание А. Д. Грача о том, что памятники монгун-тайгинского типа «оставлены одной из самых больших этнических групп, обитавших в древности на

территории Тувы» (Грач, 1966 а. С. 107), следует считать абсолютно верным.

Главные отличительные особенности памятников монгун-тайгинского типа: нахождение погребений вблизи или на уровне древней поверхности — в валунных камерах, цистах, неглубоких ямах с плитовым покрытием, крепида в основании наземных сооружений, западная (с отклонениями) ориентировка погребенных и практически полное, за исключением отдельных случайных находок на площади сооружений, отсутствие предметов сопроводительного инвентаря, что весьма ограничивает возможности их хронологического определения.

Исходя из конструктивных особенностей надмогильных сооружений, А. Д. Грачом была предложена классификация памятников монгун-тайгинского типа с разделением их на 4 варианта, из которых последний — четвертый (с перемычками на площади курганов) — уже относится к херексурам (Грач, 1971. С. 94–96; 1983 а. С. 245–246). По Вл. А. Семенову и К. В. Чугунову, в общей массе монгун-тайгинских погребений можно выделить ряд последовательных групп: «1) Древнейшими являются захоронения в неглубоких ямах, окруженных каменными кольцами (могильники типа Бай-Даг III); 2) захоронения в узких ямах, обложенных по периметру камнями; 3) захоронения в узких цистах (валунных камерах — Г. Д., Д. С.) на горизонте; 4) захоронения в больших цистах на горизонте, окруженных крепидой» (Семенов, Чугунов, 1987. С. 74). Фактологическое обоснование такой линии развития памятников монгун-тайгинского типа было дано позднее в специальной работе К. В. Чугунова (Чугунов, 1994. Рис. 2, 3).

Захоронения в больших цистах на горизонте, как было установлено еще в 1961 г. Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1961. С. 228), относятся уже к раннескифскому времени. По первому исследованному и правильно датированному комплексу (могильник Шанчиг — Кызласов, 1979. С. 35–39), они могут быть определены как памятники шанчигского типа. Другие варианты погребений монгун-тайгинского типа, как и предполагал А. Д. Грач, должны быть отнесены к эпохе бронзы. При этом одним из аргументов такой датировки стали случаи перекрывания погребений монгун-тайгинской культуры 3 типа (по классификации К. В. Чугунова) курганами алды-бельской культуры раннескифского времени на могильнике Куйлуг-Хем (Грач, 1980. Рис. 75–79).

Выборочные раскопки курганов монгун-тайгинского типа в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС производились на многих могильни-

ках (Аргалыкты II, IX; Бай-Даг III, IV; Новый Чаа-Холь; Куйлуг-Хем I, II, IV; Хемчик-Бом; Темир-Суг; Бедиг-Хорум; Каравей I, II; Мугур-Саргол; Хем-Терек II, III; Новый Эйлиг-Хем; Урбюн I и др.). В северной части Саянского каньона и в Минусинской котловине таких погребений нет. Из раскопанных СТЭАН погребений монгун-тайгинской культуры следует выделить те сооружения, на площади которых были найдены отдельные вещи, не представляющие собой сопроводительного инвентаря, но явно одновременные захоронениям. Будучи расположены в хронологической последовательности, эти редкие находки могут служить ориентирами при определении этапов развития монгун-тайгинской культурной традиции.

Так, на могильнике Аргалыкты II обнаружены следы охры на костях погребенных и фрагменты керамики с «елочным» орнаментом, напоминающие керамику афанасьевской культуры (Трифонов, 1966. С. 25–27). На могильнике Бай-Даг III (с узкими ямами, перекрытыми крупными плитами) в одном из погребений найдены кремневые наконечники стрел и несколько обломков бронзовых предметов (Мандельштам, 1968. С. 170; Мандельштам, Стамбульник, 1980. С. 45–46). Рисунки этих наконечников стрел (листовидной формы с вогнутым основанием) опубликованы Вл. А. Семеновым (Семенов, 2000. Рис. 4) и соответствуют наконечникам стрел сейминско-турбинского типа. В погребениях с валунными камерами несколько раз (могильники Аргалыкты I, Куйлуг-Хем IV и др.) встречены фрагменты валиковой керамики, широкое распространение которой в степной зоне Евразии относится к концу II – началу I тыс. до н. э. Важно отметить, что именно погребения данного типа были перекрыты курганами алды-бельской культуры на могильнике Куйлуг-Хем I, что, по словам А. Д. Грача, отражало «символику победы и завоевания территории» (Грач, 1980. С. 61, 93). С погребениями в цистах на уровне древней поверхности связаны первые находки оленних камней общеевразийского типа, т. е. без изображений животных. Самый ранний из них был найден Ю. И. Трифоновым на могильнике Аргалыкты XIII. Камень с пояском и кольцами-серьгами на боковых сторонах находился здесь в юго-восточной части цисты на уровне перекрытия и, очевидно, первоначально был установлен над головой погребенного (Савинов, 1994. С. 60–61). Такой же олений камень был установлен в ограде одного из курганов могильника Бедиг-Хорум (раск. Г. В. Длужневской, Д. Г. Савинова, 1983 г.).

В целом, хотя монгун-тайгинская проблема еще далека от своего решения, указанные находки соответствуют приведенной выше после-

довательности различных типов (или вариантов) монгун-тайгинских погребений, что позволяет синхронизировать их с определенными этапами развития культуры эпохи бронзы (в широком, формационном значении термина).

Период ранней бронзы. У подножия горы Хайыракан было раскопано 5 курганов афанасьевской культуры (Рева, 1995). Сохранившиеся части наземных сооружений представляли собой кольцевые выкладки (в среднем диаметром около 4 м) из положенных в несколько слоев каменных плит, под которыми находились неглубокие (до 1 м) могильные ямы с одиночными захоронениями. Положение погребенных там, где это удалось проследить, на спине, с поднятыми вверх коленями, головой на запад. В одном случае череп был отчленен. Кисти рук и стопы густо посыпаны охрой. Предметов сопроводительного инвентаря в самих погребениях нет, но между камнями наземных сооружений найдены фрагменты характерной афанасьевской керамики, а также отдельные вещи — три ромбических каменных наконечника стрел и сскирообразный вкладыш (не опубликованы). По всем приведенным признакам, курганы у подножия горы Хайыракан соответствуют алтайскому (арагольскому) варианту афанасьевской культуры. Еще раньше такие же погребения были раскопаны Л. Р. Кызласовым у горы Кызыл-Хая в 6 км от пос. Самагалтай (Кызласов, 1979. С. 21–22, рис. 13) и В. В. Волковым в северной Монголии на могильниках Алтан-Сандал и Шаатар-чулуу (Новгородова, 1989. С. 81–86). Также, как и в могилах у Хайыракана, в них не было сопроводительного инвентаря, но в кладке наземных сооружений найдены фрагменты афанасьевской керамики. На основании этого А. Д. Цыбиктаров высказал предположение об объединении афанасьевских погребений Монголии и Тувы в одну, наиболее близкую, культурную общность, отличную как от минусинского, так и алтайского вариантов афанасьевской культуры (Цыбиктаров, 2002. С. 116–117). С этим, в принципе, можно согласиться, хотя, конечно, материалов для таких широких культурно-исторических обобщений еще мало.

Другой чрезвычайно интересный памятник, имеющий непосредственное отношение к афанасьевской проблеме — многослойная стоянка Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея, пятый культурный слой которой перекрывает четыре нижних (неолитических) и относится Вл. А. Семеновым к афанасьевской культуре (Семенов, 1992. С. 23–24, рис. 27). Керамика подобного типа встречается и на других стоянках Саянского каньона (Хадынных I). Афанасьевская керамика со стоянки Тоора-Даш очень похожа на неолитическую, в связи с чем Вл. А. Семенов

писал о том, что материалы Тоора-Даша «представляют определенный интерес для решения вопроса о сложении самой афанасьевской культуры, так как указывают на возможные связи ее с предшествующим неолитом» (Семенов, 1982. С. 221). Эта мысль была воспринята сибирскими исследователями, как возможное свидетельство местного происхождения афанасьевской культуры, с чем вряд ли можно согласиться, так как такое предположение требует пересмотра всей концепции происхождения ранних скотоводов Центральной Азии и Южной Сибири и объяснения не менее очевидного сходства материалов афанасьевской и ямной культур. Какое место занимают памятники афанасьевского типа в Центральной Туве и Саянском каньоне Енисея в общей системе распространения афанасьевских традиций — с юга на север или, наоборот, с севера на юг — сказать пока трудно.

Северная часть Улуг-Хемской котловины и Саянский каньон, входившие в зону полевых исследований СТЭАН, являются единственным местом на севере Центральной Азии, где открыты памятники наиболее близкие окуневской культуре Среднего Енисея и, очевидно, составлявшие ее ближайшее «окружение». Это погребения на могильном поле Аймырлыг, на левом берегу р. Чаа-Холь, исследованные А. М. Мандельштамом и Э. У. Стамбульником. «Сейчас можно с значительной долей уверенности считать, что в Туве, в первой половине II тыс. до н. э. (а, возможно, и позднее), — отмечали авторы этого открытия, — существовала культура, во многом близкая к недавно выделенной в Минусинской котловине — Окуневской» (Мандельштам, Стамбульник, 1980. С. 45). Однако долгое время материалы этих памятников, раскопанных в середине 70-х гг., оставались неопубликованными. Вместе с тем, за прошедшие годы даже появилось их новое наименование — чаа-хольская культура, на неправомочность которого было справедливо указано Вл. А. Семеновым (Семенов, 1995. С. 25).

Материалы погребений эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг были опубликованы только в 2006 г. (Стамбульник, Чугунов, 2006. С. 292–302). Всего сохранилась информация о 17 раскопанных погребениях. Они действительно наиболее близки окуневским (индивидуальные захоронения в каменных ящиках, характерная баночная керамика, украшенная штампованным орнаментом, с орнаментированным дном). Но при этом есть и некоторые существенные отличия: поза погребенных (скорченно на боку — общераспространенная или наиболее близкая к андроновской); северная, иногда с отклонениями, ориентировка; каменные сосуды, которые не встречаются в погребениях окуневской культу-

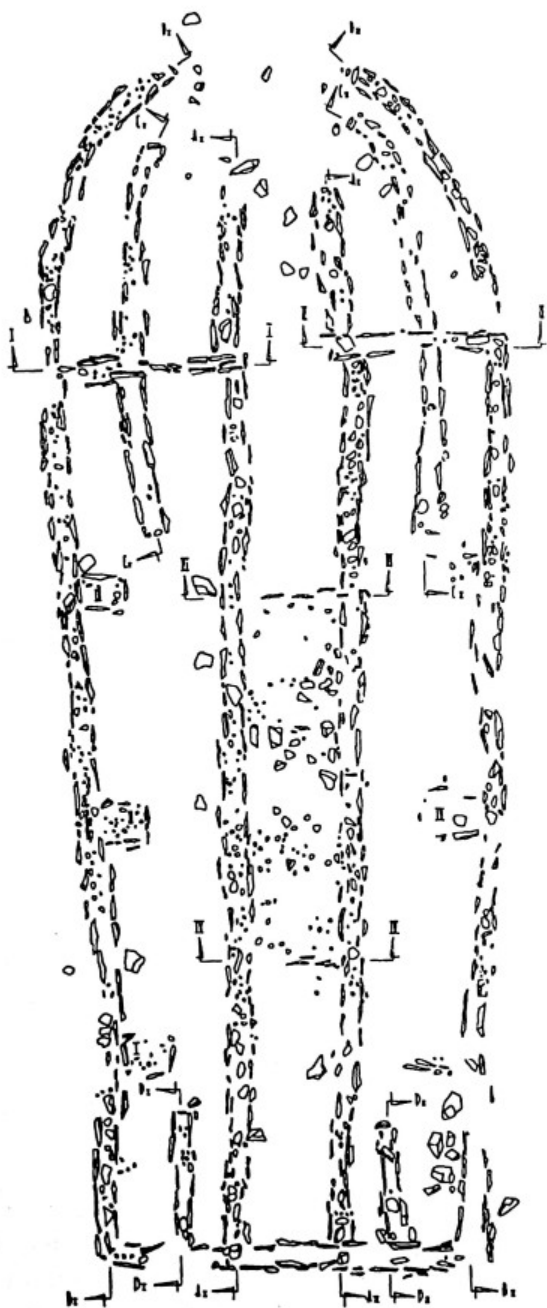
ры на Среднем Енисее. По заключению И. И. Гохмана, люди из погребенной эпохи бронзы могильника Аймырлыг — европеоиды, по антропологическому типу наиболее близкие населению афанасьевской культуры (Гохман, 1980. С. 28). В связи с этим вполне правомерно заключение авторов публикации о том, что «культура окуневского типа в Туве отличается определенным своеобразием. Вероятно, она имела свою судьбу, отличную от судьбы окуневских племен Минусинской котловины» (Стамбульник, Чугунов, 2006. С. 302). Но каковы были «перипетии» этой судьбы и какова степень участия в ней различных этнических компонентов — пока остается неизвестным.

С окуневской изобразительной традицией несомненно каким-то образом связаны знаменитые личины на прибрежных камнях из Мугур-Саргола (Дэвлет, 1976; 1980). По некоторым деталям изображений они производят впечатление редуцированных (от окуневских) и, вероятно, несколько более поздних. В тоже время красочные рисунки из нижней части Саянского каньона (Кантегир, Сосновка Джойская и др.) по всем признакам ближе к изображениям раннего, тас-хазинского стиля в окуневском искусстве на Среднем Енисее.

На стоянке Тоора-Даш выделяются два слоя (6 и 7), следующие за афанасьевским, с керамикой окуневского типа (Семенов, 1984; 1992. С. 42–49), но как интерпретировать ее нахождение здесь — как свидетельство обитания какой-то группы окуневцев или как следы их прохождения через каньон, что гораздо более вероятно — также пока остается неопределенным.

Период средней бронзы. К периоду средней бронзы (время андроновской культуры, по периодизации Минусинской котловины) относится только одна достоверная находка. Это характерные бронзовые браслеты со спиральными окончаниями, найденные в одной из разрушенных могил на могильнике Аймырлыг (Стамбульник, Чугунов, 2006. С. 301–302, рис. 30). Обстоятельства их появления здесь совершенно не ясны, так как памятники андроновской культуры до сих пор неизвестны (и вряд ли в дальнейшем будут открыты) ни на юге Минусинской котловины, ни в Туве, ни в Северной Монголии.

Столь же загадочны культурная атрибуция и время сооружения ограды с «апсидой», открытой нами во время разведки 1962 года и раскопанной Ю. И. Трифоновым в 1965 г. на могильнике Аргалькты II (объект 1). Она представляла собой прямоугольную ограду длиной около 17 м из вертикально вкопанных плиток, вытянутую в направлении с востока на запад, с полукруглой «апсидой» с восточной стороны.

Аргалыкты II, объект 1. Ограда эпохи бронзы. Раскопки Ю. И. Трифонова, 1965 г.

Площадь внутри ограды разделена внутренними перегородками на три равные части («нефа»). С внутренней стороны длинных стенок симметрично было пристроено 6 каменных ящичков, к сожалению, оказавшихся совершенно «пустыми», т. е. не давшие никаких вещественных материалов. В 1974 г. такое же сложное сооружение в Северной Туве было раскопано А. М. Мандельштамом у с. Малиновка. «Новым типом памятников, — писал по этому поводу А. М. Мандельштам, — является большая прямоугольная ограда, имеющая два противоположных «коридора» и центральную наземную камеру. В пределах последней обнаружено скопление кальцинированных костей. В разных частях сооружения найдено значительное количество обломков своеобразной, богато орнаментированной керамики, датировку которой, однако, сейчас трудно установить» (Мандельштам, 1978. С. 253). По мнению Вл. А. Семенова, керамика из Малиновской ограды соответствует материалам 7 слоя стоянки Тоора-Даш и может быть отнесена ко второму этапу окуневской культуры в Туве (Семенов, 1992. С. 44–49, 80; табл. 48), т. е. относительно синхронно времени распространения андроновской культуры.

Еще раньше похожие ограды, названные «площадками», с остатками сожжений и костями животных в Турано-Уюкской котловине исследовали А. В. Адрианов и С. А. Теплоухов (Кызласов, 1979. С. 24–25). С ними могут быть сопоставлены некоторые планиграфические комплексы, открытые в юго-западной Туве и на Южном Алтае (Савинов, Рева, 1993). Однако наиболее близкие датированные аналогии оградкам с «апсидами» известны на территории Центрального Казахстана, откуда, очевидно, и следует вести их происхождение (Айшрак-4 и Былкылдых-8), называемые там «многомогильными сооружениями». Они представляли собой прямоугольные, размером 11×4 и 14×4,5 м, ограды с «апсидами» с одной торцевой стороны и в одном случае (Айшрак) — с боковыми пристройками. Внутри оград по продольной оси находилось несколько каменных ящичков с захоронениями (в Айшрак — 8, в Былкылдых — 3). Несмотря на ограбление, отсюда происходит значительная серия керамики, украшения, наконечники стрел, по которым данные сооружения относятся к кругу памятников андроновской культуры (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 73–75, 94–97 и сл.). Несмотря на некоторые конструктивные отличия, ограда с «апсидой» из могильника Аргалыкты II может быть уверенно поставлена в один ряд с этими памятниками и, очевидно, относится к тому же времени. Следует отметить также, что близкие постройки из вертикально

поставленных плит с «апсидой» и продольным делением площади известны среди мегалитических сооружений Тибета (Рерих, 1930. С. 16, рис. 15), но и там они не имеют никакой культурной и хронологической атрибуции.

Таким образом, можно сказать, что культура горно-степных районов периода средней бронзы (время распространения андроновской культуры, по археологической периодизации Минусинской котловины, юга Западной Сибири и Казахстана), по сути дела, еще не открыта. И первый серьезный повод для размышлений в этом направлении дали раскопки ограды на могильнике Аргалькты II.

Период поздней бронзы (карасукская культура, по периодизации Минусинской котловины). Этот период представлен разнообразными, но не связанными друг с другом находками, объединяемыми пока только хронологически. На территории Тувы найдена серия бронзовых предметов — ножей и кинжалов карасукского облика, некоторые происходят из Центрально-Тувинской котловины (Кызласов, 1979. Рис. 16, 19). Однако, как сейчас установлено, т. н. «карасукские бронзы» были характерны для разных археологических культур, а не только (и даже не столько!) для карасукской культуры (Хаврин, 1994). Какая из них могла распространяться на территории Тувы — сказать трудно.

Единственное погребение с бронзовым инвентарем в пределах рассматриваемой зоны было раскопано в 1966 г. на могильнике Куйлуг-Хем I, кург. 7 и опубликовано М. А. Дэвлет (Дэвлет, 1988). Оно представляло собой ограду подчетыреугольной формы из вертикально вкопанных плит, ориентированную сторонами по странам света с более высокими камнями по углам и «входом» с восточной стороны. Погребение находилось в грунтовой яме, расположенной посередине ограды, ориентировка погребенного — головой на восток. В «головах» находился орнаментированный глиняный сосуд (к сожалению, не опубликован), а также бронзовый слабоизогнутый нож со слегка оттянутым кончиком лезвия и лапчатая подвеска. По мнению М. А. Дэвлет, «ответить однозначно на вопрос о датировке памятника весьма затруднительно: то ли карасукская лапчатая привеска положена в погребение в качестве антикварной вещи, то ли мы на примере этого кургана имеем дело с древнейшим прототипом тагарских оград со «входом». Так или иначе, «курган 7 могильника Куйлуг-Хем I остается уникальным и загадочным памятником. Ответить на многие вопросы, встающие при его изучении, помогут лишь дальнейшие исследования» (Дэвлет, 1988. С. 121). Такое положение сохраняется до сих пор.

Типологические особенности бронзовых изделий из куйлуг-хемского погребения позволяют отнести его к каменноложскому (позднему) этапу карасукской культуры. Каменноложская керамика найдена на некоторых стоянках Саянского каньона (Хем-Теректиг и Хадынных I) (Семенов, 1984 а). Среди случайных сборов на месте развешанной стоянки Этекшил имеется несколько гравированных галек с изображениями (Семенов, 1992. Рис. 19), аналогичными найденным на карасукском поселении Торгажак на юге Минусинской котловины. Керамика эпохи поздней бронзы найдена в насыпях афанасьевских курганов у горы Хайыракан (Рева, 1995. Рис. 1). Автор публикации Л. И. Рева находит сходство ее с керамикой ирменской культуры (Рева, 1995). Однако никаких свидетельств о появлении ирменцев на этой территории нет, а по характеру орнамента эта керамика вполне сопоставима с позднекарасукской (каменноложской).

Очевидно, к этому же времени относится «первая стоянка эпохи бронзы» (по А. Д. Грачу) в степной части зоны, в урочище Биче-Оймак на правом берегу Улуг-Хема, обнаруженная в 1965 г. (Грач, 1969. С. 45)⁸. При раскопках здесь была обнаружена стоянка-мастерская, содержащая пять культурных слоев, насыщенных кремневыми отщепами, обломками кремня и заготовками. Найдены также керамика, обломок глиняной литейной формы для ножа (типа найденного в кургане 7 на могильнике Куйлуг-Хем I), бронзовая подвеска в виде клыка кабарги (Там же).

Общая картина культуругенеза в эпоху бронзы, по материалам раскопок СТЭАН, представляется как единая и долго живущая традиция безынвентарных погребений (монгун-тайгинской культуры) с включением на каждом историческом этапе новых групп населения и инокультурных влияний, называемых (по минусинской «шкале») афанасьевским, окуневским, андроновским (?), карасукским. Возможно,

Бронзовые нож и лапчатая подвеска из кургана 7 могильника Куйлуг-Хем I. Раскопки М. А. Дэвлет, 1966 г.

⁸ В соответствии с планом работ экспедиции эту стоянку должен был исследовать в 1967 г. один из авторов этой книги (Д. Г. Савинов); однако по объективным причинам это не состоялось.

именно так может выглядеть модель культурогенеза, характерная для горно-степных районов севера Центральной Азии в целом. Обилие разнообразных и интереснейших изображений эпохи бронзы на скалах Саянского каньона Енисея дает основание надеяться, что основные открытия в области изучения эпохи бронзы этой части Центральной Азии еще впереди.

2. СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

До начала работ СТЭАН памятники скифского времени в степной части будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС были открыты в 1927 г. С. А. Теплоуховым — 2 кургана у горы Бай-Даг (в 2–3 км от Енисея, по левую сторону от дороги Кызыл-Шагонар) и у пос. Чакуль (Чаа-Холь), у «Чингизхановой» дороги (Полторацкая, 1966. С. 80–82). В обоих курганах у горы Бай-Даг были обнаружены впускные захоронения, одно из них в каменном ящике; основные погребения сделаны в деревянных камерах-срубках, сильно ограблены и, судя по отдельным находкам (бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовый вток, фрагменты кожаных чехлов от ножа и от зеркала — Полторацкая, 1966. Рис. 2, 13–18), могут датироваться V–III вв. до н. э. Раскопанный С. А. Теплоуховым курган у пос. Чаа-Холь интересен, в первую очередь, устройством наземного сооружения, состоявшего из основной курганной насыпи, окружающей ее ограды и двух пар расходящихся «дорожек» на площади памятника с восточной и западной стороны. Кроме того, были расчищены девять восьмикаменных выкладок, расположенных дугой с западной стороны за оградой (Там же. Рис. 1, 3). По этим признакам описываемый курган у пос. Чаа-Холь относится к херексурам или сохраняет их традиции. Последнее наиболее вероятно, так как открытые здесь погребения (всего 4, кроме основного в деревянной колоде) располагались на площади под южной частью насыпи, что характерно для памятников алды-бельской культуры раннескифского времени. Центральное захоронение в глубокой могильной яме (глубина 5 м!) было сделано в камере из толстых досок и содержало разрозненные останки двух человек — мужчины и женщины. К сожалению, найденные здесь вещи (две тонкие золотые бляшки — крестообразной формы и в виде розетки) не дают возможности определить датировку этого необычного погребения, но по сумме всех особенностей погребального обряда, скорее всего, его надо относить к алды-бельской культуре, возмож-

но, ее начальному этапу (VII–VI вв. до н. э.). Других сооружений типа херексуров на рассматриваемой территории не обнаружено.

Из погребений, раскопанных в непосредственной близости от зоны затопления, где, начиная с 1965 г., развернулись исследования СТЭАН, следует отметить серию курганов скифского времени у горы Бош-Даг, в 12 км к юго-западу от Чаа-Холя (раск. М. Х. Маннай-оола, 1964 г.). В одном из них (№ 1), раскопки которого производились совместно с Н. Л. Членовой, находилось разрушенное погребение в каменном ящике, в котором были найдены роговая ложка, точильный брусок из диорита, бусина и несколько обломков бронзовых предметов – тонкой пластинки, шила и лезвия ножа, по которому погребение относится к раннескифскому времени (Членова, 1966. С. 47–49). В кургане № 3 под общим каменным покрытием с кубическим (50×60 см) белым камнем посередине в небольшом углублении находились останки 8 человек, положенных в 2 ряда в одинаковой позе — на правом боку, слабо скорченно, головой на ЗСЗ. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено. Скорее всего, это один из вариантов (пока не выделенных?) погребений монгун-тайгинского типа. В кургане 4 на площади сохранились остатки рядов из каменных плиток, расположенных радиально — от края к центру кургана. Общее число их, к сожалению, не восстанавливается. При разборке насыпи найден бронзовый котел, а на уровне древней поверхности — фрагменты керамики с валиком. В северной половине кургана находилось 4 погребения. Три потревоженных расположены на одной линии (ЮЗ–СВ), проходящей через центр кургана (как в Аржане-1). Четвертое, детское захоронение в каменном ящике находится в северной поле кургана и, по всей видимости, является впускным. Найденные здесь вещи — подвеска в виде копыта с гравировкой, имитирующей шерсть, дисковидное зеркало с ушком в виде фигуры стоящего барана, колоколовидные подвески — позволяют датировать его второй половиной VI–V в. до н. э., синхронно раскопанному позднее могильнику Урбюн III. Возможно, что к этому же времени относится и найденный в насыпи бронзовый котел скифского типа.

Таким образом, в материалах данного памятника отразились два культурных горизонта: более ранний, предположительно аржанский (или раннеалды-бельский?) и более поздний, раннесаглынский. К этому же времени, по-видимому, относятся остальные курганы, раскопанные М. Х. Маннай-оолом у горы Бош-Даг (кург. 20 а, 22 а, 23 а). Все захоронения здесь в одновенцовых срубках, помещенных на дне относительно глубоких могильных ям (до 2 м). Количество погребенных — от 2 до 6,

положение — слабо скорченное, на левом боку, головой на запад. Керамики нет, что является характерным признаком раннесаглыньских погребений. Другие предметы сопроводительного инвентаря достаточно многочисленны: бронзовые кинжалы, ножи, чеканы (один из них с головой хищника на обушке), крюки от колчана, бронзовые и костяные наконечники стрел, различного рода украшения, в том числе подвески из клыков кабарги и др. Некоторые вещи из этих погребений воспроизведены в книге М. Х. Маннай-оола (Маннай-оол, 1970. Рис. 8, 10, 12 и др.). К сожалению, полностью материалы этого интересного памятника не опубликованы (Научный архив ИИМК РАН. Р. I, № 2940), хотя именно они лучше всего характеризуют начальный этап развития культуры скифского времени в Центральной Туве.

Алды-бельская культура (VII–VI вв. до н. э.). Памятники алды-бельской культуры, синхронные майэмирскому этапу культуры ранних кочевников Горного Алтая и тасмолинской культуре Казахстана, были выделены А. Д. Грачом по материалам нескольких могильников, раскопанных им по правобережью Улуг-Хема в степной части и в Саянском каньоне (могильники Алды-Бель I, Куйлуг-Хем I, Хемчик-Бом III, V). Один из них — могильник Алды-Бель — дал название культуре раннескифского времени Тувы (Грач, 1971. С. 96–97; 1975). Все материалы опубликованы (Грач, 1980. С. 24–30). Тогда же была дана их историко-культурная интерпретация (Грач, 1983. С. 246–248; 1983 а). В свое время выделение алды-бельской культуры вызвало резкие возражения сторонников монокультурного (однолинейного) характера «скифского» культурогенеза в Туве⁹. Однако все имеющиеся в настоящее время материалы позволяют говорить о том, что, несмотря на известную преемственность (а, скорее всего, сосуществование в определенный период памятников раннескифского и скифского времени в Туве), памятники алды-бельского типа показывают значительное своеобразие, и, следовательно, их можно рассматривать как отдельное культурное образование, отличное от более поздней (саглыньской) культуры.

Большинство исследованных памятников алды-бельской культуры расположено в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. В степной ее

⁹ О том, как остро проходила дискуссия по поводу выделения алды-бельской культуры в Туве свидетельствуют опубликованные материалы обсуждения в 1973 г. доклада А. Д. Грача «Хронология и периодизация памятников скифского времени Тувы» (см.: «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург». Материалы Всероссийской конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб., 1998. С. 39–47).

части это правобережные могильники Куйлуг-Хем I, Алды-Бель I (раск. А. Д. Грача, 1966–1968 гг.), Ортаа-Хем (раск. И. У. Самбу, 1966–1968 гг.), Бедиг-Хорум (раск. Г. В. Длужневской, Д. Г. Савинова, 1981, 1983 г.). Неожиданно большое количество памятников алды-бельской культуры сосредоточено в Саянском каньоне Енисея: могильники Чинге I, II (раск. И. У. Самбу, 1971, 1974–1975 гг.), Хемчик-Бом III, V (раск. А. Д. Грача, 1970–1971 гг.), Шугур (раск. Г. В. Длужневской, 1977 г.), отдельные курганы на могильниках Хадынных II, Хем-Терек III, Иджир I, Улуг-Бюк (более подробное описание этих памятников см. в Главе 4). Материалы могильников алды-бельской культуры из Саянского каньона Енисея, за исключением некоторых наиболее ярких находок из могильника Чинге I (Самбу, 1980) и материалов из раскопок А. Д. Грача не опубликованы. В целом, создается впечатление, что они относятся к несколько более позднему времени, чем «классические» алды-бельские погребения степной части зоны, и в таком случае их носители могли быть оттеснены сюда с появлением носителей новой, саглынской культуры, с которыми могли какое-то время сосуществовать.

Обобщенное описание памятников алды-бельской культуры дано А. Д. Грачом. Для них характерны: округлые и подовальные курганы из валунов или обломков горных пород с крепидой из более крупных камней, размером в среднем от 8 до 12 м и высотой до 1 м. Часто встречаются попарно (реже по три) расположенные курганы, вплотную примыкающие друг к другу по оси север-юг. На площади курганов располагается несколько погребений (от 2 до 7 и более); причем, центральное погребение чаще всего сделано в ящике из массивных каменных плит, а остальные, принадлежавшие людям младших возрастных категорий, подросткам и детям, располагаются вокруг него, преимущественно с западной или северной стороны. Детские погребения иногда вынесены за пределы крепиды. «Окружающие» погребения сделаны в ящиках меньших размеров, вкопанных на высоту стенок, или в деревянных срубках. Срубки в 2–3 венца, прямоугольной формы с продольным или поперечным перекрытием из расколотых вдоль плах. Встречаются отдельные погребения в колодах. Перекрытие могильных ям состояло из горизонтально положенных каменных плит. Глубина захоронений от 0,5 до 1,5 м. Разные виды внутримогильных сооружений (срубки, каменные ящики и колоды) сочетаются в пределах одного комплекса. Захоронения чаще всего одиночные. Умершие лежали скорченно, на левом (реже на правом) боку. Ориентировка погребенных в центральных захоронениях — головой на запад, в остальных, соответственно планиграфии кургана, с отклонени-

ем на северо-запад. Характерная черта погребального обряда — положение вблизи уровня древней поверхности, у края могильных ям центральных захоронений, предметов конской упряжи, хотя сопровождающих конских захоронений, как правило, нет (Грач, 1980. С. 24–25).

Алды-бельский предметный комплекс — многочисленный и разнообразный — наиболее характерен для раннескифского времени и отражает вполне устойчивую культурную традицию. Из предметов, связанных с человеком, к нему относятся: зеркала с бортиком, кинжалы с почковидными перекрестиями, чеканы, бронзовые трехлопастные наконечники стрел, петельчатые ножи, каменные оселки, шилья с шляпковидными навершиями, роговые гребни, украшения из бирюзы и сердолика и др. Из предметов, связанных с конем: удила со стремявидными окончаниями звеньев и «у»-видными псалиями, бронзовые уздечные обоймы, нащечные бляхи и пряжки со шпеньком, украшенные «копыто-видными» знаками. Для произведений искусства характерны изображения животных в позе «на цыпочках» и композиции из взаимовписанных фигур в виде «загадочной картинки». Этот перечень, по А. Д. Грачу, «не представляется окончательным и в будущем может быть дополнен и расширен» (Грач, 1980. С. 24–26, 121–131; рис. 74–88, 93–110).

Помимо названных предметов, к числу характерных для алды-бельской культуры изделий можно отнести серьги с подвеской-раструбом, гладкие или украшенные зернью; золотые серповидные украшения — пекторали; пояса с напускными тонкими бронзовыми бляхами, украшенными растительным орнаментом или зооморфными изображениями; фигурные пластинчатые застёжки и др. Из произведений мобильного искусства — отдельные головки копытных животных, различного рода навершия и др. Этот же комплекс предметов и изображений был найден при раскопках ставшего знаменитым «царского» захоронения в кургане Аржан-2 (Турано-Уюкская котловина), который также должен быть отнесен к алды-бельской культуре.

Определенными чертами своеобразия отличались алды-бельские курганы на могильнике Бедиг-Хорум, раскопки которых производились авторами данной книги в 1981 и 1983 г. (Краткую информацию об этом см.: Длужневская, 1983; 1985). Всего в могильнике Бедиг-Хорум было раскопано 8 алды-бельских курганов, диаметр наиболее крупных из них достигал 20 м. По периметру курганов были возведены многослойные стенки; над каждым захоронением на площади кургана — высокие (до 1 м) округлые каменные сооружения, типа каменных «башен», от развала которых образовалась неровная с западинами поверхность кур-

гана. Разборка погребений с уровня этой поверхности, как бы «изнутри» каменных «башен», полностью подтвердила это наблюдение. Таким же путем, очевидно, проникали в погребальные камеры и грабители — большинство погребений оказались потревоженными или ограбленными. В ограду курганов были включены вертикально стоящие камни, в том числе — один олений камень (точнее — крупная галька с выбитым на ней пояском и кольцами-серьгами в верхней части).

Погребенные (от 2 до 6) находились на площади курганов под этими каменными «башнями» в неглубоких могильных ямах (просто грунтовыми, в деревянных рамах, каменных ящиках). В некоторых случаях в одном ящике находилось несколько человек. Из найденных здесь вещей следует отметить петельчатые ножи, зеркала с бортиком, шилья с двойной «головкой», бронзовые удила с необычными крестовидными псалиями и кинжал раннескифского типа. Найдены и отдельные фрагменты керамики, по составу теста и характеру орнамента напоминающей раннетагарскую. Ближе к горам, на том же могильном поле, насчитывающем не менее 150 объектов, располагались курганы на «платформе» монгун-тайгинского типа. Случаев перекрытия их алды-бельскими, как это имело место на могильнике Куйлуг-Хем I, не зафиксировано.

К периоду алды-бельской культуры (VII–VI вв. до н. э.) должны быть отнесены оленные камни саяно-алтайского типа, известные в соседней Турано-Уюкской котловине. На территории водохранилища они не обнаружены, хотя изображения, выполненные в характерном для этого вида оленных камней стиле, найдены на скалах Ортаа-Саргола (Дэвлет, 1982. Табл. 14). Все оленные камни из зоны затопления относятся к наиболее простому свразийскому типу. Рисунок одного из них, найденного С. А. Теплоуховым у Шагонара, опубликован Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1978. Рис. 1, 2). По одному камню, как уже говорилось, обнаружено в могильниках Аргалыкты XIII и Бедиг-Хорум. Они очень близки по внешнему оформлению и, очевидно, использованию их в курганных сооружениях. Два стоящих рядом высоких оленных камня были найдены С. Н. Астаховым в ур. Шом-Шум в долине р. Хемчик. На одном из них в верхней части нанесены три наклонные полосы, что обычно для оленных камней; в изображениях посередине другого камня можно увидеть зооморфную личину с большими ушами, такую же, как на одном из очень ранних статуарных памятников из Бичикту-Бом, Горный Алтай (Савинов, 1994. Табл. XII).

По материалам раскопок перечисленных памятников совершенно определенно прослеживается то общее, что их объединяет и составляет

суть погребального обряда населения алды-бельской культуры. Это особое отношение к месту захоронения группы близких родственников как сакрализованному пространству, ограниченному стенкой, чаще называемой «крепидой», внутри которого последовательно и в отведенных для этого местах совершались индивидуальные, реже парные, захоронения вблизи от уровня древней поверхности, доступные для «общения» с покойными. Следami этого «общения» являются кости животных и керамика, найденные на площади курганов, а посредниками между миром живых и мертвых, вероятно, служили вертикально установленные стелы и оленные камни. С этим связаны и две другие, наиболее характерные особенности погребального обряда алды-бельцев — отсутствие керамики непосредственно в погребениях и обычай помещать часть сопроводительного инвентаря на краю могильных ям. В этой «горизонтальной» структурированности обряда явно ощущается наследие прежней аржанской традиции. По этим же признакам памятники алды-бельской культуры отличаются от последующей культуры скифского времени — уюкской (по Л. Р. Кызласову) или саглынской (по А. Д. Грачу).

Саглынская культура (конец VI – рубеж III–II вв. до н. э.). Погребения саглынской культуры (другие названия — уюкская, казылганская, уюкско-саглынская) — основной вид памятников скифского времени в Туве. По количеству представленного в них материала и степени изученности они сопоставимы с памятниками пазырыкской культуры на Горном Алтае и тагарской культуры в Минусинской котловине, образуя вместе с ними единый блок культур скифского типа на территории Саяно-Алтайского нагорья. Согласно учету памятников, проведенному в 1989 г. Л. М. Сахаровской, раскопки погребений саглынской культуры были к тому времени произведены на 50 могильниках, содержащих 334 сооружения (Сахаровская, 1989. С. 90). В настоящее время их известно значительно больше; однако еще далеко не весь имеющийся материал как из «старых» раскопок, так и полученный в последние годы введен в научный оборот, что, естественно, затрудняет возможности дальнейшего изучения саглынской культуры. В первую очередь, это касается самого крупного из всех известных в настоящее время могильника Аймырлыг, находящегося в непосредственной близости от зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС, сведения о котором опубликованы фрагментарно, в виде краткой информации в ежегодных сборниках «Археологические открытия в СССР» и некоторых работах общего характера (Мандельштам, 1983; 1992).

В степной части зоны водохранилища раскопки курганов саглынской культуры производились на могильниках Урбюн III (раск. Д. Г. Савинова, 1965 г.), Улуг-Оймак (раск. А. Д. Грача, 1965 г.), Ховужук (раск. М. Х. Маннай-оола, 1965 г.), Куйлуг-Хем I (раск. А. Д. Грача, 1966 г.), Аргалыкты VIII (раск. Ю. И. Трифонова, 1967 г.), Ортаа-Хем I (раск. И. У. Самбу, 1967 г.). Несколько памятников известно в Саянском каньоне Енисея (могильники Чинге II, Хемчик-Бом I, IV, Иджир II и др.). С точки зрения погребального обряда, они очень близки «степным», но возможные различия между ними могут быть установлены только путем сравнительно-типологического анализа, который еще не производился.

Для памятников саглынской культуры характерны коллективные захоронения в деревянных камерах-срубах подквадратной формы, срубленных «с остатком», в несколько венцов, с полом и потолком, ориентированных углами или сторонами по странам света и помещенных на дне глубоких (в среднем от 2 до 4 м) могильных ям. Нижняя часть могильной ямы, в которой помещался сруб, расширена, так что сама яма имеет характерные колоколовидные очертания. Захоронения, как правило, коллективные. На дне погребальной камеры умершие обычно уложены в ряд вместе с многочисленными предметами сопроводительного инвентаря. Положение погребенных, количество которых колеблется от 2 до 6 человек — преимущественно на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад-северо-запад, ближе к западной стенке сруба. Под головами находятся камни-«подушки», детские захоронения часто помещаются в ногах взрослых. В могильных ямах зафиксированы подхоронительные ходы, свидетельствующие о последовательных подхоронениях.

Предметный комплекс саглынской культуры представляет прежние («общескифские») формы бронзовых изделий — кинжалов, ножей, чеканов и втоков, зеркал, различного рода украшений и т. д. — на следующем этапе их типологического развития. Тоже самое можно сказать об изображениях звериного стиля, которые, в отличие от алды-бельских, становятся более насыщенными и декоративными. Встречаются великолепные гравировки по кости, в том числе с многофигурными композициями, а также предметы, украшенные золотой фольгой с различного рода зооморфными изображениями. В сопроводительном инвентаре появляются керамические сосуды, устанавливаемые в головах погребенных. Находки предметов конского снаряжения, наоборот, встречаются исключительно редко. Исчезают оленные камни и другие сопроводительные сооружения, фиксируемые на уровне древней поверхности.

Картина погребальной обрядности, характеризуемая этими признаками, в целом отлична от алды-бельской. На смену прежним представлениям о кургане, как сакрализованном пространстве с каменными конструкциями, где одноактные захоронения располагались как бы в одной «горизонтальной» плоскости, приходит обычай сооружения коллективных усыпальниц в деревянных камерах-срубах, помещенных на дне глубоких могильных ям, имеющий целью максимально изолировать умерших от уровня земной поверхности. За этими особенностями погребального обряда стоят разные представления об устройстве мира, значении для человека нижней и верхней сфер и, соответственно, отличный комплекс ритуальных действий.

Из памятников саглынской культуры, исследованных на территории степной части водохранилища, наиболее показательны три могильника, раскопки которых производились в 1965 г. Два из них (Улуг-Оймак и Ховужук) расположены на правом берегу Улуг-Хема; третий (Урбюн III) — на левом берегу, недалеко от начала Саянской «трубы».

В могильнике Улуг-Оймак I было раскопано 4, в могильнике Улуг-Оймак II — 1 курган саглынской культуры (Грач, 1966. С. 30; 1980. С. 126–127). Все они представляли собой каменно-земляные сооружения, диаметром от 9 до 13 м, с западиной посередине. Глубина могильных ям 3–3,5 м. Погребения в деревянных камерах-срубах, ориентированных сторонами (Улуг-Оймак I) и углами (Улуг-Оймак II) по странам света. Все погребенные лежали на левом боку, головой на запад (в Улуг-Оймак II — на СЗ), но точное количество их не устанавливается. Все погребения были ограблены еще в древности. Из предметов сопроводительного инвентаря сохранились керамика, фрагменты деревянных и бронзовых предметов, костяные наконечники стрел, золотые нашивные бляшки, бусы и др. Материалы не опубликованы. Памятник датирован А. Д. Грачом V–III вв. до н. э.

В могильнике Ховужук раскопано 4 кургана (Маннай-оол, 1966. С. 31–32), представлявшие собой округлые каменные насыпи с кольцевым ограждением, расположенные цепочкой по линии СВ-ЮЗ. Погребения в камерах-срубах в 2–3 венца, ориентированных углами по странам света. Количество погребенных — от 2 до 4. Все погребения ограблены. Из предметов сопроводительного инвентаря сохранились керамика, фрагменты кожаных изделий, костяные поделки, подвески из клыков кабана и кабарги, бусы, тонкие золотые листовидные пластинки и др. Особый интерес представляет бронзовый котелок (без поддона) с двумя горизонтальными ручками, до этого бывший в употреблении и сохранив-

ший следы изношенности и починки (опубликован: Маннай-оол, 1970. Рис. 5). Могильник Ховужук отнесен М. Х. Маннай-оолом к памятникам V–IV вв. до н. э.

В могильнике Урбюн III раскопано 6 курганов (Савинов, 1966. С. 27–28). Материал полностью опубликован (Савинов, 1980). До раскопок курганы представляли собой уплощенные каменно-земляные сооружения диаметром до 11 м с подквадратной западиной посередине. Все курганы имели в основании крепиду из более крупных камней, а некоторые из них, кроме того, были обрамлены округлой оградой из больших редко положенных камней на расстоянии 4–5 м от кургана. На дне ям (глубина до 3,8–4 м) находились деревянные камеры-срубы, сделанные из лиственничных бревен, квадратной формы, ориентированные в пяти случаях сторонами, в одном — углами по странам света. Погребения коллективные (до 6 человек), но о положении и ориентировке погребенных можно говорить только предположительно. Судя по отдельным непотревоженным костям, они лежали на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад (возможно, с небольшим смещением). Особенностью урбюньских захоронений являются впервые зафиксированные в Туве случаи искусственной мумификации. Так, в кургане 5 была найдена нога человека, согнутая в колене, с остатками шерстяной одежды; в кургане 2 — женская рука (Савинов, 1980. Рис. 7).

Все погребения могильника Урбюн III ограблены, перекрытия камер-срубов прорублены, а подавляющее количество вещей, в первую очередь, бронзовых, похищено. Тем не менее, сохранившиеся предметы сопроводительного инвентаря достаточно многочисленны. Это — серия костяных наконечников стрел, бронзовые поясные обоймы, крупное зеркало с невысоким бортиком-закраиной, проколка с фигуркой стоящего кабана, вток митровидной формы, петельчатые ножи, подвески из клыков кабарги, остатки кожаных ножен от кинжала с крыловидным перекрестием. Особо следует отметить находки золотых изделий — длинной витой цепочки с подвеской-колокольчиком, фигурок идущих кошачьих хищников из золотой фольги с отверстиями для пришивания по краю и др. Довольно многочисленны костяные художественные изделия — полированная подвеска в виде копыта с тонкой гравировкой, передающей шерсть, такая же, как и найденная в могильнике Бош-Даг; головка горного барана, сделанная из эпифиза кости, с глазами, инкрустированными железом; орнаментированные костяные поделки и др. При этом обращает на себя внимание, что во всех шести раскопанных курганах было найдено всего 2 глиняных сосуда (один из них — с ручкой — явно «приш-

лого», сакского облика). Отсутствие керамики является одним из признаков раннесаглыньских погребений. Вместе с архаичными элементами оформления предметов сопроводительного инвентаря (зеркало с закрайной-бортиком, проколка с фигуркой стоящего кабана с низко опущенной мордой, бронзовый трехперый наконечник стрелы) это позволяет датировать урбюньские курганы первым этапом саглыньской культуры (конец VI – V вв. до н. э.). Возможно, это наиболее ранний подобный памятник на территории дна Тувинского моря.

Заключительный этап развития саглыньской культуры получил наименование озен-ала-белигского: название предложено С. И. Вайнштейном, датировавшим его IV–III вв. до н. э. (Вайнштейн, 1966. С. 173). По мнению Вл. А. Семенова, эта дата по наличию элементов хуннской культуры может быть омоложена до II в. до н. э. (Семенов, 1998). Однако, если говорить об этом этапе в целом, то наиболее вероятной представляется дата III–II вв. до н. э. (Савинов, 2002. С. 135 и сл.).

Памятники озен-ала-белигского этапа определяются по дальнейшей трансформации погребального обряда и наличию типологически более поздних вещей, а также находкам отдельных видов изделий хуннского происхождения. Во многих курганах увеличивается количество погребенных до 14–16 человек. Появляются двухрядные, а также многорядные захоронения — до 5 рядов погребенных в одном срубе. В некоторых случаях погребенные расположены «вкруговую», по стенкам сруба, «поперек» — в ногах у погребенных первого ряда; попарно — лицом или спиной друг к другу. При этом, естественно, нарушаются как ориентировка, так и возрастная топография размещения умерших. Встречаются двухслойные захоронения; причем зафиксированы случаи, когда погребенные нижнего «яруса» лежали на левом боку, а верхнего — на правом. Некоторые изменения прослеживаются и в характере внутримогильных сооружений: стенки срубов изготавливаются из тонких плах, количество венцов увеличивается до 5–7 и более, появляются специально оформленные «входы» в погребальную камеру.

Однако, пожалуй, главное отличие заключается в том, что, наряду со срубами, вновь появляются погребения в каменных ящиках, условия нахождения которых различны. Большинство из них образуют самостоятельные цепочки или группируются около курганов со срубами; в некоторых случаях ящики впущены в заполнения могильных ям расположенных рядом саглыньских курганов. Большие ящики с коллективными погребениями обычно располагаются в одном ряду (или параллельно) со срубами. Наибольшее количество сочетаний различных видов сооруже-

ний в пределах одного и того же комплекса зафиксировано на могильнике Аймырлыг. Сопроводительный инвентарь того и другого вида погребений в принципе одинаков. В целом, необходимо признать, что погребальная обрядность памятников саглынской культуры на озен-алабелигском этапе трансформируется как за счет развития традиционных элементов, так и приобретенных новых, ранее ей не свойственных черт, что, скорее всего, может быть связано с усложнением этнического состава населения.

Аналогичная ситуация — сочетание традиций и инноваций — выявляется и при анализе предметов сопроводительного инвентаря. Значительная часть из них, преимущественно мелкие и бытовые вещи (подвески из клыков животных, костяные наконечники стрел, простые диско-видные зеркала, пластинчатые ножи, бронзовые поясные обоймы), продолжают существовать без каких-либо существенных изменений. То же касается и предметов изобразительного искусства; вместе с тем, многие изображения носят отпечаток стилизации и даже схематизации. Кинжалы и чеканы, в основном, представляют прежние формы, но многие из них уменьшенных размеров, вотивные. Наряду с этим появляются крупные проушные железные чеканы и железные кинжалы с прорезной рукояткой. Несколько меняется характер оформления зеркал и втоков, исчезают зеркала с закраиной. Широко распространяются бронзовые пряжки с выступающим носиком и костяные пронизи с косо срезанным концом. Значительно разнообразнее по формам и орнаментации становится керамика: появляются сосуды с монохромной росписью. Ощутимо увеличивается количество костяных и железных изделий. К числу предметов хуннского происхождения можно отнести костяные наконечники стрел с расщепленным основанием, ложечковидные застёжки и крупные поясные пластины с орнаментом и отверстиями для крепления. Правда, количество таких изделий пока незначительно.

Как уже говорилось, к озен-алабелигскому этапу относится значительная часть погребений могильника Аймырлыг, находившегося поблизости, но, в основном, вне зоны водохранилища, где происходили все полевые исследования СТЭАН. Именно на материалах могильника Аймырлыг можно было бы проследить динамику перехода саглынской (по А. М. Мандельштаму, уюкской) культуры в ее позднюю фазу (озен-алабелигский этап). Однако обобщенная, без разделения на комплексы, публикация отдельных материалов этого уникального памятника (Мандельштам, 1992), не дает возможности произвести данную работу.

На территории степной части зоны водохранилища — от Хайыракана до Урбюна — памятников озен-ала-белигского этапа саглынской культуры известно немного. В Саянском каньоне Енисея их, по-видимому, вообще нет. В качестве примера можно привести могильник в долине реки Темир-Суг (правый берег Улуг-Хема), раскопанный в 1983 г. (Кириллов, 1985. С. 205). Он состоял из погребений в срубках (раскопано 2) и в каменных ящиках (раскопано 5). Те и другие находились под каменными сооружениями, срубки — в ямах глубиной до 1,8 м, ящики — в более мелких (не более 1 м). Количество погребенных в срубках 2 и 5 человек; в ящиках — по 1–2 человека. Положение одинаково — скорчено, на правом и левом боку, головой на запад. Инвентарь типично саглынский — бронзовые наконечники стрел, ножи, шилья, зеркала, бусы, золотая фольга, костяной гребень с изображением стилизованной головки горного козла и др. Похожие погребения были открыты Ю. И. Трифоновым на могильнике Аргалыкты (Аргалыкты VIII). Из раскопок более позднего времени наиболее показателен могильник на южном склоне горы Хайыракан, справа от шоссе Кызыл–Новый Шагонар, попавший в зону строительства оросительной системы (раск. Вл. А. Семенова, 1992–1993 гг.) и полностью соответствующий приведенной выше характеристике памятников озен-ала-белигского этапа (Семенов, 2003. С. 43–51, табл. 74–93).

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ)

Гунно-сарматское время¹⁰ — наименование длительного исторического периода, связанного с появлением и распространением по всей степной полосе Евразии новых, по отношению к скифскому времени, культурных традиций, одним из важнейших центров формирования которых в Центральной Азии явилось государство Хунну. Хронологические рамки существования памятников гунно-сарматского времени в Туве определяются II в. до н. э. — V в. н. э. — от выступления на историческую арену хуннов (рубеж III–II вв. до н. э.) до начала истории древних тюрков (середина V в. н. э.).

Территория Тувы, насколько можно судить по археологическим материалам, очень рано вошла в сферу культурного и, скорее всего, политического влияния Хунну. Как уже говорилось, первые свидетельства этого влияния прослеживаются по материалам памятников озен-ала-белигского этапа. Вхождение Тувы в состав государства Хунну должно было вызвать приток сюда новых групп населения, если не собственно хуннов, то племен их ближайшего «окружения» с хуннской культурной традицией. Этим, видимо, объясняется то, что этнический состав населения Тувы в гунно-сарматское время становится все более сложным, а виды археологических памятников все более разнообразными.

С понятием гунно-сарматского времени связывается начало Великого переселения народов (точнее — первый «толчок», приведший к этому «переселению»), для осмысления которого важное значение имеют

¹⁰ Определение «гунно-сарматское время» применительно к Центральной Азии, в целом, и к Туве, в частности, имеет весьма условный характер. Ни исторических гуннов, если иметь в виду «европейское» содержание этнонима, ни сарматов здесь не было. Тем не менее, мы сохраняем это название как общепринятое для обозначения данного исторического периода. По материалам Центральной Азии, иначе его можно было бы назвать «хунно-сяньбийским».

сведения письменных источников, суть которых, применительно к территории Саяно-Алтайского нагорья, сводится к следующему.

В самом конце III в. до н. э. (201 г. до н. э.) основатель хуннского государства Маодунь предпринял военный поход на север, в результате которого был покорен ряд племен (Таскин, 1968. С. 41). В их числе впервые упоминаются динлины (возможно, предки племен теле) и гэгюни (скорее всего, предки енисейских кыргызов), которые идентифицируются с населением Саяно-Алтае-Хангайского нагорья, хотя их точная локализация остается дискуссионной или не установленной (Кызласов, 1984. С. 7–30; Савинов, 1984. С. 8–18). Однако из-за кратковременности похода и отдаленности завоевания северных территорий, вряд ли это могло иметь существенное значение в саяно-алтайском культурогенезе. Данная ситуация вполне соответствует отдельным находкам вещей хуннского облика в погребениях озен-ала-белигского этапа саглынской культуры.

К 176 г. до н. э. объединение хуннских земель было завершено и, пользуясь образным выражением источника, «все народы, натягивающие лук, оказались объединенными в одну семью» (Таскин, 1968. С. 43). Распространение хуннов на север и их поражение в войнах с ханьским Китаем на Великом шелковом пути привели к тому, что около 120 г. до н. э. (что «удачно» совпадает с первым выпуском монет *у-иу*) — 118 г. до н. э., которые иногда находятся в погребениях в Южной Сибири), центр государства Хунну был перенесен в Северную Монголию, после чего к «югу от пустыни (Гоби — Г. Д., Д. С.) уже не было ставки их правителя» (Таскин, 1968. С. 55). Эти события должны были активизировать процесс проникновения хуннов (или племен, в этнокультурном отношении близких к хуннам) на территорию севера Центральной Азии, в том числе и в Туву. В этой исторической ситуации возможность проникновения памятников хуннского типа, или, во всяком случае, влияния их культуры оказывается значительно большей.

В 55 г. до н. э. государство Хунну разделилось на две части — южных и северных хуннов; в число последних входила Монголия и, по всей видимости, Тува. В это время, очевидно, территория Тувы не только находилась под контролем хуннов, но здесь вполне могла располагаться одна из отдаленных провинций их государства. Такая же провинция Хунну, судя по всем имеющимся данным, существовала и на территории Минусинской котловины. Период господства северных хуннов длился около 150 лет. В 93 г. н. э. северные хунны потерпели поражение от сяньбийцев, а в середине II в. н. э. вождь сяньбийцев Таньшихуай, «овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов» (Бичурин, 1950. С. 159). Можно

предположить, что это должно было коснуться и северных провинций Хунну. Таким образом, вхождение территории Тувы в состав государства Хунну — это не результат единовременного завоевания во время северного похода Маодуня, а длительный и достаточно сложный процесс, что нашло отражение в археологических материалах этого времени.

В IV–V вв. н. э. на территории Саяно-Алтая господствовали сменявшие сяньбийцев жуань-жуани, на смену которым, в свою очередь, приходят древние тюрки, создавшие в середине VI в. (552 г.) Первый тюркский каганат. Такова краткая письменная «канва» истории центральноазиатских племен гунно-сарматского времени, которую необходимо иметь в виду при рассмотрении и интерпретации археологических источников.

1. УЛУГ-ХЕМСКАЯ КУЛЬТУРА

Памятники улуг-хемской культуры были выделены А. Д. Грачом по результатам раскопок СТЭАН в бассейне Верхнего Енисея (Улуг-Хема), откуда и происходит это наименование (Грач, 1971. С. 100; 1980. С. 38). В улуг-хемскую культуру А. Д. Грач объединил различные виды погребений — в каменных ящиках, грунтовых ямах с многослойным каменным покрытием и склепах, относящихся к концу I тыс. до н. э., т. е. следующих за саглынской культурой. Однако, если хронологическое место этих памятников было определено правильно, то выделение отдельной археологической культуры постскифского времени в культурогенезе древнего населения Тувы вряд ли можно считать обоснованным. Названные виды археологических памятников отражают самостоятельные культурные традиции и, в целом, демонстрируют не образование какой-то культурной общности, а, скорее, сложный этнический состав населения, что вполне соответствует содержанию данной исторической эпохи. Заметим, что тоже происходило и в соседней Минусинской котловине, где, после крушения тагарской культуры, наблюдается наибольшее разнообразие различных видов археологических памятников, в том числе и представляющих новые инокультурные традиции. В это время в Туве появляются памятники собственно хуннов (могильник Бай-Даг II), а несколько позднее сяньбийцев (могильник Аймырлыг XXXI), о которых подробнее будет сказано ниже.

Погребения в каменных ящиках. Впускные захоронения в каменных ящиках довольно часто встречаются в курганах саглынской культуры, но высокая степень ограбленности не дает основания утверждать, что

все они относятся к гунно-сарматскому времени. Так, еще до начала работ СТЭАН впускные погребения в каменных ящиках были обнаружены в ряде центрально-тувинских могильников — Атамановка, кург. 11; Успенское, кург. 23; Бай-Даг, кург. 67, 68; Туран II, кург. 95; Туран IV, кург. 121 (Полторацкая, 1966. С. 78, 80–83, 86).

Из памятников, раскопанных в период деятельности СТЭАН, бесспорно к этому времени относится впускное захоронение в каменном ящике в одном из курганов (кург. 1, мог. 2) могильника Урбюн III (Савинов, 1969). Оно было совершено в северо-западной стенке могильной ямы, на глубине 2,5 м от уровня древней поверхности и на 1,35 м выше перекрытия основного погребения в деревянной камере-срубе. Размеры ящика — 1,4 × 0,9 × 0,5 м; ориентировка сторонами по странам света, длинной осью в направлении север-юг. Стенки и перекрытие составлены из крупных каменных плит. Поверх перекрытия была сделана кладка из горизонтально положенных плиток. Дно ящика — грунтовое. В ящике находился мужской скелет, лежавший с подогнутыми ногами на правом боку, головой на север. Руки сложены перед грудью. Под головой — камень-«подушка».

В отличие от большинства остальных погребений в каменных ящиках, урбюнское захоронение не было потревожено. Перед лицом погребенного находились два раздавленных глиняных сосуда. Около пояса найдены железный пластинчатый нож и две железные пряжки — с круглой и прямоугольной рамкой. Две таких же круглых пряжки с подвижным язычком находились у ног погребенного. Около западной стенки ящика в определенном порядке лежали костяные концевые и срединные накладки от лука хуннского типа. Они располагались таким образом, напротив рук погребенного, что он представлялся как бы «натягивающим лук». Около лука найдены 6 костяных наконечников стрел, сохранились также остатки деревянных древков этих стрел. Три из них — плоские черешковые, один — трехгранный втульчатый, два — листовидной формы с расщепленным основанием. Около пояса найдены остатки шерстяной одежды и кожаного пояса, взятые монолитом. При разборке этого монолита была обнаружена бронзовая ажурная поясная пластина с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона. Пластина, долго находившаяся в употреблении, была сломана. По-видимому, ею очень дорожили и положили в специально сделанную деревянную пластину с плоским углублением, вырезанную по форме бронзовой пластины. К этой деревянной основе бронзовая пластина была привязана тонкими нитями, а та уже, в свою очередь, крепилась кожными ремешками к поясу.

Большинство из найденных в урбюнском захоронении вещей — круглые железные пряжки с подвижным язычком, костяные наконечники стрел с расщепленным основанием, костяные накладки лука хуннского типа, бронзовая поясная пластина с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона — несомненно хуннского происхождения и имеют многочисленные аналогии в погребениях хунну Монголии и Забайкалья. Бронзовая поясная пластина из урбюнского погребения до сих пор является единственной находкой подобного рода на территории Тувы и имеет ближайшие параллели в хуннских художественных бронзах из Ордоса, куда хунны были оттеснены в середине II в. до н. э., и изделиях из Дырэстуйского могильника II—I вв. до н. э. По определению С. С. Миняева, изготовление урбюнской пластины было связано с джидинским (забайкальским) металлургическим центром Хунну (Миняев, 1980. С. 30).

Кому принадлежало это и другие подобные захоронения в каменных ящиках — сказать трудно. Судя по обряду погребения, это не хунны, но по составу комплекса предметов сопроводительного инвентаря, население очень близкое к культурной традиции Хунну. В качестве гипотезы можно высказать предположение, что это могло быть одно из племен, переселенных хуннами из мест своего ближайшего «окружения» в отдаленную северную провинцию. Наиболее вероятная датировка впускного погребения из Урбюна — II—I вв. до н. э. В Саянском каньоне Енисея таких погребений нет.

Погребения в грунтовых ямах с каменным покрытием. Очевидно представляют собой упрощенный вариант захоронений в каменных ящиках. В качестве свидетельства этого может служить то обстоятельство, что поверх перекрытия из крупных каменных плит здесь также укладывалось дополнительное перекрытие из мелких каменных плиток. Наиболее полно такие погребения исследованы на могильнике Аргалыкты I (Трифонов, 1970). Положение погребенных в них такое же, как в каменных ящиках — скорченно, на правом боку, головой на запад, северо-запад. Под головами — камни-«подушки». Комплекс предметов сопроводительного инвентаря включает керамику, бронзовые и железные пряжки с выступающим носиком, костяные наконечники стрел, оселки, бусы и др. «В хронологическом отношении, — отмечал автор раскопок Ю. И. Трифонов, — данные памятники близки позднейшим курганам скифского времени в Туве (V—III вв. до н. э.), но по многим признакам выходят из этого диапазона и датируются последними столетиями до н. э.» (Трифонов, 1970. С. 184—185).

Погребения в каменных склепах. Погребения в каменных склепах — новый для Тувы вид сооружений. Они представляют собой углубленные в землю на 1 м цилиндрические камеры, диаметром около 3 м, с входом с юго-восточной стороны, стенки которых сплошь выложены плоскими каменными плитками, образовывавшими в наземной части по принципу ложного свода невысокое куполообразное сооружение. Пол погребальной камеры выложен мелкими горизонтально положенными плитками. Никаких прообразов таких сооружений в предшествующих культурах Тувы не имеется. Погребенные (не менее 2–3 человек) уложены в северо-западной половине камеры, на правом боку, с подогнутыми ногами. Судить об их ориентировке, в виду «кругового» расположения, трудно, но преимущественно это запад или северо-восток. Под головами также находились камни-«подушки». Наиболее яркие памятники подобного рода были открыты Ю. И. Трифоновым на могильнике Аргалыкты I (кург. 16, 17) (Трифонов, 1976).

Сопроводительный инвентарь — не очень многочисленный, но интересный. В центральной части сооружений находились глиняные сосуды с остатками пищи, в восточной части — кости животных. Из других вещей, найденных в склепах, следует отметить широкие костяные поясные пластины с отверстиями, железные ножи, стержни-булавки, кольца от поясных наборов, проволочные серьги с подвесками, раковины каури и др. (Трифонов, 1976. Рис. 5). Никаких связей с наследием саглынской культуры (за исключением глиняных сосудов — баночной и кувшинообразной формы) этот предметный комплекс не имеет. Подобные коллективные захоронения в каменных склепах, скорее всего, принадлежат иной культурной традиции, в равной степени отличной как от местной саглынской, так и предполагаемой хуннской. Такие же склепы, но со стенками из вертикально поставленных плит, открыты на могильнике Аймырлыг (Мандельштам, Стамбульник, 1980. С. 49). По мнению Ю. И. Трифонова, данный вид археологических памятников датируется III–II вв. до н. э. (Трифонов, 1976. С. 119), но, скорее всего (по находкам костяных поясных пластин и ножей с кольчатым навершием, аналогичных тесинским в Минусинской котловине), они должны быть отнесены к несколько более позднему времени (II в. до н. э. — I в. н. э.).

По поводу культурной принадлежности рассматриваемых памятников существует две взаимоисключающих точки зрения. Как уже говорилось, А. Д. Грач объединял погребения в каменных ящиках, грунтовых ямах с каменным покрытием и в каменных склепах в самостоятельную культуру, названную им улуг-хемской, хронологически следующей за саглынской.

А. М. Манделыштам, предложивший продлить время существования уюкской (саглынской) культуры вплоть до II в. до н. э., объяснял разнообразие памятников этого времени «делением общества на какие-то внутренние группы, характеризовавшиеся, возможно, различным положением его членов» (Манделыштам, 1983 а. С. 11). Однако сравнительный анализ предметов сопроводительного инвентаря из погребений с каменными конструкциями (в каменных ящиках, склепах, погребениях с каменным покрытием) показывает, что в целом они относятся к более позднему времени, чем «классический» скифский набор из погребений в деревянных камерах-срубах. Можно предложить еще одно решение данного вопроса.

Погребения с каменными конструкциями вообще получили в это время достаточно широкое распространение и встречаются не только в Туве, но и в других культурах Саяно-Алтайского нагорья, а также более западных областей. По всей территории своего распространения они, как и в Туве, сосуществуют с другими видами погребальных сооружений; часто встречаются и впускные захоронения. Происходящий из этих погребений сопроводительный инвентарь также характеризуется сочетанием местных форм с новыми типами предметов, обнаруживающих близкое знакомство с культурной традицией хунну. Датировка их определяется, возможно, начиная со второй половины III в. до н. э., но в основном II–I вв. до н. э. Поэтому вполне вероятно, что на территорию Тувы в это время проникла какая-то группа населения из областей, прилегающих к месту формирования хуннских культурных традиций. Дальнейшие события хуннской истории, о которых сохранились свидетельства в письменных источниках, доносили эти хуннские традиции до весьма отдаленных областей, где они какое-то время сосуществовали с наследием местных культур. Та и другая группы памятников, принадлежавшие различным по происхождению группам населения, сосуществовали, по крайней мере, около одного–полутора столетий, переплетаясь, взаимодействуя и будучи равноправными в социальном и культурном отношениях.

2. СЛЕДЫ ПРЕБЫВАНИЯ ХУННОВ И СЯНЬБИЙЦЕВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

Первые предметы культуры хунну на территории Центральной Тувы были обнаружены С. А. Теплоуховым (1926 г.) и Л. Р. Кызласовым (1960 г.) на р. Баянкольчик (фрагменты характерной хуннской керамики

и когтевидные подвески из белого нефрита). Позже последовали и другие не менее выразительные находки (например, два целых вазообразных сосуда из разрушенного погребения у г. Чадан, случайная находка монеты *у-шу* и др.). Данные о них были сведены Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1969 а; 1979. С. 81–84), точно определившим их культурную принадлежность и датировавшим время появления хуннов в Туве II–I вв. до н. э. (дырэстуйский этап, по периодизации хуннских памятников Забайкалья). При этом Л. Р. Кызласов отметил, что «никогда гунны в Хакасии и Туве не жили большими группами, оставляя лишь заместников, свои гарнизоны (не всегда состоявшие из собственно гуннских воинов) и, вероятно, своих рудознатцев и мастеров» (Кызласов, 1979. С. 84).

Могильник Бай-Даг II. Первые и пока единственные погребения в Туве, которые уверенно могут быть отнесены к собственно хуннам, были открыты СТЭАН на могильнике Бай-Даг II (Мандельштам, 1967. С. 128; 1968. С. 170; 1975. С. 232). Всего на могильнике Бай-Даг II в разные годы (1966–1967, 1976–1977 гг.) было раскопано 11 больших курганов, представлявших собой каменные сооружения с пристройками-«дромосами» трапециевидной формы и глубокими (до 5 м) могильными ямами, на дне которых находились гробы, помещенные в узкие прямоугольные срубы. По характеру могильных сооружений они полностью соответствуют погребениям ноин-улинского типа (суджинский этап, по периодизации хуннских памятников Забайкалья). Поэтому, по справедливому утверждению исследователей, материалы могильника Бай-Даг II можно рассматривать как «прямое и бесспорное свидетельство археологии о том, что какая-то группа сюнну (т. е. хуннов) обитала на территории Тувы» (Мандельштам, Стамбульник, 1980. С. 55).

К сожалению, все большие курганы на могильнике Бай-Даг II оказались ограбленными, однако и сохранившихся материалов достаточно для того, чтобы оценить культурно-историческое значение этого памятника. В разных курганах здесь были найдены глиняные сосуды (некоторые из них воспроизводили форму «скифских» котлов), железные пожи и пряжки, обломки бронзовых ханьских зеркал с надписями, железные и костяные наконечники стрел, костяные накладки лука, золотые бляшки, металлические сосуды (баночные и один котловидный на поддоне, по форме близкие керамическим). Найдены также обломок железного меча, костяной гребень и др. Особо следует отметить декорировку гробов, украшенных снаружи фигурными железными пластинками с мелким геометрическим узором, изнутри — полосками золотой и серебря-

ной фольги с железными гвоздиками и шелковыми тканями. А. Д. Грач, придававший очень большое значение раскопкам хуннских погребений на могильнике Бай-Даг II, первым обратил внимание на то, что декорировка гробов соответствует описанию погребального обряда сюнну в письменных источниках («Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро...» — Таскин, 1968. С. 40) и отметил, что «эти памятники являются уменьшенным в масштабе повторением пышных погребений ноин-улинского типа» (Грач, 1969. С. 49).

Каких-либо данных об уточнении датировки в материалах могильника Бай-Даг II не содержится, но последнее замечание А. Д. Грача позволяет ответить на этот вопрос вполне определенно. Погребения на Бай-Даге II не могли появиться раньше Ноин-Улы, некрополя хуннских шаньюев в Северной Монголии, датируемого достаточно точно по лаковым изделиям первыми годами н. э. (Руденко, 1962. С. 83). Погребения Бай-Даг II, учитывая «провинциальный» характер данного памятника, должны относиться к более позднему времени (предположительно конец I – начало II вв. н. э.). В северной части могильника Бай-Даг II располагались одиночные курганы кокэльской культуры, о которой подробнее будет сказано ниже, а в девяти больших курганах хуннского времени обнаружены впускные захоронения с керамикой кокэльского типа (Николаев, 2002), которые не могли появиться раньше, чем окончилось господство хунну, т. е. в середине II в. н. э. Таким образом, могильник Бай-Даг II должен относиться к тому времени, когда культурные традиции хунну, по выражению Н. Н. Николаева, были уже «на излете» (Там же. С. 261). С известной долей вероятности, можно предположить, что здесь, в непосредственной близости от Западных Саян, находилось последнее убежище какой-то части администрации северных хуннов, укрывавшихся от сокрушительных походов сяньбийцев.

Могильник Аймырлыг XXXI. Другой выдающийся памятник гунно-сарматского времени, значение которого стало понятно только в самое последнее время, компактное и почти полностью раскопанное кладбище в южной части обширного могильника Аймырлыг (Аймырлыг, группа XXXI), где «раскопано около 200 могил, почти не пострадавших от грабителей» (Стамбульник, 1983. С. 34). Погребения этой группы могильника отличаются чрезвычайным разнообразием внутримогильных сооружений: захоронения в деревянных гробах, колодах, гробовищах, каменных ящиках, могильных ямах с подбоями. Также варьирует и положение погребенных — на боку, на спине, с поднятыми вверх колена-

ми и т. д. Среди них «узнаваемы» погребения улуг-хемского типа (в каменных ящиках, с положением «на боку»), кокэльской культуры (в деревянных гробах с вытянутым положением погребенных). Столь же синкретический характер имеет и вещественный материал, происходящий из этого памятника, к сожалению, за исключением нескольких предметов, не опубликованный. Упомянется керамика — хуннская, кокэльская, «скифская» или «представленная типами, ранее в Туве неизвестными» (Там же. С. 38). Внимание исследователей (в тезисной форме) было привлечено только к накладкам лука с сюжетными гравировками (Стамбульник, 1979) и берестяным тускам с тамгообразными знаками, возможно, относящимися к неизвестной (проторунической?) письменности (Стамбульник, 1982). Во всем этом оставалось много неясного и неопределенного.

Культурная атрибуция, если не всех, то, во всяком случае, значительной части погребений могильника Аймырлыг XXXI была определена Ю. С. Худяковым на основании сопоставления бронзовых с позолотой пластин с изображениями животных (раньше считавшихся хуннскими) с аналогичными изделиями из сяньбийского могильника Лаохэшэнь, показавшего их полную идентичность (Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999. Рис. 1, 2). Значение данного открытия трудно переоценить, так как благодаря этому стало возможным и «узнавание» материалов сяньбийской культуры, ранее не атрибутированных. Оказалось, что к ним могут быть отнесены и некоторые находки, и наскальные изображения, известные в Южной Сибири (Вадецкая, 1999. Рис. 15, 2; Миклашевич, 2004).

Могильник Аймырлыг XXXI в целом был отнесен Ю. С. Худяковым и его коллегами к «местным кочевым племенам, испытавшим влияние сяньбийской культуры I–III вв. н. э.» (Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999. С. 168). Вполне соглашаясь с таким определением, хотелось бы подчеркнуть, что формирование материалов этого уникального памятника, демонстрирующих чрезвычайно разнообразие всех составляющих его компонентов, могло произойти только после сяньбийских завоеваний, когда носители разных культурных традиций (прежних — «скифских», улуг-хемских и хуннских; новых — сяньбийских и кокэльских) оказались инкорпорированы в составе полиэтнического кочевого объединения, возникшего на развалинах государства северных хунну, т. е. во второй половине II в. н. э. Именно тогда какие-то группы кокэльцев могли оставить свои впускные захоронения в хуннских курганах могильника Бай-Даг II.

3. КОКЭЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Кокэльская культура — одна из наиболее ярких и своеобразных в древней истории Тувы. По вопросам хронологии и этнокультурной атрибуции памятников кокэльской культуры вообще и могильника Кокэль, в частности, существуют различные точки зрения, что является отражением длительного периода их изучения. Впервые памятники подобного типа были открыты А. В. Адриановым в 1915–1916 гг. и С. А. Теплоуховым — в 1926–1927, 1929 г. — в числе других погребений, исследованных в эти годы в Центральной и Северной Туве. По заключению С. А. Теплоухова, они были отнесены к концу таштыкской эпохи — III–V вв. н. э. Материалы из раскопок С. А. Теплоухова и А. В. Адрианова опубликованы Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1979. Рис. 77–84).

Выделение их в качестве самостоятельной культуры произошло в конце 50-х гг. XX века. В 1956–1957 гг. С. И. Вайнштейн исследовал в Центральной Туве серию погребальных и поминальных сооружений на могильниках Кара-Чога, Черби, Ак-Туруг, Ак-Довураг и Сыын-Чюрек (Вайнштейн, 1954. С. 145–147; 1958. С. 218–226). По названию последнего в 1958 г. им было дано наименование культуре гунно-сарматского времени в Туве — сыын-чюрекская, определены общий период ее бытования (I в. до н. э. — IV в. н. э.) и наиболее характерные особенности (Вайнштейн, 1958. С. 232–233, табл. IV). В 1955 г. Л. Р. Кызласов открыл погребения с типологически близким инвентарем на могильнике Шурмак-Тей в Южной Туве, по которому им было дано название культуры — шурмакская, с разделением ее на два этапа — II в. до н. э. — I в. н. э.; II–V вв. н. э. (Кызласов, 1958. С. 89–98, табл. III). Оба названия появились практически одновременно (в 1958 г.) и с тех пор существуют в литературе для определения одних и тех же памятников.

С 1959 г. начинается исследование наиболее крупного могильника гунно-сарматского времени в Туве — Кокэль на р. Хемчик, раскопки которого производились С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой в 1959–1960 гг. (Вайнштейн, Дьяконова, 1966); С. И. Вайнштейном в 1962 г. (Вайнштейн, 1970); В. П. Дьяконовой в 1963, 1965–1966 гг. (Дьяконова, 1970; 1970 а). Всего на могильнике Кокэль было раскопано 446 погребений, которые компактно расположены у подножия горы Ишкин-Аразы, входящей в систему Западных Саян. Планиграфически на площади некрополя различаются несколько групп наземных соору-

жений, состоящих из т. н. «курганов-кладбищ» и прилегающих к ним отдельных курганов. Богатейшие материалы могильника Кокэль, образуя многочисленные серии однотипных изделий, наиболее полно и всесторонне представляют культуру Тувы гунно-сарматского времени. Одновременно были опубликованы и все относящиеся к нему палеоантропологические данные (Алексеев, Гохман, 1979; 1986).

В соответствии с периодизацией С. И. Вайнштейна, могильник Кокэль относится авторами раскопок к сыын-чюрексской культуре; период его существования определяется в пределах II в. до н. э. – V в. н. э.; а происхождение связывается с проникновением в Туву части хуннов (или племен, в этническом отношении близких хуннам), смешавшихся с местными племенами, что и определило самобытный характер сыын-чюрексской культуры и антропологические особенности оставившего ее населения. По Л. Р. Кызласову, могильник Кокэль относится к Первому этапу шурмакской культуры — II в. до н. э. – I в. н. э. В 1984 г. все материалы могильника Кокэль были обобщены и заново проанализированы Р. Кенком, сделавшим при этом ряд весьма ценных наблюдений (Кенк, 1984). В основном они касаются «короткой» хронологии Кокэля, который Р. Кенк, вслед за Л. Р. Кызласовым, относит к шурмакской культуре, но датирует более коротким периодом — II в. до н. э. – II в. н. э. В том же 1984 г., учитывая уже исторически оцененное значение могильника Кокэль как эталонного памятника культуры, нами было предложено называть ее кокэльской культурой (Савинов, 1984. С. 22–25). Это название как-то сразу и без особого обсуждения утвердилось в литературе. При этом отмечалось, что, по-видимому, следует различать вопросы хронологии и историко-культурной интерпретации могильника Кокэль, как уникального и единственного в своем роде «мегакомплекса», и других памятников кокэльского типа на всей территории их распространения (Савинов, 1984. С. 108–109). Позже были опубликованы разработки, посвященные вопросам датировки кокэльской культуры, которая синхронизируется с периодом сяньбийских завоеваний — середина II–III вв. н. э., с возможным «запаздыванием» до начала IV в. н. э. (Савинов, 2003), а также социально-демографической ситуации, связанной с процессом формирования могильника Кокэль (Савинов, 2005). Что касается этнокультурной атрибуции населения кокэльской культуры в целом и могильника Кокэль, в частности, то никаких новых положительных решений по этому вопросу высказано не было.

Многочисленный и чрезвычайно важный для изучения кокэльской культуры материал был получен в результате работ СТЭАН на террито-

рии будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Начиная с 1965 года, раскопки их производились как в степной части обследуемой территории, так и в Саянском каньоне Енисея. Всего было открыто и исследовано в общей сложности более 40 памятников кокзельской культуры. В разные годы их исследовали: А. Д. Грач — Улуг-Оймак II, Куйлуг-Хем I и Алды-Бель I (1966–1967 гг.), Хемчик-Бом IV, V (1971 г.); Ю. И. Трифонов — Аргалыкты I (1965 г.), Аргалыкты VI, VIII, XI и Кара-Тал I–III (1966 г.), Аргалыкты XII (1967 г.), Кара-Тал IV (1968 г.), Аргалыкты XIII и Кара-Тал V (1970 г.); Г. В. Длужневская — Чинге III–V (1973 г.), Шугур, Сарыг-Хая (1975–1976 гг.); И. У. Самбу — Куйлуг-Хем II, IV (1966 г.), Ортаа-Хем I, II (1967 г.), Темир-Суг I (1970 г.); М. Х. Маннай-оол — Ховужук (1965 г.); А. М. Мандельштам — Даштыг-Шоль (1965 г.), Бай-Даг I и Часкал II (1966, 1977 г.), Аймырлыг (1971–1975 г.), Бай-Даг VI, VII (1974 г.), Каат-Ховак II (1978 г.), Пикет 21 и Кежи (1982 г.); Э. У. Стамбульник — Аймырлыг XXXI (1979–1981 гг.); Б. Б. Овчинникова — Аймырлыг III или Даг-Аразы (1979–1981 гг.); Т. А. Шаровская — Новый Чаа-Холь III (1979–1980 гг.); Е. Л. Кириллов — Темир-Суг I (1983 г.); Вл. А. Семенов — Хадынных I (1975 г.) и Суглуг-Хем (1986 г.). Полученные материалы, к сожалению, до сих пор не опубликованы и не введены в научный оборот¹¹.

Аналогичные погребения исследовались на территории оросительных систем в Центральной и Северной Туве: в 1977–1978 гг. М. Х. Маннай-оолом — Сепекской ОС и А. М. Мандельштамом — Малиновской ОС; в 1984 г. Вл. А. Семеновым — Торгалыкской ОС. В 1969–1972 гг. памятники кокзельского типа были открыты М. А. Дэвлет в Восточной Туве, на территории Тоджи — могильник Азас I. Известны и другие отдельные погребения, но в количественном отношении они намного уступают исследованным СТЭАН в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, что позволяет считать этот район одним из основных, если не главным, в формировании кокзельской культуры Тувы.

Памятники кокзельской культуры, изученные СТЭАН, делятся на два вида — это погребения и т. н. «поминальники». Все погребения кокзельской культуры — подкурганые. Могильники состоят из небольшого количества курганов и выкладок (Улуг-Оймак II — 8; Каат-Ховак II —

¹¹ Краткую информацию об этих работах см. в сборниках «Археологические открытия в СССР», начиная с 1965 года.

16; Часкал II — 13; Новый Чаа-Холь — 9 и т. д.) округлой или подпрямоугольной формы, объединенных в цепочки, расположенные в меридиональном направлении (с небольшими отклонениями). В некоторых случаях курганы объединяются по 2–3 (Аймырлыг) и образуют серии слившихся курганов (Каат-Ховак II, Кара-Тал VI), приближаясь к планировке «курганов-кладбищ». Однако большие «курганы-кладбища», типа могильника Кокэль, в Центральной Туве не обнаружены.

В основании курганов, где это прослежено, находились округлые или подпрямоугольные постройки из нескольких слоев каменных плит. Глубина могильных ям от 1 до 2 м. Для кокэльской культуры характерны узкие могильные ямы; во многих случаях они заполнены крупными камнями. Захоронения одиночные в деревянных гробах прямоугольной формы или деревянных «ящиках», сделанных из тонких досок. Положение погребенных — вытянуто на спине, головой на запад, северо-запад. В ногах иногда выделяется специальный отсек для помещения сопроводительного инвентаря. По всем этим признакам погребения кокэльской культуры в Центральной Туве аналогичны основному типу погребений на могильнике Кокэль.

Набор предметов сопроводительного инвентаря скромнее, чем в богатых погребениях Кокэля, но в целом достаточно выразителен. Главным образом, это глиняные сосуды, установленные в головах погребенных — вазообразной формы, украшенные по плечикам и в верхней части тулова мотивами арочного, лопастного и арочно-лопастного орнамента, выполненными валиками, налепами или в резной технике. Составленные из этих элементов композиции образуют яркие, декоративно совершенные узоры. Все остальные предметы сопроводительного инвентаря сделаны из железа. Это — ножи, иногда с витыми цепочками для подвешивания, трехперые ромбические наконечники стрел, круглые и прямоугольные пряжки с подвижным язычком, пряжки с выступающим носиком, вотивные однокольчатые удила с пропеллеровидными псалиями, металлические «пиалы» с двумя горизонтальными ручками и др. Интересны случаи нахождения железных серпов (Ортаа-Хем I, раск. И. У. Самбу, 1967 г., и др.), свидетельствующие о занятиях развитым собирательством или земледелием. Предметы изобразительного искусства встречаются крайне редко. Можно отметить только бронзовые подвески в виде птиц с расправленными крыльями в одном из детских погребений на Бай-Даге (раск. А. М. Мандельштама, 1965 г.). Ни в одном из погребений кокэльской культуры ни разу не были встречены хуннские или сяньбийские художественные бронзы, что может свидетельствовать как об

инокультурности этих памятников, так и об их более поздней хронологической принадлежности.

Наиболее ярко отличие памятников кокзельской культуры Центральной Тувы проявилось в широком распространении здесь поминальных сооружений и своеобразном сочетании их с погребениями. Само название «поминальные» следует понимать условно, так как неизвестно, какое место в цикле ритуальных действий, связанных с погребальным обрядом, они занимали. Полученные в результате полевых исследований всех отрядов СТЭАН материалы, характеризующие этот вид памятников, настолько интересны, что требуют более подробного освещения.

Обычно поминальные сооружения располагаются в одном ряду с погребальными комплексами, но встречаются и цепочки курганов, состоящие только из «поминальников». Семантическим центром таких сооружений является сосуд, чаще всего расположенный посередине кургана и накрытый каменной плиткой. Все сосуды из «поминальников» — вазообразной формы, украшенные «арочным» орнаментом с различными вариациями составляющих его элементов. Способы размещения сосудов различны: на уровне древней поверхности, иногда в обкладке из камней; в специальных ямках, выкопанных на высоту сосуда; ямках, перекрытых в несколько слоев плитками; каменных ящичках, помещенных в такие же ямки; и т. д. Случаи находок вещей в таких сооружениях крайне редки; иногда встречаются прокалы, угли и кости животных. Сами сосуды по своей форме и характеру орнаментации не отличаются от найденных в погребениях.

Ритуальное назначение курганов с отдельными захоронениями сосудов на горизонте (без погребения человека) сомнения не вызывает. Ниже приводятся наиболее характерные ситуации, когда захоронения сосудов сочетались с находящимися в пределах тех же сооружений погребениями людей¹².

Из материалов А. М. Мандельштама. На могильнике Часкал II исследована цепочка из 12 курганов, расположенных в направлении север-юг (с небольшим отклонением). Каждый из курганов представлял собой сплошную вымостку округлой или подпрямоугольной формы, посередине которой находились сосуды с «арочным» орнаментом. Погребения людей располагались в полах курганов; в одном случае (кург. 7) по краям насыпи обнаружены два симметрично расположенных погребения с восточной и западной стороны. Посередине между ними, как и в

¹² Сведения о раскопках А. М. Мандельштама и Ю. И. Трифонова даются по материалам Научного архива ИИМК РАН.

других случаях, находился глиняный сосуд. На могильнике Центральная Поляна исследовано 4 слившихся выкладки с погребениями и сосудами на горизонте. В одной из них (кург. 5) посередине находилась квадратная выкладка из поставленных на ребро плиток, около нее — глиняный сосуд, а по краям сооружения также симметрично располагались два погребения в узких могильных ямах. Подобная цепочка из пяти сооружений с сосудами и погребениями по краям исследована на могильнике Бай-Даг VII. На могильнике Каат-Ховак раскопана цепочка из 16 курганов, отличающихся теми же особенностями. Один из них (кург. 10) представлял собой овальную вымостку, вытянутую в направлении север-юг, по длинной оси которой в ряд было вкопано три сосуда; на том же уровне, но за пределами вымостки находились три квадратных оградки, а само погребение, ориентированное «поперек» ряда сосудов, в направлении запад-восток, располагалось в южной поле насыпи.

Из материалов Ю. И. Трифонова. На могильниках Аргалыкты и Кара-Тал (раскопки 1966–1968 гг.) зафиксированы следующие ситуации: сосуд на горизонте в юго-западной части насыпи, посередине — установленный на том же уровне каменный ящичек, в южной поле кургана — два погребения в узких могильных ямах (Кара-Тал II, кург. 4); сосуд в неглубокой ямке посередине курганной насыпи, к северо-востоку от насыпи — две вертикально стоящие стелы (Кара-Тал II, кург. 3); сосуд посередине насыпи, погребение в юго-западной поле кургана (Кара-Тал III, кург. 2); сосуд, установленный на краю могильной ямы (Кара-Тал III, кург. 4); сосуд, установленный на уровне древней поверхности в каменной выкладке непосредственно над могильной ямой (Аргалыкты I, кург. 10). В некоторых случаях рядом с сосудом на краю могильной ямы находился каменный ящичек (Аргалыкты VIII, кург. 1). В Кара-Тал (кург. 6) по краям ямы, посередине длинных сторон, установлены два сосуда, а на дне под ними находилось погребение.

Ряд особенностей рассматриваемых сооружений был зафиксирован *Б. Б. Овчинниковой* при раскопках могильника Аймырлыг III (Даг-Аразы): расположенные попарно курганы; вымостка площади под ними специально подобранными плитами, образующими своеобразные платформы; установленные посередине этих платформ глиняные сосуды, покрытые плитками; каменные стелы (по 1–2 «стояка»), расположенные к северу от курганов (Анищук, Овчинникова, 1978). Особенно впечатляющие результаты исследований на могильнике Аймырлыг III в 1981 г. По описанию *Б. Б. Овчинниковой*, это были «округлые каменные насыпи

диаметром 20–25 м и высотой 1,5–2 м, порой слившиеся воедино по две-три. Сверху и по краям они были выложены мелкими и средними камнями, а ближе к центру и основанию — более крупными. На древней поверхности под каждой насыпью обнаружено полукольцо из крупных камней, в середине которого под каменной плитой в ящике из плит, установленных торцом, в грунтовой яме находился керамический сосуд, в большинстве случаев с арочным орнаментом. Вертикально поставленные камни («стояки») зафиксированы как в самих насыпях, так и на древней поверхности, где они углублены в материк на 0,2–0,3 м и более. Некоторые из них выходят за пределы насыпей, как правило, с северной стороны и несут следы искусственных сколов. Не исключено, что они выполняли функцию скульптурных изображений» (Овчинникова, 1983. С. 221–222).

Перечисленными материалами, естественно, не ограничивается весь фонд источников по захоронениям сосудов в памятниках кокзельской культуры Центральной Тувы. Однако приведенных примеров достаточно, чтобы оценить эти чрезвычайно интересные и весьма своеобразные памятники. Ритуальная роль сосуда в них сомнения не вызывает, но требует особого исследования¹³. Здесь же отметим только несколько, важных для контекста данной монографии, моментов: 1) Особое отношение к сосуду, как центру сакрализованного пространства, в этих комплексах, скорее всего, связано с передачей жизненной энергии и почитанием Солнца, так как развертка арочного орнамента на сосудах представляет собой устойчивую космограмму (нечто сходное мы находим в ритуальных действиях якутов); 2) Подобные комплексы с доминирующим значением сосуда по отношению к погребенным неизвестны в могильнике Кокзель; правда, в некоторых случаях зафиксированы сосуды, помещенные в специально сделанные ниши в стенках могильной ямы, что, скорее всего, можно рассматривать как дальнейшую трансформацию традиции; 3) Особая роль сосуда, какместилища жизненной энергии, возможно, сохраняется впоследствии в изображениях сосудов на древнетюркских каменных изваяниях; 4) Ряды «стояков», расположенные у курганов (и на площади курганов) с отдельными захоронениями сосудов — непосредственные предшественники древнетюркских камней-балбалов, ряды которых также отходят от ритуальных сооружений.

Вопрос о происхождении и этнической атрибуции кокзельской культуры остается открытым. Несмотря на большое количество погребений,

¹³ Подробнее этот вопрос рассматривается нами в специальной статье (Савинов, 1995).

отражающих существование крупной и хорошо вооруженной этнической общности, ни один из известных этнонимов (или политонимов) не может быть идентифицирован с ней с достаточным основанием. Вместе с тем ясно, что начало формирования кокзельской культурной традиции уходит в хуннскую древность. На это впервые обратил внимание С. И. Вайнштейн, указавший на «сравнительно большую близость» кокзельских погребений и могильника Найма-Толгой периода господства северных хуннов в Западной Монголии, который «в свою очередь, наряду со сходством, имеет ряд существенных отличий от известных памятников гуннов в Ноин-Уле и Забайкалье» (Вайнштейн, 1970. С. 79). В настоящее время в Монголии открыты и другие могильники типа Найма-Толгой, относящиеся к периоду господства северных хуннов. Некоторые из них насчитывают до 200 и более курганов (Волков, 1983. С. 503). Показательно, что в раскопанных курганах стенки деревянных гробов оказались украшенными геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской (Цзвэндорж, 1985. Рис. 5, 1–3), точно также, как в могильнике Кара-Даш, кург. 1 в Центральной Туве, исследованном Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1979. С. 85–92, рис. 70). Отдельные захоронения сосудов (т. н. «поминальники»), наиболее характерные для Центральной Тувы, известны в Ноин-Уле как «жертвенники» (Доржсурэн, 1962. С. 36–41). «Арочный» орнамент на кокзельских сосудах повторяет орнаментацию бронзовых хуннских котлов, в том числе и найденных на территории Монголии. По мнению А. Д. Журавлевой, многие глиняные сосуды из кокзельской коллекции являются вотивными по отношению к хуннским образцам, а «в формообразовании сосудов заметно влияние сюннуской керамики» (Журавлева, 1992. С. 65). Все это вместе взятое дает основание полагать, что начало развития кокзельской культурной традиции, не имеющей местных истоков в Туве, могло происходить на территории Северной Монголии, в рамках этнополитического объединения северных хуннов. И все же Л. Р. Кызласов прав: шурмакцы (т. е. кокзельцы) «не гунны».

Судя по хронологии, носители кокзельской культуры освоили территорию Тувы, в первую очередь, Центрально-Тувинскую котловину около середины II в. н. э., что совпадает с разгромом северных хуннов войсками сяньбийцев при Таньшихуае. Поэтому имеются основания рассматривать эти события как сопряженные: непосредственные предшественники кокзельцев были оттеснены с мест своего первоначального обитания на территорию Тувы в результате нашествия сяньбийцев. В Центральной Туве, где сосредоточено наибольшее количество памятников кокзельской куль-

туры, наступает новый, относительно благополучный период ее существования. Косвенным образом об этом свидетельствуют многочисленные ритуальные комплексы с отдельными захоронениями сосудов, для сооружения и использования которых в общественной практике требуются условия мирного времени. Однако очевидно, что с появлением сяньбийцев в Туве (могильник Аймырлыг XXXI) это состояние было нарушено. Одни группы кокэльцев были изгнаны со своих мест и были вынуждены устраивать свои захоронения в насыпях курганов еще ранее поверженных северных хуннов (могильник Бай-Даг II); другие пытались укрыться в Саянском каньоне Енисея (могильник Шугур, о котором будет сказано в следующей Главе), возможно, в Тодже (Азас I). Основная же часть кокэльцев переселилась на Хемчик, к самому подножию Западных Саян (могильник Кокэль).

Между памятниками кокэльской культуры Центральной Тувы и погребениями могильника Кокэль очень много общего, но имеются и некоторые различия. Так, в Центральной Туве нет больших «курганов-кладбищ», а в Кокэле, как уже говорилось, нет ритуальных комплексов с отдельными захоронениями сосудов. Предметы вооружения из погребений могильника Кокэль гораздо более многочисленны и разнообразны, чем в захоронениях Центрально-Тувинской котловины (Худяков, 1986. С. 63–89). Скорее всего, эти различия следует рассматривать как свидетельство трансформации кокэльской культуры в процессе оттеснения ее носителей из Центральной Тувы в закрытые долины р. Хемчик.

Тем не менее, главное отличие было зафиксировано антропологами. По данным В. П. Алексеева и И. И. Гохмана, более половины всех погребенных в могильнике Кокэль — мужчины. При этом «на многих черепах и скелетах заметны следы смертельных травм, полученных в военных столкновениях, — пробоины в костях черепа и таза, в точности повторяющие трехлопастную или ромбическую форму наконечников стрел из металла и кости; рассеченные, по-видимому, мечом лицевые кости; разрубленные по горизонтальной плоскости полностью или частично ударом, нанесенным сзади, шейные позвонки. Нами зафиксировано более 20 скелетов, имеющих такого рода травмы, но в действительности число погибших от насильственной смерти было значительно больше» (Алексеев, Гохман, 1970. С. 248). Судя по опубликованным данным, останки погибших похоронены в 52 могилах. И, скорее всего, это тоже не исчерпывающий «список», так как учитывались только явные следы насильственной смерти (Савинов, 2005. С. 209–212). Среди погибших были женщины и дети. Зафиксированы случаи повешения (сдвинутые

верхние позвонки, остатки тонких кожаных ремешков на шее). Во многих случаях у погребенных перебиты ноги. Возможно, это было сделано перед тем, как их убили.

Можно предполагать, что не только мужское население принимало участие в военных действиях, но и на места расселения кокэльцев, в отдаленную долину р. Хемчик, предпринимались карательные экспедиции, когда гибли женщины и дети. Все это вместе хорошо соотносится с сообщениями письменных источников об исключительной жестокости сяньбийцев по отношению к завоеванным ими племенам (подробнее об этом см.: Савинов, 2005). В результате такого геноцида население кокэльской культуры могло быть почти полностью уничтожено (в бассейне Хемчика есть и другие большие «курганы-кладбища», еще не раскопанные, но, скорее всего, представляющие ту же картину). Так, в результате раскопок СТЭАН раскрывается трагическая история этого большого, но безымянного народа.

Дальнейшая судьба населения кокэльской культуры может быть намечена только «пунктиром». В погребениях кок-пашской культуры на Горном Алтае (IV–V вв. н. э.) представлен очень близкий кокэльскому набор железных изделий. Судя по их составу (мечи с кольчатым навершием, ромбические наконечники стрел, крюки от колчанов и железные пепочки для их крепления, пряжки), это, возможно, захоронения воинов, ушедших на Алтай после разгрома кокэльской культуры в Туве (Бобров, Васютин А., Васютин С., 2003). К позднему этапу кокэльской культуры относятся датированные Л. Р. Кызласовым III–V вв. н. э. погребения с трупосожжениями (шурмакского типа), в которых найдены однокольчатые удила, типологически поздние наконечники стрел, пронеллеровидные псалии (как в Шугуре), серпы, известные по находкам в погребениях и в других районах Тувы (Кызласов, 1979. С. 114–119) и, очевидно, доживающие уже непосредственно до предтюрокского времени. Показательно, что среди исследованных СТЭАН памятников гунно-сарматского времени в Центральной Туве, погребений с трупосожжениями и типологически поздним инвентарем нет. С точки зрения исторической хронологии, это время господства жуань-жуаней (IV–V вв. н. э.).

↑ Гора Хайыракаан – сакральный центр Улуг-Хемской котловины.
Фото Д.Г. Савинова, 1962 г.

↓ Обрушающиеся берега Улуг-Хема у плато Алды-Бель.
Фото А.Д. Грача, 1962 г.

↑ Улуг-Хем в Центральной Туве. Фото А.Д. Грача, 1962 г.

↓ «Сорок Енисеев» — острова в степной части Улуг-Хемской котловины.
Фото А.Д. Грача, 1962 г.

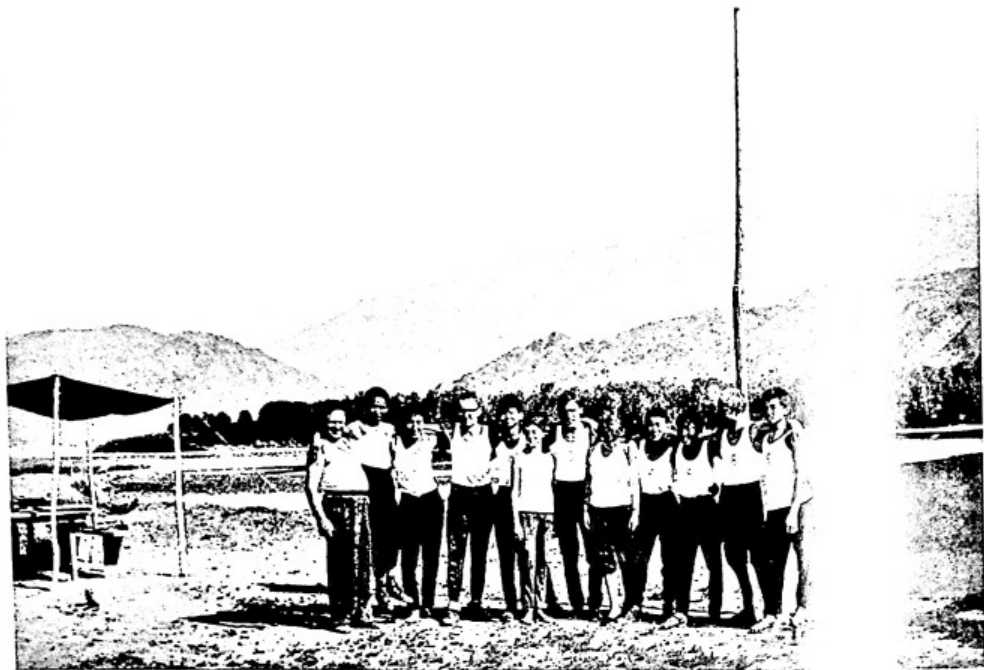

Караван машин Саяно-Тувинской экспедиции в Саянах.

Фото А.Д. Грача,

↓ Участники рекогносцировочной разведки 1962 г. и начальники отрядов СТЭАН – Д.Г. Савинов, И.У. Самбу, С.Н. Астахов на берегу Тувинского моря. Фото Г.В. Длужневской, 1995 г.

↑ Сотрудники 4-го отряда СТЭАН: четвертый слева – начальник отряда Д.Г. Савинов, восьмая – Г. Длужневская. Фото 15 августа 1965 г.

↓ «День археолога» в лагере А.Д. Грача на Эйлиг-Хеме. Фото 1965 г.

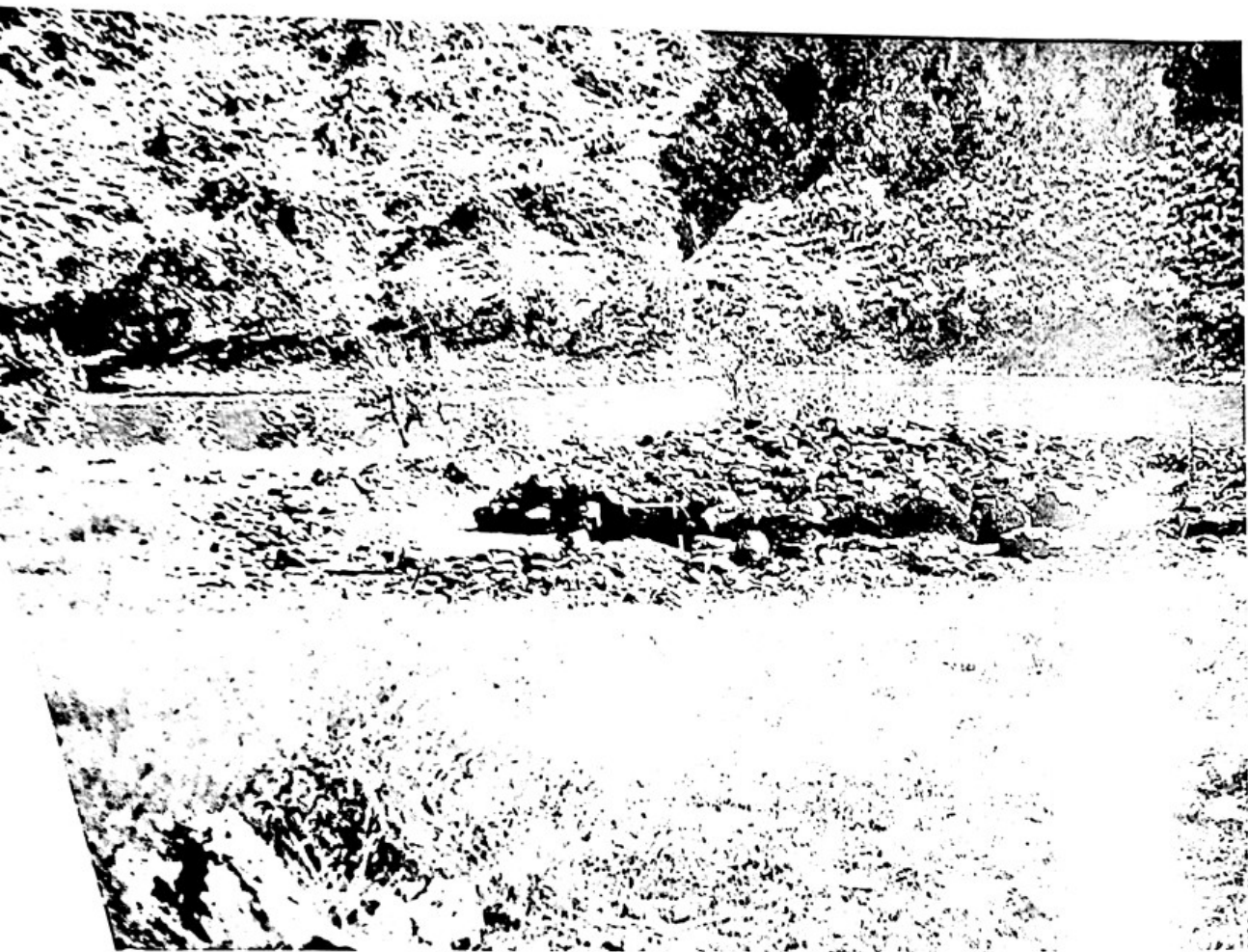

Могильное поле Аргалыкты IV в Центральной Туве.
Фото Ю.И. Трифонова, 1966 г.

↓ Сильно задернованный каменный курган на могильном поле Аргалыкты.
На заднем плане – поселок Кара-Тал. Фото С.Р. Миншлова, 1914 г.

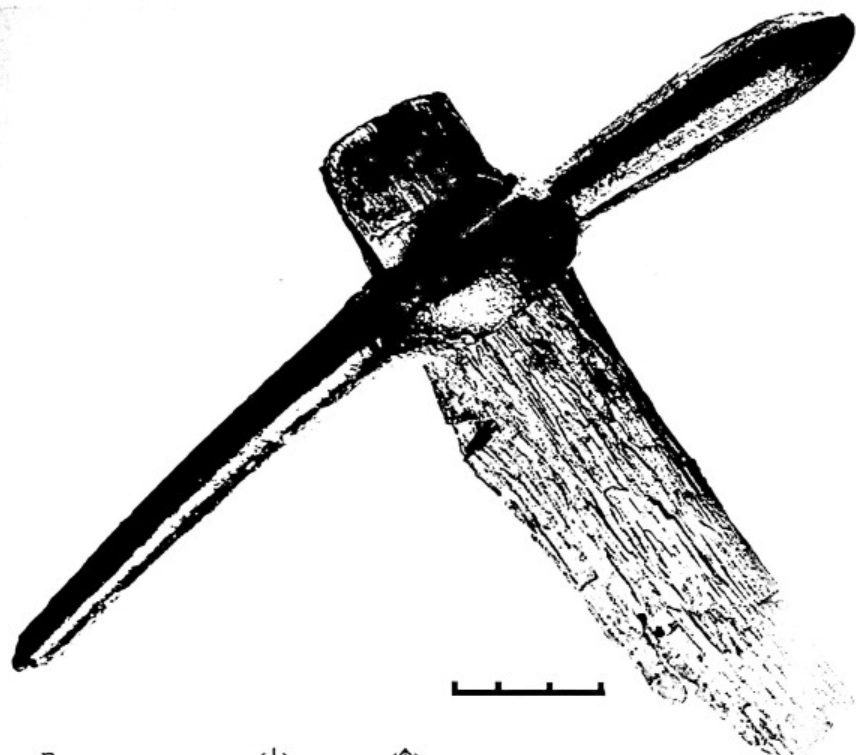
↑ Наземное сооружение кургана раннескифского периода на могиле в долине Хем-Терек в Саянском каньоне. Фото Г.В. Длужневской, 1978 г.

↓ Оленные камни в урочище Шом-Шум на Хемчике.
Фото С.Н. Астахова, 1966 г.

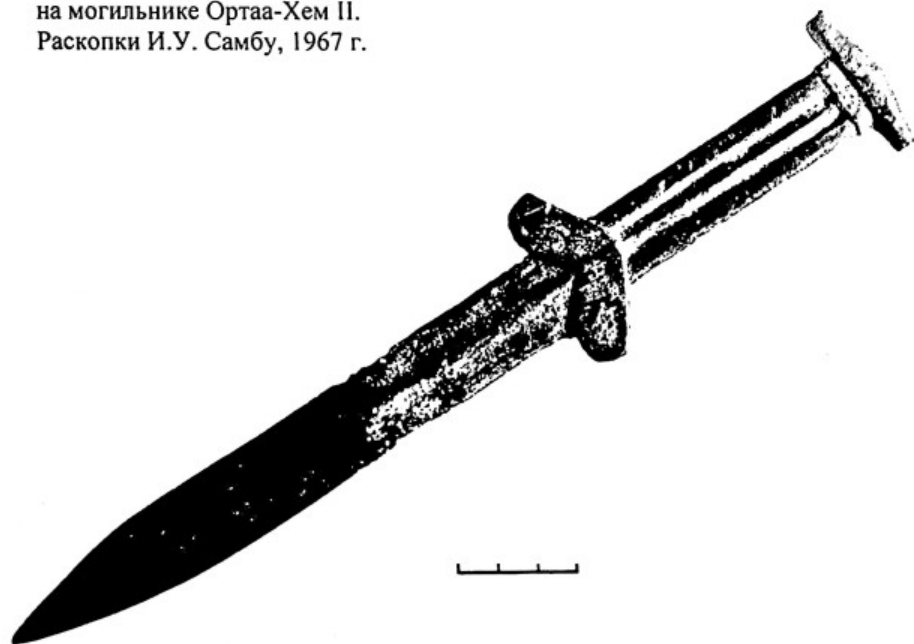

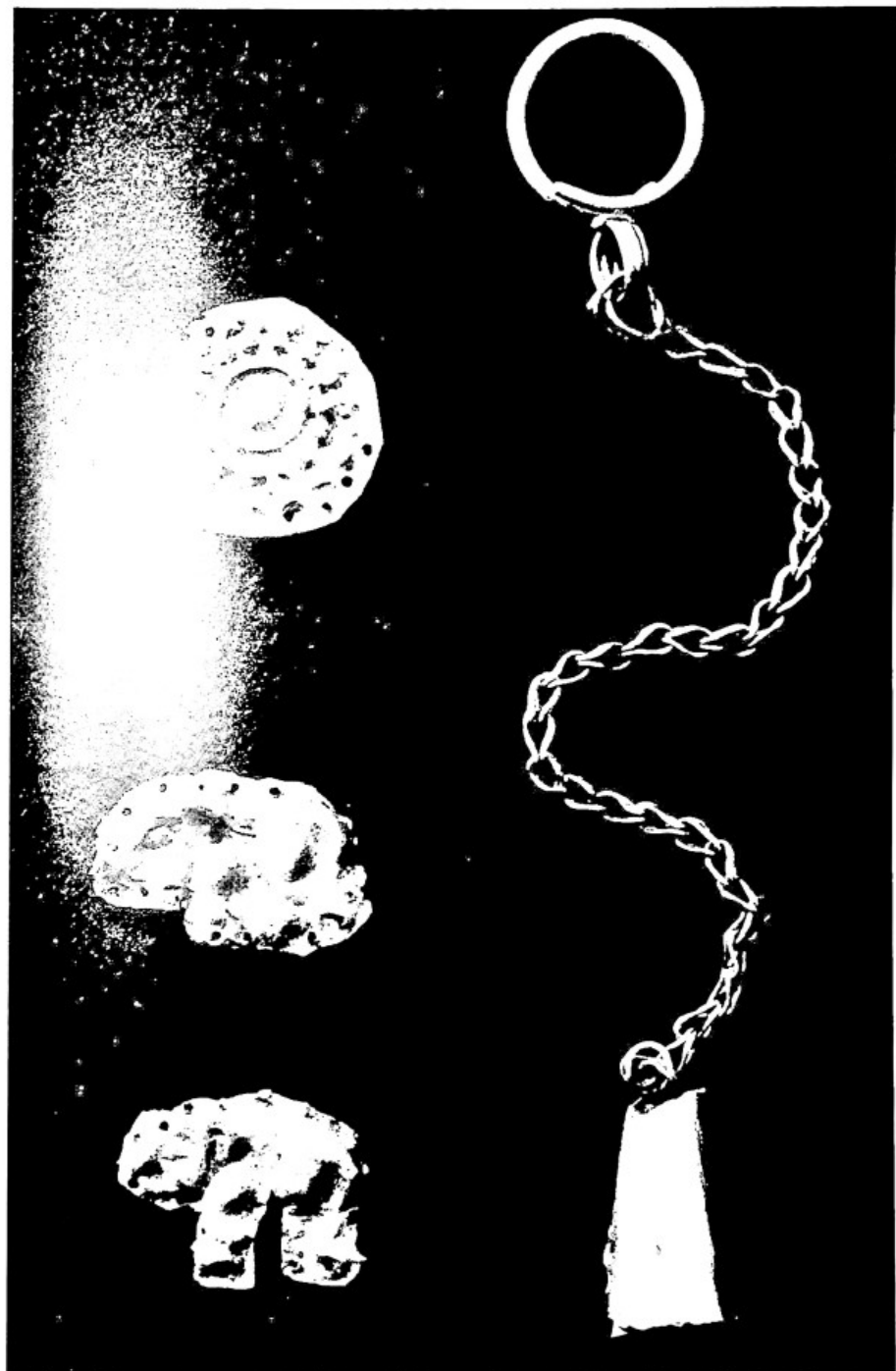

Раннескифское погребение на могильнике Чинге II.
Фото И.У. Самбу, 1974 г.

Бронзовые кинжал (↓) и чекан (↑) с остатками
деревянной рукояти из кургана 5
на могильнике Ортаа-Хем II.
Раскопки И.У. Самбу, 1967 г.

Золотые украшения скифского времени из могильника Урбюн III.
Раскопки Д.Г. Савинова, 1965 г.

↑ Погребение в каменном склепе на могильнике Аргалына I.
Раскопки Ю.И. Трифонова, 1968 г.

↓ Бронзовая бляха со сценой борьбы зверей из впускного погребения
на могильнике Урбюн III. Раскопки Д.Г. Савинова, 1965 г.

Керамический сосуд с арочным орнаментом из могильника Аргалыкты I.
Раскопки Ю.И. Трифонова, 1965 г.

Керамический сосуд с арочным орнаментом из могильника Аргалыкты I.
Раскопки Ю.И. Трифонова, 1965 г.

↑ Устье р. Хемчик. Вид могильников Хемчик-Бом I–VI в месте слияния Хемчика и Улуг-Хема. Фото А.Д. Грача, 1969 г.

↓ «Флот» СТОАН близ устья р. Малые Уры. Фото А.Д. Грача, 1968 г.

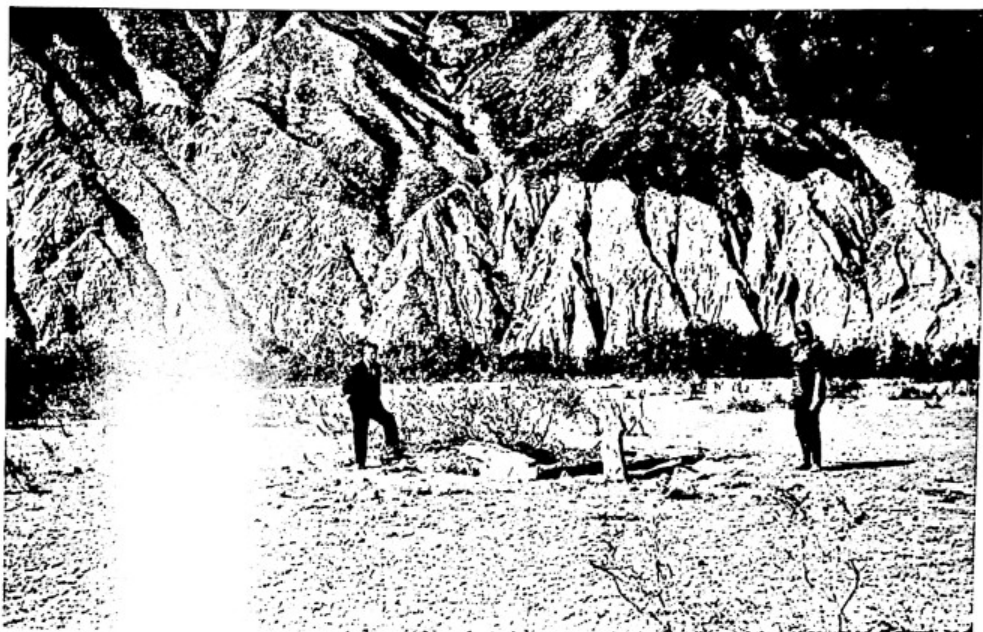

↑ Могильник Хемчик-Бом II на левой приустьевой террасе. Могильник.
Раскопки А.Д. Грача и Г.В. Длужневской, 1971 г.

↓ Могильник Алдыы-Бель. Академик И.А. Батманов читает надписи на стеле
кыргызского периода. Фото А.Д. Грача, 1965 г.

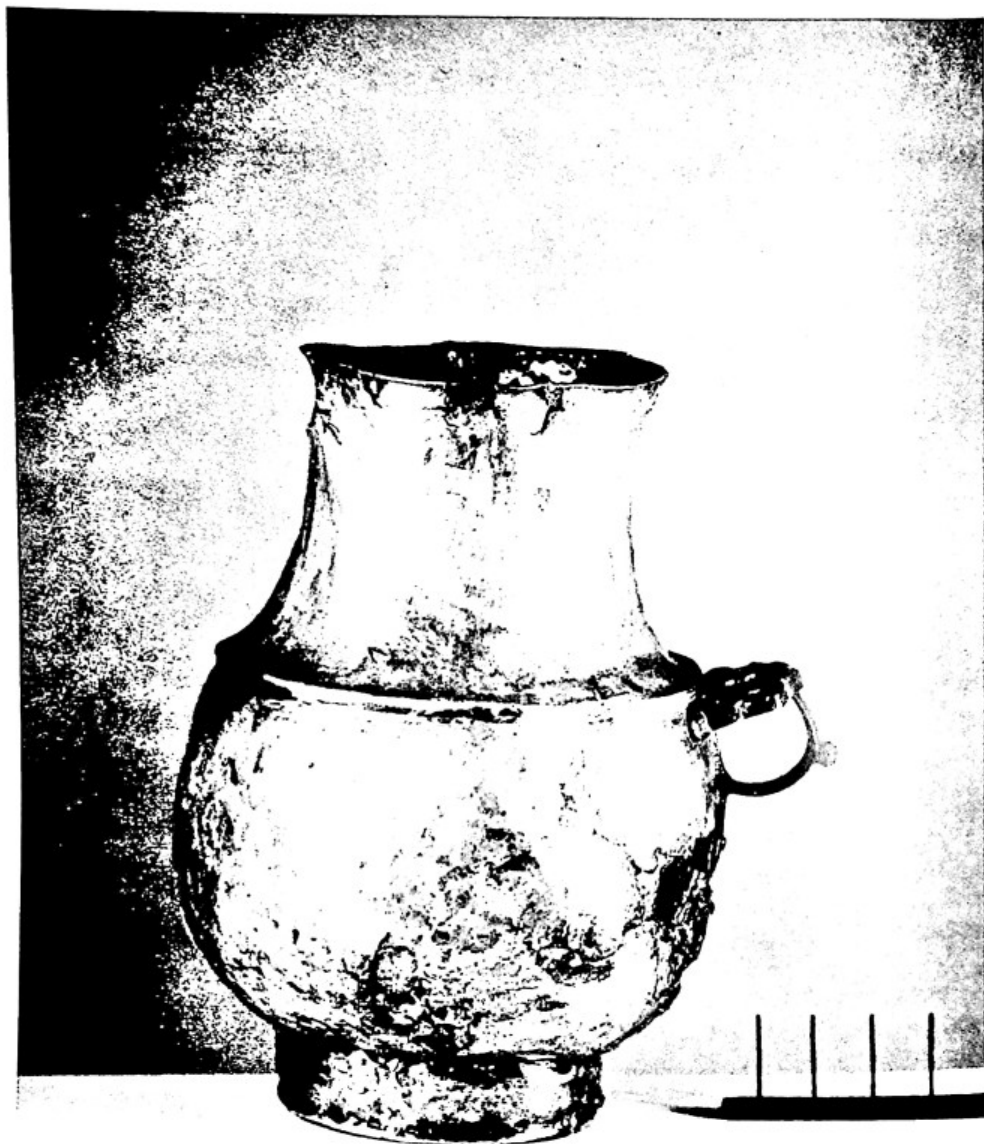

↑ Древнетюркская оградка со стелой на могильнике Улуг-Бюк II.
Стрелы Ю.И. Дементьева (Буравик) во время аэрофотосъемки 1969 г.
Фото А.Д. Грача.

↓ Древнетюркское погребение человека с конем на могильнике Кара-Тал IV.
Раскопки Ю.И. Трифонова, 1968 г.

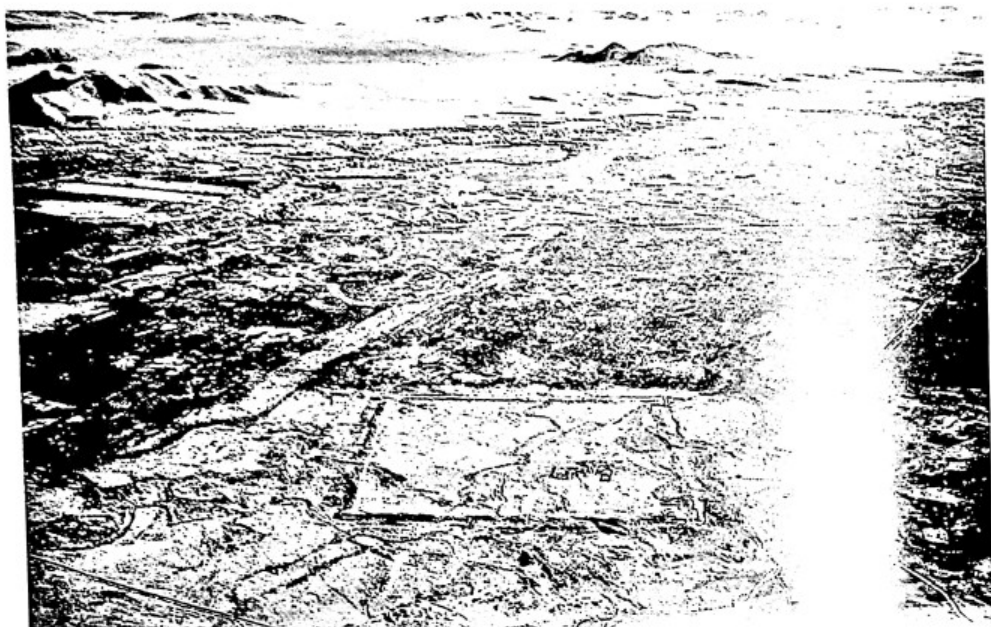

Серебряный сосуд с рунической надписью.
Случайная находка Д.Г. Савинова в урочище Бедлиг, 1965 г.

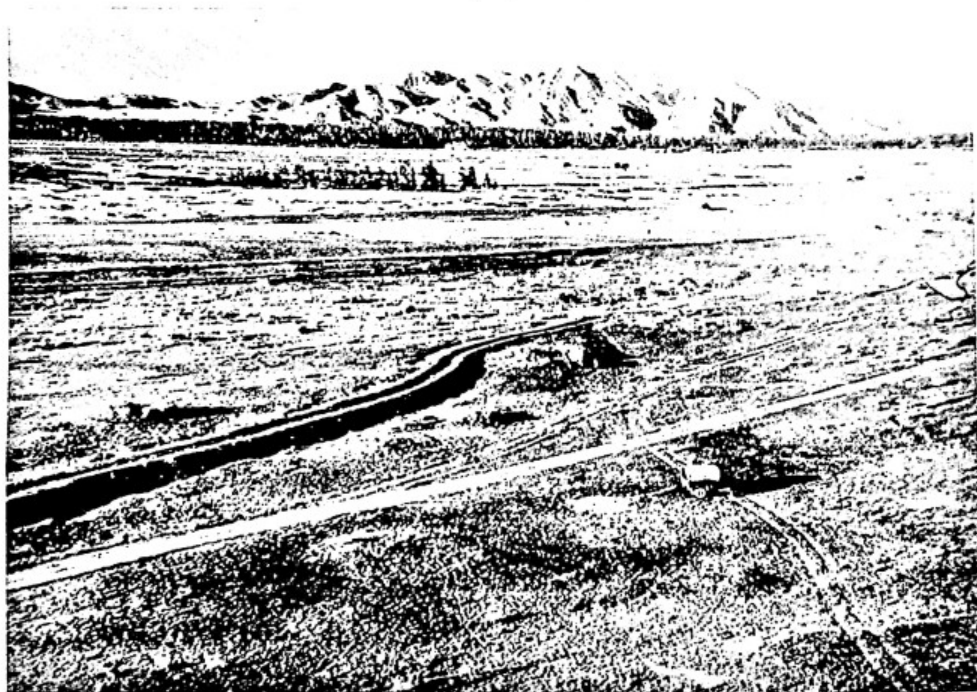
1. Кожаная сумочка-каптаргак с ажурными бронзовыми бляхами (↑)
и остатки наборного пояса с бронзовыми бляхами (↓) из погребения X в.
на могильнике Аргалыкты I. Раскопки Ю.И. Трифонова, 1965 г.

↑ Уйгурское городище Бажын-Лаак близ пос. Чаа-Хан
Фото А.Д. Грача, 1969 г.

↓ «Дорога Чингиз-хана» в Центральной Туве.
Фото Ю.И. Трифонова, 1965 г.

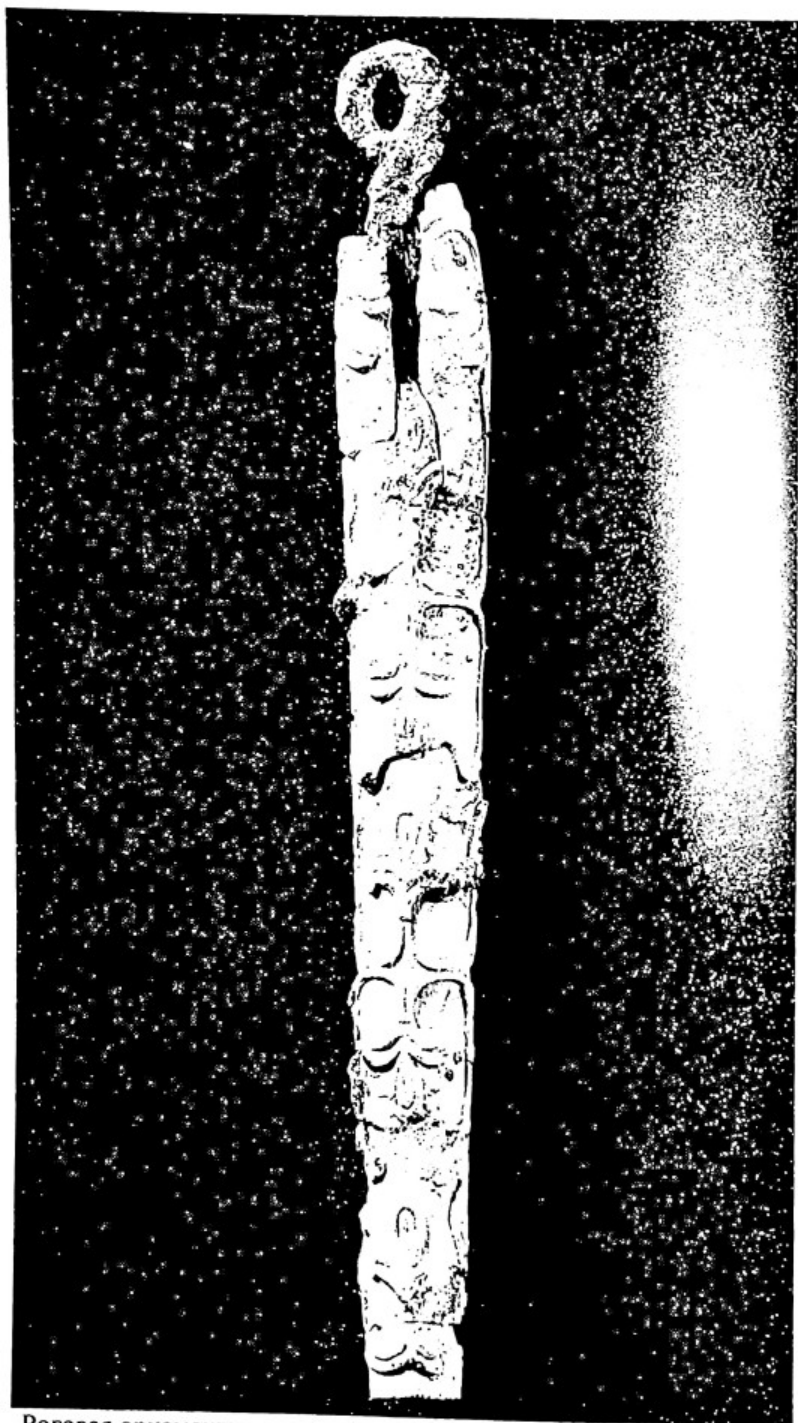

↑ «Курган «Тыра» на могильнике Эйлиг-Хем III. Раскопки А.Д. Грача, 1965 г.

↓ Железные стремена, удила, псалии, ножи, наконечники стрел, пряжки и наконечники из кыргызских курганов X–XI вв. на могильнике Эйлиг-Хем III. Раскопки А.Д. Грача, 1965 г.

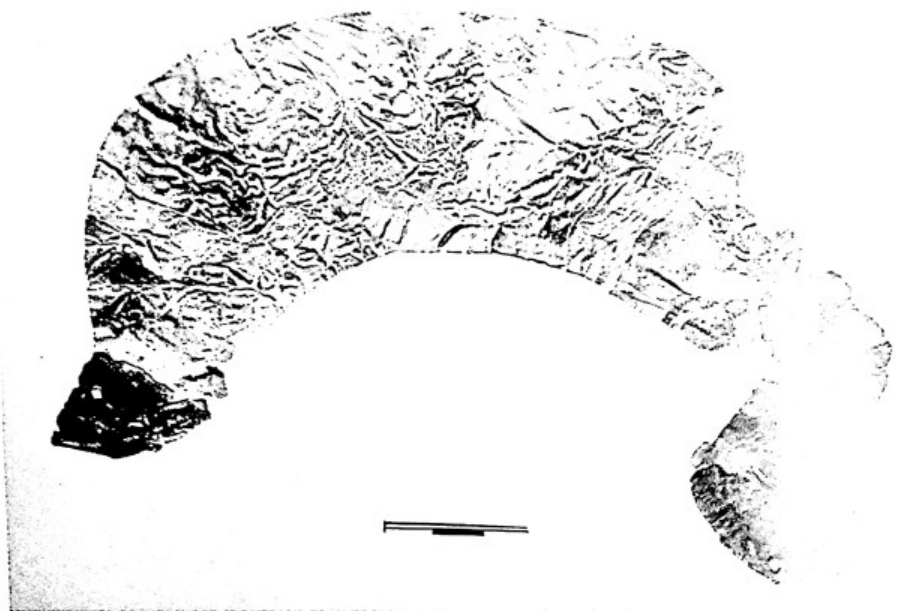

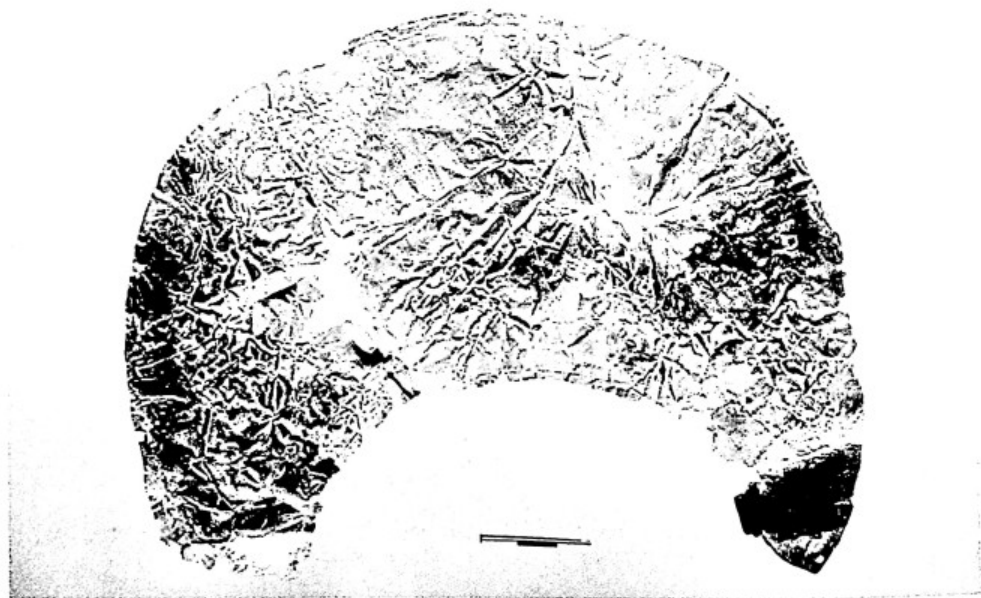
Роговая орнаментированная подвеска из могильника Хемчик-Бом II.
Раскопки А.Д. Грача и Г.В. Длужневской, 1971 г.

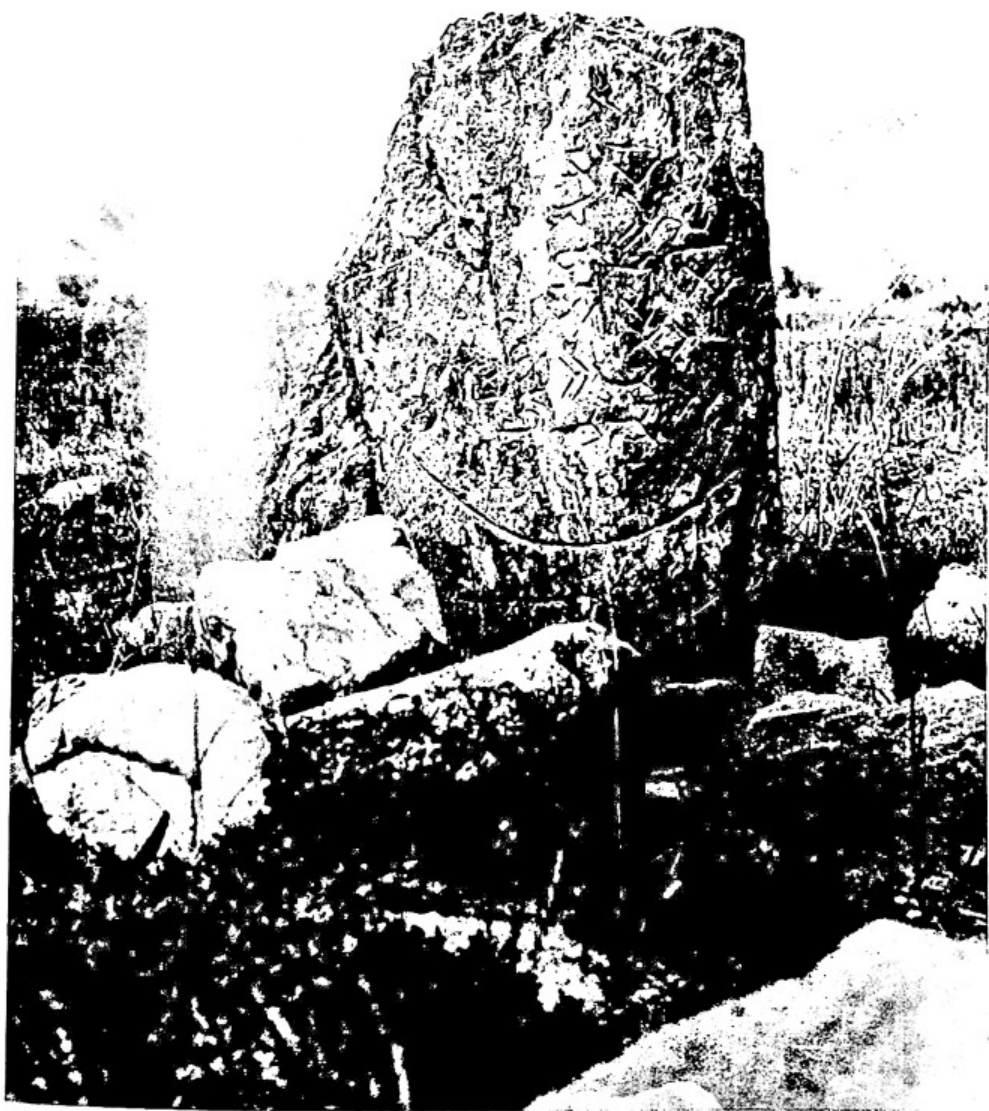

«Меч Багыра» (фрагмент) из могильника Эйлиг-Хем III (железо, бронза).
Раскопки А.Д. Грача, 1965 г.

Серебряные обкладки лук седла из кургана на могильнике Ортаа-Хем II.
Раскопки И.У. Самбу, 1967 г.

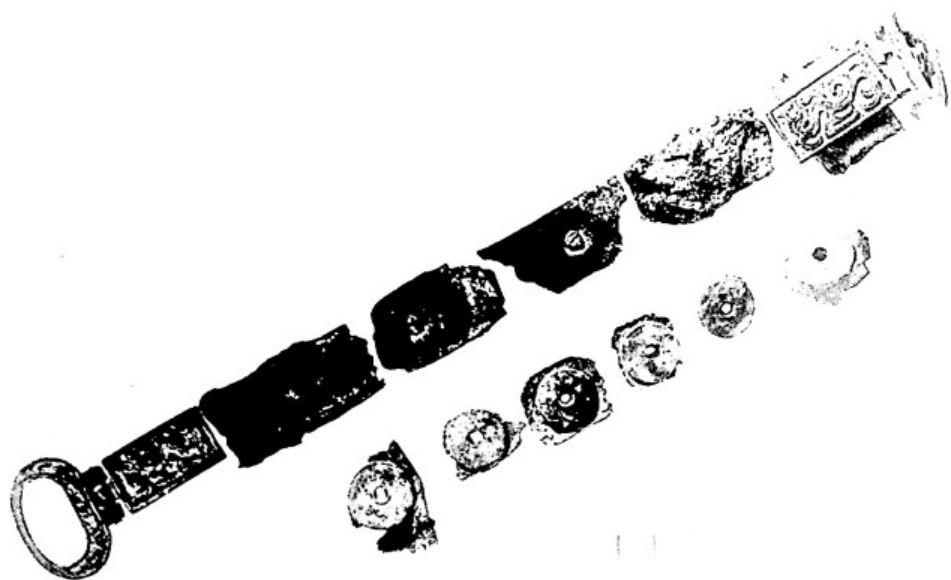
Стела Багыра с рунической надписью и тамгой на могильнике Эйлиг-Хем III.
Раскопки А.Д. Грача, 1965 г.

Погребение монгольской женщины в берестяной бочке на могильнике Сарыг-Хая.
Раскопки Г.В. Длужневской, 1975 г.

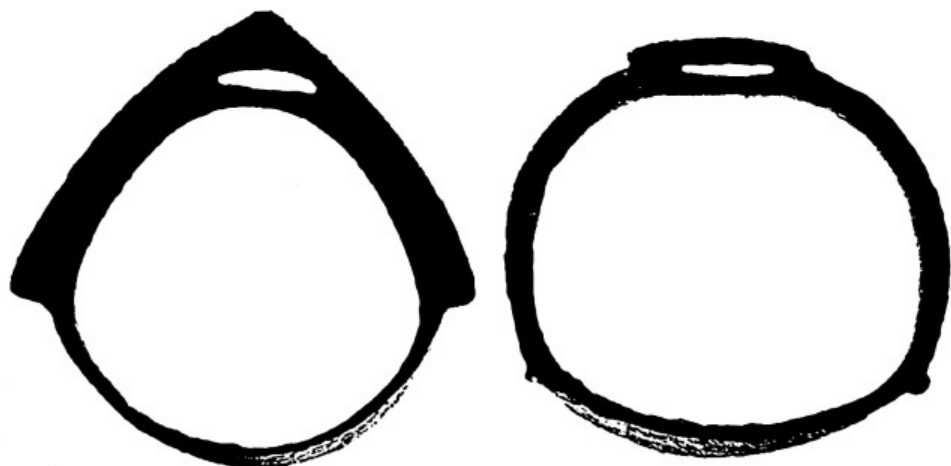

Погребение воина на могильнике Сарыг-Хая. Раскопки Г.В. Длужневской, 1983 г.

↑ Остатки наборного пояса из погребения монгольского времени на могильнике Аймырлыг. Раскопки Б.Б. Овчинниковой, 1970 г.

↓ Железные стремена из погребения монгольского времени на могильнике Сарыг-Хая. Раскопки Г.В. Длужневской, 1975 г.

Серебряный кубок с позолоченным орнаментальным поясом на поддоне
из могильника Урбюн I. Раскопки Д.Г. Савинова, 1965 г.

↑ Буддийская ниша в горе Сюме (Чурумал-Бурханныг-Хайр)
Фото С.Р. Минцлова, 1914 г.

↓ Буддийская ниша – изображение на внутренней стенке.
Фото Д.Г. Савинова, 1962 г.

САЯНСКИЙ КАНЬОН ЕНИСЕЯ — СОКРОВИЩНИЦА ДРЕВНИХ КУЛЬТУР

После долины Карабей, расположенной по левому берегу ниже пос. Урбюн, Улуг-Хем входит в Саянский каньон (коридор), прорезая южные отроги Западного Саяна. Реку пересекают многочисленные перекааты и пороги. Крутые скалистые горы, местами отвесно обрывающиеся к реке, и обилие крупных осыпей и камнепадов, делают продвижение по берегу невозможным ни для пешего путника, ни для всадника. Каньон имеет протяженность более 300 км и заканчивается выходом в Хакасско-Минусинские степи. Конные тропы проходят высоко в горах и по узким, изредка расширяющимся, долинам горных речек, впадающих в Енисей.

Природа каньона достаточно четко делится на две экологические зоны — северную таежную и южную — горно-лесостепную. Своеобразная граница зон проходит по р. Ус, впадающей в Енисей справа примерно в 100 км ниже пос. Чаа-Холь. Однако административная граница Тувы «перескакает» Саянский каньон чуть ниже устья Хемчика — по шивере Сарыг-Хая, весьма опасной во время большого подъема воды, поскольку по правому берегу участок шиверы ограничен бесконечным множеством разновеликих валунов коричневого цвета, «окрашенных» пустынным загаром и напоминающих валуны святилища Мугур-Саргол. При подъеме уровня воды Енисея отражаются все большим количеством валунов, образуя трудно проходимый бурлящий поток.

С. Р. Минцлов дает красочное описание Саянского каньона: «За Чакулем (Чаа-Холем) Енисей входит в Саянские теснины и отсюда начинается самая грозная и самая замечательная красота его. Он прорвал себе расщелину сажен от ста до двухсот шириной и мчится в ней со скоростью около 25 верст в час. Нет ни бечевника, ни тропки: пройти берегом немыслимо даже кулику, всюду отвесные погруженные в воду, синие, зеленые или красноватые скалы. Не дай Бог потерпеть там крушение. Гор-

ные залитые сплошной тайгой цепи идут перпендикулярно к реке и пришлось бы тысячи раз вскарабкаться в непроходимых дебрях на перевалы и тысячи раз спускаться с них. Виды сменялись один поразительнее другого; обрывы и упиравшиеся в небо скалы чередовались с зелеными ущельями; из них грохоча и пенясь вырывались потоки; местами с высот неслись и рушились водопады. Белые облака то и дело опоясывали середины гор» (Минцлов, б/г. С. 273–274).

По описанию Д. Каррутерса, от Чаа-Холя Енисей (Улуг-Хем) поворачивает к северу и вступает в пределы суровой горной страны. Западный край бассейна орошается рекой Хемчиком, в свою очередь, объединяющим все воды этой части страны. Хемчик сливается с Улуг-Хемом в пределах Саянского ущелья и, соединившись, они текут затем по направлению к северу, по узкому ущелью, называемому «Кемчик-Бомом», образовавшемуся в Саянском пограничном хребте. Это ущелье представляет единственный проход для всей водной системы бассейна. На протяжении сотни миль от этого места река получает название Енисея, проходит затем по лабиринту горных хребтов, падая в пределах этого прохода Саянских гор с высоты 1600 до 900 футов и вытекает затем в пределы Абаканских степей (Каррутерс, 1914. С. 114). «Кемчик-Бом», с точки зрения Каррутерса, решительно недоступен для плавания вверх по течению от Минусинской равнины до самого Улуг-Хема; здесь только на хороших, специально сооруженных плотках жители решаются спускаться вниз по течению среди ущелий и по порогам. Самые опасные пороги находятся к северу от правобережного притока Енисея — рски Ус. Весь путь от Чаа-Холя до Минусинска на плотках, управляемых опытными кормчими, совершается в 3–5 суток. Для экспедиции Д. Каррутерса плот был шит из 17 сосновых стволов, скрепленных лишь деревянными крючьями и веревками из крученой орешины; он насчитывал в длину до 50 футов, в ширину по корме — 20 футов, суживаясь до 12 футов по сгибам (склонам). Однако маршрут экспедиции Д. Каррутерса не включал прохождение Саянского ущелья, он воспользовался описаниями преодолевших его путешественников.

Г. Н. Потанин сообщает, что русские зимовья в урянхайской земле имеются на р. Кантигир (Кантегир), на р. Таловке, заимка Пашкина, у Большого порога на Енисее, на устье р. Уса (поселок качинских татар), зимовье на устье р. Золотой. От устья Хакема (Каа-Хема) до Джакуля (Чаа-Холя) на плотках проплывают осенью в 2 дня, весной в один день; от Чаа-Холя до Уса два дня в малую воду, и 1 день в большую; от устья Уса до деревни Означенной приходят на 3-й день, а в большую воду от

Устья-Уса до кордона плывут всего 8 часов. С возами зимой от кордона до Усть-Уса идут 4 дня. Улуг-Хем становится 15–20 ноября, проходит в начале апреля. По Енисею ездят на санях с декабря по 20 марта (Потанин, 1893. Вып. III. С. 125).

Наверное, наиболее яркое описание Енисейского каньона, одновременно являющееся ценнейшим этнографическим источником, дает крупнейший политический деятель и видный писатель Тувы С. К. Тока в своем романе «Слово арата»: «От Хем-Белдира (место слияния Бий-Хема и Каа-Хема в совр. г. Кызыле — Г. Д.) до ущелья течение реки, если не считать половодья, относительно тихое. ... Поверхность воды — как чистая дорога. Пройдя устье Хемчика, мы вошли в ущелье. На утесах увидишь только таволожник в белых цветах да перышки горного лука. На некоторых скалах камень порос серым мохом и желтым лишайником. ... течение Улуг-Хема резко меняется, речные валы становятся на дыбы, яростно мечутся, пытаюсь сбросить с себя седока. Здесь нужно очень ловко править плотом, чтобы не удариться о каменные глыбы. В ущелье берег скрыт отвесными скалами, видно только небо. Невольно спрашиваешь себя: кто же может жить на такой крутой скале? А ведь на этих утесах есть своя особая жизнь. На крутых обрывах — пещеры, ими воспользовались турпаны, галки, филины, орлы; они выют здесь гнезда, горные козлы с чудовищными рогами, стоя посредине отвесной скалы, как на ровной площадке, поглядывают сверху вниз, то прыгают с уступа на уступ, то бегут вровень с плотом, а когда скала вот-вот оборвется, поворачивают назад. *В ущелье своя жизнь, свои животные, свои не сравнимые ни с чем трудности* (Курсив наш. — Г. Д., Д. С.)» (Салчак Тока, 1972. С. 244–246).

Уже в 1965 г. С. Н. Астахов, придавая особое значение обследованию Саянского каньона, прошел на резиновой лодке около 300 км по «трубе» (так называли каньон в экспедиции) — от его начала до Майны. Он стал первым профессиональным археологом, преодолевшим пороги и шиверы, порой не уступавшие порогам по сложности и опасности их прохождения. Приступить к более серьезному обследованию каньона ему удалось только в 1970 г. Сначала надо было обеспечить эти работы с технической стороны (Астахов, 1966. С. 24–25).

Водные маршруты в зоне Саянской «трубы» А. Д. Грач начал в 1966 г. Он спустился на моторной лодке от Карабея до устья Хемчика, где уже в 1969 г. вырос лагерь I отряда СТЭАН, работавшего под его началом. В 1971 году на Майну отправилась целая «флотилия» — А. Д. Грач, С. Н. Астахов, Я. А. Шер. Во время остановок был открыт

ряд интересных памятников, в том числе могильник алды-бсельской культуры в урочище Кулевуок, впоследствии исследованный И. У. Самбу.

Кроме того, С. Н. Астахов и Я. А. Шер на вертолете, предоставленном им для аэроразведки директором СШГЭС Ю. И. Потемкиным, совершили полеты в районе пос. Майна, Означенного, р. Сизой и Голубой, открыли стоянки на р. Сизой и видели с воздуха вал «Омайтура», правда, фотофиксация памятников не производилась (устное сообщение С. Н. Астахова).

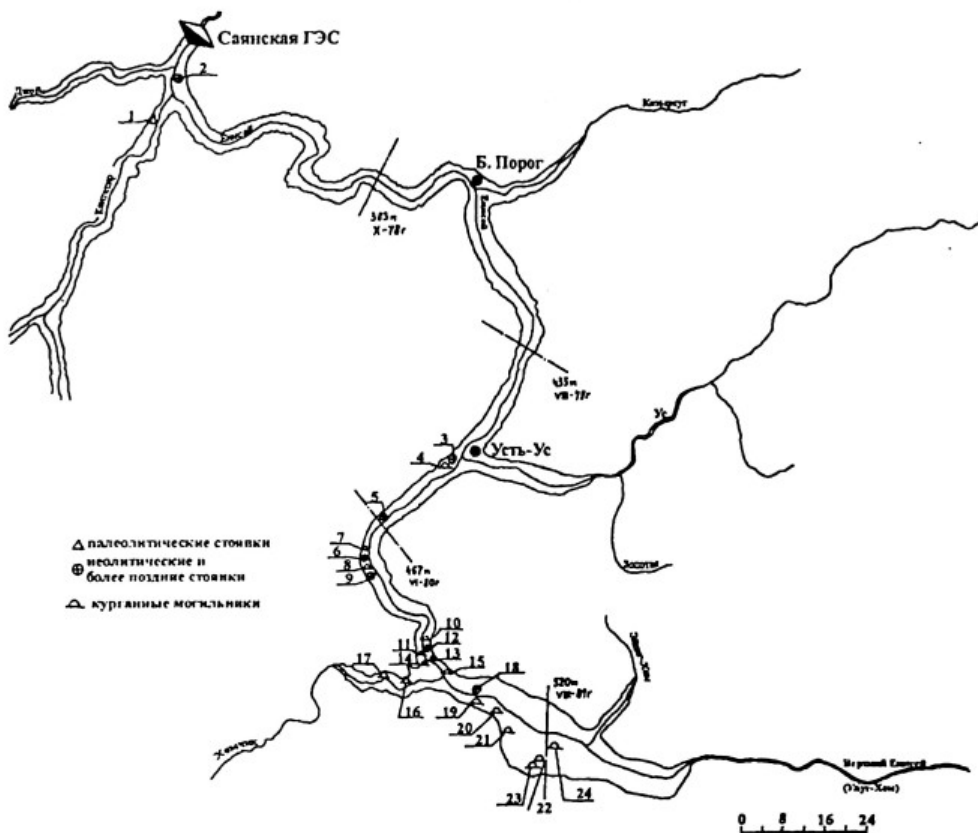
Начиная с 1969 г. изучение памятников в «трубе» стало постоянным. В начальной части каньона работали отряды А. Д. Грача, И. У. Самбу, С. Н. Астахова, группа М. А. Дэвлет по изучению петроглифов, позже — отряды Г. В. Длужневской и Вл. А. Семенова. К 1984 г. Тувинское море подступило совсем близко к началу каньона, под воду ушли практически все памятники, о которых речь пойдет далее.

Выше уже говорилось о значении аэрофотосъемки в археологических открытиях, сделанных в условиях труднодоступного Саянского каньона. Во время рекогносцировочной разведки 1962 года исследование находящихся здесь памятников не было включено в план будущих работ экспедиции. Большая «наземная» разведка была осуществлена в 1976 г.

1. РАЗВЕДКА 1976 г.¹⁴

В 1976 году группа I отряда СТЭАН осуществила рекогносцировочный маршрут протяженностью около 100 км от начала «трубы» до устья р. Ус (Длужневская, Субботин, 1998). Основной задачей при этом являлось составление глазомерных планов могильников, как известных по предшествующим работам, так и вновь открытых, с подсчетом количества сооружений, определением закономерности их расположения и конструктивных особенностей. Было осмотрено 17 террас, практически все имеющиеся на данном участке Енисея. В результате этих работ сделаны глазомерные планы 12 могильников. Все могильники включали небольшие и невысокие каменные насыпи, сильно задернованные. Датировка их, в силу отсутствия ярко выраженных признаков наземных

¹⁴ Разведка осуществлялась небольшой группой — Г. В. Длужневская, А. В. Субботин.

Карта северного участка Саянского каньона Енисея:

1 — палеолитическая стоянка Кантегир; 2 — неолитическая стоянка Сосновка Джайская; 3 — многослойное поселение Хериме; 4 — могильник Хериме; 5 — могильник Малые Уры; 6 — многослойная стоянка Хем-Теректы; 7 — могильник Хем-Терек III; 8 — могильник Калбак-Мыис; 9 — многослойная стоянка Эр-Кыр; 10 — могильник Кургол; 11 — могильник Сарыг-Хая; 12 — могильник Шугур; 13 — многослойная стоянка Тоора-Даш; 14 — могильное поле Йур-Сайыр; 15 — могильник напротив устья р. Хемчик; 16 — могильник Дыттыг-Чарыг-Аксы; 17 — могильники Улуг-Бюк I-III; 18 — стоянка на р. Чинге; 19 — могильники Перевалка, Мугур-Саргол; 20 — могильники Чинге I-V; 21 — могильники Урбюн I-III; 22 — могильники Кара-Тал I-V; 23 — могильники Аргалыкты; 24 — могильники Эйлиг-Хем, Бедиг-Хорум.

сооружений, затруднительна. Следует отметить закономерность в размещении памятников — обычно они сосредоточены на приустьевых террасах, впадавших в Енисей небольших речек.

1. Могильник из 34 каменных выкладок на правобережной террасе, напротив устья р. Хемчик. Можно выделить 2 группы. 1) Курганы заросли кустами караганника. Округлой или овальной в плане формы, диаметром от 3 до 5–6 м, высотой до 0,5 м. Достаточно точно можно определить датировку двух курганов со стелами в центре — монгольское время (по аналогии с курганами 3 и 4 на мог. Хемчик-Бом VI. Грач В., 1975. С. 219–226); 2) По-видимому, курганы скифского времени, каменно-земляные, округлой в плане формы с западинами в центре, диаметром 10–15 м, высотой до 0,3 м.

2. Могильник из 5 насыпей в распадке у тропы в ущелье Йур-Сайыр после первого от устья Хемчика небольшого перевала (примерно в 500 м от мог. Хемчик-Бом II). Округлой в плане формы, диаметром 5–10 м, высотой 0,2–0,5 м. Время курганов до раскопок не определимо.

3. Могильник из 86 каменных, немного возвышавшихся на поверхности сооружений, расположенных на ближней к Енисею плоской каменной гряде (некоторые цепочками от 3 до 9 насыпей), в неширокой долине на левом берегу Енисея в 600 м ниже устья р. Хемчик. Часть из них, по-видимому, оставлена енисейскими кыргызами, обитавшими в каньоне в IX–X вв. Усматриваются некоторые аналогии с могильниками Хемчик-Бом II и Сарыг-Хая. В конце гряды — 7 округлых каменных выкладок из крупных обломков горных пород.

4. Могильник, включающий погребения в каменных ящиках или грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами, в ложбине посередине долины. Так как в этом месте площадка усеяна камнями, сильно задернована и заросла кустами караганника, определить количество сооружений практически невозможно. В конце долины обнаружен курган, возможно монгун-тайгинского типа, диаметром до 18 м из мелких плиток и валунов. В центре находился каменный ящик с сильно скругленными углами из вертикально поставленных плит.

5. Могильник из двух курганов выше шиверы Кургол на первой правобережной террасе. Два слабо задернованных кургана, округлой в плане формы, диаметром 7 и 15 м, высотой 0,5–0,7 м, сложенные в несколько слоев из уплощенных обломков горных пород.

6. Могильник из 22 каменных курганов из обломков горных пород высотой 0,2–0,4 м, диаметром 5–8 м, на высокой правобережной террасе

р. Ургунь. В 1972 г. раскопан один курган монгун-тайгинского типа (Грач В., Длужневская, 1973).

7. Три могильника по обоим берегам р. Хем-Терек недалеко от ее устья: мог. Хем-Терек I, II, III. Мог. Хем-Терек I: 34 сооружения на левой приустьевой террасе р. Хем-Терек. Терраса и сооружения поросли кустами караганника. Насыпи каменные, диаметром от 4 до 9 м, высотой 0,2–0,5 м. Два из них были раскопаны, но оказались безынвентарными выкладками и не могут быть датированы. Могильник Хем-Терек II, открытый А. Д. Грачом в 1969 г.: 12 объектов — диаметром до 3 м, высотой до 0,3 м и цепочка насыпей диаметром до 20 м, высотой до 1,5 м, вытянутая с СВ на ЮЗ. В центре больших насыпей западины глубиной до 0,8 м (Грач, 1970. С. 189).

Могильник Хем-Терек III обнаружен С. Н. Астаховым в 1965 г. (Астахов, 1966. С. 24–25). Группа из 12 насыпей на высокой террасе Енисея в 1,5 км ниже устья р. Хем-Терек. Десять каменных некрупных сооружений сильно задернованы и поросли караганником. Два больших, слегка вытянутых подпрямоугольных кургана (длиной 12 и 30 м) На одном в центре — грабительская воронка, вершина другого — плоская. Курган длиной 12 м раскопан группой Г. В. Длужневской. Раннескифский курган со стенкой из вертикально поставленных массивных камней. В центре — погребение человека, по положению ног которого удалось установить, что он лежал скорченно, на правом боку, головой на СЗ (Щетенко, 1977. С. 257).

На третьей террасе — 3 каменных, сильно задернованных, округлых в плане кургана небольшого диаметра.

8. Могильник из 9 курганов на высокой приустьевой террасе р. Тозуннуг. Насыпи сложены из материковых валунов и массивных обломков горных пород. Курганы, диаметром 6–10 м и высотой 0,5–0,7 м задернованы и поросли караганником. Два кургана раскопаны в 1970 г. I отрядом СТЭАН (Грач, Трифонов, Длужневская, Самбу, 1971. С. 180).

9. Около двух десятков очень небольших каменных выкладок прямоугольной формы размерами 1×1,5 м и высотой до 0,5 м к востоку от пологого конуса выноса на левобережной террасе р. Малые Уры, в 850 м от ее устья. Памятник открыт С. Г. Кляшторным в 1972 г. По внешнему виду сооружения подобны поздним тувинским могилам, что косвенно подтверждается долгое время существовавшим на этой площадке зимником.

10. Одиночный, вероятно, сдвоенный курган на левобережной террасе Енисея в устье р. Шиннета. Овальный в плане (размерами 22×12 м

и высотой до 1 м) курган сложен из камней и валунов среднего размера.

Подводя некоторые итоги обследования каньона, можно констатировать, что к моменту затопления силами всех исследователей было открыто более 500 памятников разных исторических эпох. Примерно на 150 объектах по правому берегу и 120 по левому велись раскопки. Это составляет около 50% памятников, обнаруженных в Саянском каньоне Енисея.

В силу различных обстоятельств могильники были изучены неравномерно. Полностью или почти полностью исследованы могильники Чинге, Хемчик-Бом I–VI, Кулевуок, Шугур, Перевалка, Сарыг-Хая I–III. Кроме того, выявлены целые серии искусственно возведенных сооружений, не представлявших четко выраженной конструкции. Изредка при их разборке встречались кости животных, фрагменты керамических сосудов и угли. Подобные объекты можно назвать «поминальными (или ритуальными) сооружениями», но определить их хронологическую и культурную принадлежность не представляется возможным. Если учесть, что подобных памятников не менее 100, то можно говорить о весьма высокой степени изученности территории Саянского каньона — почти 70% от выявленных исследователями курганных объектов. Наибольшей потерей для археологической науки следует считать то, что «под воду» ушел так и оставшийся неизученным могильник Хем-Терек, обследованный в 1969–1970 гг. А. Д. Грачом. Этот памятник А. Д. Грач справедливо отнес к скифскому времени, что подтвердилось раскопками могильника Бедиг-Хорум в долине р. Эйлиг-Хем (раск. Д. Г. Савинова, Г. В. Длужневской).

Картина «освоенности» каньона, культурной и региональной принадлежности памятников выглядит следующим образом:

1. Оградка эпохи бронзы (?) над святилищем Мугур-Саргол (мог. Перевалка).
2. Памятники монгун-тайгинского типа (Чинге, Ургунь, Перевалка и в урочищах Карабей и Сары-Гол).
3. Курганы скифского времени: а) конструктивно близкие Аржану (Хадынных II); б) курганы алды-бельской (Комбужап-Аксы, Чинге, Шугур, Хемчик-Бом III–V, Хем-Терек III, Кулевуок) и саглынской культуры (Чинге, Хемчик-Бом I, II, V; на р. Ус – Иджир II)
4. Памятники гунно-сарматского времени (Комбужап-Аксы, Чинге, Сарыг-Хая), «курганы-кладбища» на могильнике Шугур.

5. Древнетюркских памятников в Саянском каньоне не обнаружено. Они исследованы в долине Мугур-Саргол (точнее Ортаа-Саргол) и в долине р. Хемчик (серия памятников на левом и правом берегах реки в 20 км выше устья — раскопки Ю. И. Трифонова и Г. В. Длужневской).
6. Памятники кыргызского периода (могильники Хемчик-Бом II, Сарыг-Хая и Сарыг-Хая II).
7. Древнемонгольские погребения (Хемчик-Бом VI, Сарыг-Хая и Сарыг-Хая III).

Все перечисленные памятники имеют определенную северную границу распространения — устье р. Ус. Ниже него курганных объектов, несмотря на неоднократные разведки, в том числе аэрофотосъемки А. Д. Грача, не обнаружено. Между выходом Енисея в Минусинские степи и долиной р. Ус существовала довольно значительная лагуна (примерно 180 км). Этот участок реки, начиная с эпохи бронзы, использовался, скорее, для сообщения, в качестве водного пути, в то время как небольшие коллективы постоянно обитали в южной части каньона. Ниже р. Ус в каньоне обнаружены и исследованы местонахождения и стоянки каменного века (С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Вл. А. Семенов).

В скифское время каньон был освоен на всем участке до р. Ус, позже население как бы отступало к более удобным для обитания центрально-тувинским степям и долине р. Хемчик.

Курганы, исследованные в каньоне, относятся к тувинскому кругу культур, к центральноазиатскому региону, хотя его обитатели были связаны как с населением Центральной Тувы и долины р. Хемчик, так и с населением Минусинской котловины. Контакты с последним, однако, незначительны.

Кроме курганных объектов в Саянском каньоне исследованы:

1. Памятники каменного века (С. Н. Астахов, Вл. А. Семенов, С. А. Васильев).
2. Уникальная многослойная стоянка Тоора-Даш (Вл. А. Семенов).
3. Петроглифические комплексы (С. В. Макаров, Д. Г. Савинов, М. А. Дэвлет, Я. А. Шер).
4. Памятники рунической письменности на всем участке от долины Карабей до устья р. Ус (С. Г. Кляшторный, Д. Д. Васильев).
5. «Дорога Чингисхана» на участке между долиной Карабей и устьем р. Хемчик (Б. Б. Овчинникова).
6. Вал Омайтура на выходе Енисея в Минусинскую котловину (Г. В. Длужневская).

2. ЭПОХИ КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

III (палеолитический) отряд СТЭАН под руководством С. Н. Астахова первые годы работы посвятил обширным разведкам, что вполне понятно, поскольку до начала работ экспедиции, точнее рекогносцировочных разведок 1962 г., в зоне водохранилища памятники каменного века вообще не были известны. В 1965–1969 гг. отряд работал в Тувинской котловине, где было обнаружено более 30 палеолитических местонахождений. Обследования были проведены в долинах Улуг-Хема (от р. Демир-Суг до р. Ургунь) и Хемчика (от Баяжи до Устья). Помимо донных стоянок были обнаружены первые памятники с сохранившимся культурным слоем.

С 1970 г. основные усилия отряда сосредотачиваются на обследовании Саянского каньона и территории, где Енисей выходит в Минусинские степи. Необходимость его изучения была очевидна с самого начала, но сложность проведения маршрутов и недостаточность геологических данных затрудняли эти работы. В 1971 г. были найдены стоянки у пос. Означенное и местонахождения у р. Голубая, в 1973–1974 гг. — стоянки Джой, Кантегир, Кантегирские камни, в 1976 г. — Сосновка Голованская. В 1980 г. в центральной части каньона на р. Ус обнаружены палеолитическая стоянка Нижний Иджир 1 и девять местонахождений. В этом же году отряды С. Н. Астахова и С. А. Васильева продолжили работы в районе Майна — Саяногорск, где были найдены 10 стоянок и местонахождений у д. Сизая и стоянки Майна и Уй. В общей сложности в результате работ СТЭАН было открыто 110 палеолитических памятников. Среди них имеются рядовые местонахождения, многослойные стоянки с остатками жилищ и сотнями орудий из камня и кости, памятники с материалами архаичного облика и позднепалеолитические. Раскопки производились на стоянках Сосновка Голованская, Кантегир I, Джой, Голубая 1 и стоянках на р. Сизая. С. А. Васильев в течение ряда лет исследовал Майнинскую стоянку. Почти все позднепалеолитические памятники Тувы укладываются в хронологические рамки 18–10 тыс. лет назад (Астахов, 1986; История Тувы, 2001. С. 8–21; Васильев С., 1996).

Вновь открытые памятники распределяются не равномерно, а группами, приурочиваясь к наиболее удобным, с точки зрения охоты и обитания, местам. Кроме первой группы памятников, расположенной в долине Улуг-Хема на участке от р. Демир-Суг до р. Хемчик, остальные связаны с территорией Саянского каньона. Вторая группа, выделенная С. Н. Астаховым, исследована в нижней части долины Хемчика;

третья — в низовьях р. Ус. Далее следует разрыв цепочки памятников почти до устья Кантегира. От ручья Катущка и ниже по течению, до выхода Енисея из ущелья в Минусинские степи находится четвертая группа, выделяющаяся наиболее интересными и многослойными стоянками. Особенно много памятников открыто на участке пос. Майна — г. Саяногорск, в долинах правобережных притоков Енисея — рек Голубой и Сизой. Здесь были достаточно благоприятные условия для охоты и много удобных мест для поселений. Центральная часть ущелья, кроме долины р. Ус, менее доступна и отличается более плохим климатом.

В зоне водохранилища обнаружено четыре местонахождения предположительно мустьерского времени, то есть первоначальное заселение Центральной Тувы произошло, по крайней мере, 30–35 тыс. лет тому назад. Более многочисленны памятники позднего палеолита. Наиболее ранние из них существовали 18–15 тыс. лет тому назад. Они обнаружены в Тувинской котловине на берегах Улуг-Хема в урочищах Демир-Суг. Куйлуг-Хем, Улуг-Хая и др.; в долине Хемчика — местонахождение Порог 1–3, Шом-Шум 1, 2, Улуг-Бюк 1–7 и др. В долине р. Ус — две стоянки с культурным слоем — Нижний Иджир 1 и Кургол 1. Северная группа представлена первоклассными одно- и многослойными палеолитическими стоянками Кантегир 1, Джой, Майнинская, Уй 1, Голубая Сизая 5, 8 и др. (Астахов, Васильев, 2001. С. 148–154).

Целый ряд памятников, расположенных в Саянском каньоне Енисея, относящихся к «докерамическому» неолиту, содержал только каменный инвентарь. Почти все они могут быть отнесены к ранней фазе неолита с микропластинчатой индустрией, характерной для горно-степных регионов Центральной Азии и Южной Сибири. Эталонным памятником этого периода является стоянка Усть-Хемчик III, открытая С. Н. Астаховым и исследованная им и В. И. Беляевой в 1969–1970 гг. Стоянка располагалась на правом берегу Енисея против устья р. Хемчик. Культурные остатки концентрировались около очагов, материал (скребки на отщепках, микропластинки, наконечники стрел, острия, нуклеусы и др.) залегал отдельными скоплениями. Методом ^{14}C получена абсолютная дата — 6500 ± 110 лет (Ле 1014), позволяющая определить возраст большинства древних стоянок с микролитическим инвентарем в пределах V–IV тыс. до н. э. (Беляева, 1972). Из упомянутых стоянок эпохой неолита датируются стоянка Малые Уры I, а в глубинных районах — стоянки Мадарак и Казыр-Сук, совсем рядом с Большим Порогом Енисея.

С 1978 по 1985 г. Вл. А. Семенов исследовал в Саянском каньоне многослойную стоянку Тоора-Даш (правый берег Улуг-Хема, в 5 км

ниже устья р. Хемчик). Мощность напластований на данной стоянке превышает 4 м. Тринадцать выделенных культурных слоев охватывают периоды от неолита до средневековья, что позволяет считать эту стоянку опорной не только для памятников Саянского каньона, но и всей Тувинской котловины (Семенов, 1992). Другие памятники эпохи неолита и бронзы находились в каньоне ниже по течению Енисея: стоянки Хадынных I и II, Хем-Теректиг, Ханыхское займище (Вл. А. Семенов, 1973–1979 гг.) и Малые Уры (С. А. Васильев, 1979 г.). Эти исследованные раскопками стоянки расположены на территории, в естественном и культурном отношении примыкающей к Западной Туве.

Стоянки Сосновка Голованская (Васильев С., 1981. С. 123–125), Усть-Кантегир и Сосновка-Джойская (Семенов, 1986. С. 127–131) расположены в нижней части каньона, в иной экологической зоне. Размещение памятников, находящихся на всем протяжении каньона, позволяет говорить о практически полном освоении территории каньона в эпоху неолита и бронзы. Кроме того, на многослойных стоянках были обнаружены материалы скифского, гунно-сарматского и монгольского времени.

До начала работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1965 г. в Саянском каньоне были известны петроглифы на правом берегу Улуг-Хема на пути к р. Чинге, открытые в 1881 г. А. В. Адриановым — на утесе около ручья Биделик изображения животных и какие-то загадочные знаки (Дэвлет, 1976. С. 4). В 1966 г. художник I отряда М. А. Петухов недалеко от начала Саянского каньона, на левом берегу р. Куйлуг-Хем открыл скальный выход с изображением кошачьего хищника, условно названного пантерой. Наскальные рисунки в каньоне близ устья правобережного притока р. Чинге и напротив в урочище Мугур-Саргол были открыты математиком из Новосибирска С. В. Макаровым и автомехаником из Чаа-Холя — Д. Е. Евтифьевым. В дальнейшем они обследовались и фиксировались в разные годы А. Д. Грачом, Я. А. Шером, М. А. Дэвлет. Петроглифы в урочище Бижикиг-Хая на правом берегу Енисея, выше устья р. Хемчик были открыты в 1965 г. Д. Г. Савиновым, а в 1966 г. обследовались А. А. Формозовым, затем М. А. Дэвлет.

В Саянском каньоне Улуг-Хема петроглифы обнаружены: на левом берегу в урочище Мугур-Саргол, на левом берегу в устье р. Чинге, в пунктах Бижикиг-Хая, Мозола-Хомужалыг и Шевелиг. В Тувинской котловине на правом берегу Енисея — Малый Баян-Кол и Куйлуг-Хем (Дэвлет, 1976. С. 4–5). Среди петроглифов Улуг-Хема М. А. Дэвлет — основной исследователь этого вида памятников — выделяет наскальные

изображения эпохи бронзы, скифского и гунно-сарматского времени, средневековые писаницы.

К эпохе бронзы относится целый ряд наскальных изображений: личины на Мугур-Сарголе, изображения на скалах Бижиктиг-Хая, на правом берегу р. Чинге и многочисленные изображения колесниц. В нижней части Саянского каньона известны писаницы у р. Джой, на ручье Сосновка-Джойская и группа изображений ниже устья р. Кантегир. На скалах над стоянкой Сосновка-Джойская — изображения лосей, быка, человека с луком и лодки написаны красной краской. Джойский навес в километре ниже Сосновки-Джойской на правом берегу Енисея известен личинами окуневского времени. Еще один пункт с наскальными изображениями находится в 1 км ниже устья р. Кантегир и, возможно, связан с обитателями стоянки Усть-Кантегир. В 1972 г. во время эпиграфических исследований в каньоне С. Г. Кляшторный и Д. Д. Васильев близ устья р. Большие Уры в местности Ак-Чурт на прибрежной скале обнаружили писаницы, сделанные красной краской (киноварью?), изображения которых трудно читаются, но в некоторой степени напоминают человеческие личины (Кляшторный, Васильев, 1974. С. 208).

В настоящее время, благодаря монографическим исследованиям и прекрасным публикациям М. А. Дэвлет (Дэвлет, 1980; 1982; 1998 и др.), пестроглифы Саянского каньона — наиболее яркий и наиболее изученный вид древних изобразительных памятников на территории Тувы.

3. ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Памятники скифского времени в Саянском каньоне исследованы на могильниках, находившихся как на правом берегу Енисея: Комбужап-Аксы, Шугур, Хадынных II (раск. Г. В. Длужневской), Чинге I, II (раск. И. У. Самбу), так и на левом: Хемчик-Бом I, III–V (раск. А. Д. Грача), Хем-Терек III (раск. Г. В. Длужневской) и Кулевуюк (раск. И. У. Самбу). Два кургана были изучены на могильнике Иджир II — на левом берегу р. Ус, в 8 км от его устья (раск. Г. В. Длужневской).

К алды-бельской культуре, датируемой А. Д. Грачом VII–VI вв. до н. э., относятся курганы могильников Комбужап-Аксы, Чинге I и II, Хемчик-Бом III–V, Шугур, Хем-Терек III и Кулевуюк. Всего исследовано около 25 сооружений, под которыми находилось более 80 погребений. Алды-бельцы проникли в Саянский каньон не менее чем на 70 км, саглынды — примерно на 100 км.

Памятники алды-бельской культуры представляли собой несколько типов наземных сооружений и отличались количеством погребений под ними. К «классическому» варианту алды-бельской культуры относятся курганы могильников Хемчик-Бом III, V (Грач, 1980. С. 127–130), Чинге I, II (Самбу, 1973; 1975; Самбу, Шевенко, 1972), Комбужап-Аксы (Длужневская, 1974. С. 199–200), находившиеся в каньоне до впадения р. Хемчик в Улуг-Хем. Курганы часто располагались парами, т. е. по два сооружения, вплотную примыкавших друг к другу и вытянутых обычно по длинной оси с севера на юг. После разборки наземных сооружений — это отдельные для каждого кургана ограды округлой или овальной в плане формы из врытых на ребро плит и крупных обломков горных пород, изредка использовались крупные валуны. По центральной оси располагались главные погребения, находившиеся под центрами курганов, остальные преимущественно в западной половине комплексов; погребения детей на могильнике Хемчик-Бом V совершены за пределами ограды. Погребения, как правило, одиночные, в подпрямоугольных каменных ящиках, составленных из вертикально врытых плит и перекрытых в несколько слоев каменными плитами. Дно ящиков — грунтовое. Иногда для погребения устраивали деревянные срубы подпрямоугольной в плане формы, с деревянным перекрытием, уложенным вдоль длинной оси сруба, и полом из плах. Реже захоронения совершали в колодах, установленных на дне могильных ям. Под наземным сооружением находились от 1 до 7 и более отдельных погребений. Погребенные лежали скорчено, на левом, гораздо реже — на правом боку; преобладала западная ориентировка, но могла быть и северная. Сопроводительных конских погребений нет, но у края могильных ям центральных захоронений иногда находились бронзовые уздечные наборы, включавшие удила со стремечковидными окончаниями, обоймы, пряжки и нащечные бляхи. Среди изделий, обнаруженных в погребениях, встречены бронзовые кинжалы с почковидными гардами, оселки, украшения из бирюзы и сердолика, четырехгранные шилья с шляпковидными навершиями, высокохудожественные роговые гребни с резными изображениями копытных животных (Грач, 1980. С. 24–26, рис. 110).

На могильнике Чинге I исследованы наземные сооружения, под которыми на небольшой глубине находилось до 15 погребений в каменных ящиках из четырех плит. При захоронении взрослого человека боковые стенки и перекрытие имели дополнительные плиты. Детские захоронения находились за пределами основной насыпи, под камнями крепиды или кольца. Положение погребенных — на левом боку с подогнутыми

ногами. Все погребения оказались потревоженными в древности, в детских — инвентарь отсутствовал изначально. Немногочисленные находки включали бронзовое зеркало с центральной дужкой, бусы из мягкой породы камня, костяной гребешок из копытца животного с изображением большого и маленького горных баранов и хищника, вцепившегося в морду большого барана (Самбу, 1980. С. 65–66).

Несколько иной тип наземных сооружений представляют могильники Хемчик-Бом III, кург. 4, Шугур и Хем-Терек III. Это — одиночные курганы, подквадратной со скругленными углами в плане формы, с длинной стороны от 12 до 20 м. Крепида из вертикально установленных плит. Внутренняя площадь плотно заполнена более мелкими плитами, уложенными последовательно с наклоном от крепиды к центру кургана или горизонтально в 1–2 слоя и образующими несколько отдельных выкладок диаметром 3–5 м. В могильнике Хем-Терек III, в 41 км ниже устья р. Хемчик, крепидой был обнесен «панцирь» — невысокая земляная насыпь, облицованная двумя-тремя слоями камней. Посередине сооружения находилась грунтовая яма, когда-то перекрытая плитами, в которой на дне, на каменной выкладке лежали остатки скелета человека. Удалось установить его положение — на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. На выкиде из ямы найдена бронзовая наременная овальная обойма с косыми насечками на одной стороне. В могильник Хемчик-Бом III, кург. 4 вскрыто пять погребений в ящиках и грунтовых ямах, одно погребение в яме было коллективным (2 взрослых и 3 детей). Обнаружены фрагменты керамических сосудов и один раз — железная пластина (в погр. 4). Под каменным сооружением в могильнике Шугур находилось одиночное погребение в грунтовой яме в центре кургана. Захороненный здесь мужчина лежал скорченно на левом боку, головой на запад. В его левой лопатке застрял бронзовый наконечник стрелы. Датировка этих курганов — VII–VI вв. до н. э.

Два кургана, исследованные на могильнике Хадынских II, имели наземные сооружения, более всего напоминающие курган Аржан-1, но со сплошь каменным заполнением. Этот тип памятников совершенно отличен от других исследованных в Саянском каньоне; поэтому остановимся на нем подробнее.

Наземные сооружения округлой в плане формы (9 × 9,2 м и 5,4 × 5,2 м) сложены из крупных блоков. Большее окружено стенкой из хорошо подогнанных друг к другу плит в 8–11, меньшее — в 4–8 слоев. Промежутки между уложенными плашмя плитами заложены мелкими, специально подогнанными плитками.

В кургане 1 внутренняя площадь заполнена крупными обломками горных пород. С внутренней стороны вдоль стенки блоки уложены в два-три ряда, края, обращенные к центру кургана — рваные. В центре находился деревянный настил, от которого сохранились фрагменты четырех плах, уложенных по длине с северо-северо-востока на юго-юго-запад, и одной поперечной с юго-восточной стороны в 0,4–0,6 м от конца длинных плах. Длинные плахи, вероятно, лежали не на грунте, а опирались на две или более короткие поперечные плахи, но сохранность дерева такова, что утверждать это затруднительно. На настиле находилось парное погребение. Остатки двух костяков были найдены на разных уровнях между камнями сооружения и в засышке погребения, потревоженного в древности настолько, что не удалось установить ориентировку погребенных и их положение. Судя по направлению плах — головой на ССВ. В северо-западной части наземного сооружения найдена бронзовая коническая обойма.

Конструктивные особенности кургана 2 сходны с предыдущим: внутри по периметру стенки были уложены массивные каменные блоки, вероятно служившие опорами для купольного перекрытия погребения, представлявшего собой ложный свод, рухнувший в центр сооружения. После разборки запавших внутрь камней ложного свода на уровне древней поверхности были обнаружены две плиты, ориентированные по длинной оси с запада на восток. Древняя поверхность под ними выровнена плитками. Эти плиты играли роль деревянного настила, обнаруженного в кургане 1. Курган ограблен в древности, вероятно еще до разложения трупа, который выбросили. На стенке сооружения найден фрагмент венчика керамического сосуда.

Процесс возведения данных наземных сооружений можно реконструировать следующим образом: первоначально на специально выровненном участке выкладывался круг из массивных блоков, служивших опорой ложного свода, внутри которого совершалось погребение человека, в одном случае на деревянном настиле, в другом — на каменных плитах. Затем выкладывалась каменная, многослойная стенка. Промежутки между стенкой и опорными блоками заполнялись мелким камнем. Над конструкцией возводился ложный свод из плит, нижний слой которых опирался на блоки-опоры, а каждый последующий, сдвигаясь к центру, придавливал предыдущий. Образовавшаяся камера оставалась незаполненной и перекрывалась сверху массивной плитой (при ограблении кургана 2 плита была смещена и находилась на стенке). Со временем, скорее всего при ограблении, ложный свод

рухнул в центр сооружения, образовав западину. Курган приобрел «блюдецобразную» форму.

Курганы могильника Хадынных II на основании конструктивных особенностей наземных сооружений и погребального обряда (захоронения на уровне древней поверхности, без могильных ям) могут быть отнесены к памятникам аржанского времени. Не лишено оснований и предположение о связи населения, обитавшего в Саянском каньоне с населением Турано-Уюкской котловины, поскольку истоки речки Хадынных и р. Уюк находятся в одном и том же районе. Связи, скорее всего, осуществлялись по кочевым тропам вдоль этих рек. Возможно, что среди принесших дань уюкскому «царю» были и посланцы из Саянского каньона (Длужневская, 1977. С. 275–278).

Курганы саглынской культуры, датируемые А. Д. Грачом V–III вв. до н. э., в Саянском каньоне исследованы на могильниках Чинге II, Хемчик-Бом I, IV и Иджир II (на левом берегу р. Ус). Количество курганов осталось примерно таким же (18 курганов), но изменилась территория их распространения: саглынды ушли из глубинных районов каньона к его началу, хотя с чем это связано, сказать трудно.

Каждый комплекс состоял из каменно-земляного наземного сооружения округлой в плане формы, с коллективным погребением в бревенчатой камере-срубке, помещенной на глубине от 2 до 4 м. Захороненные лежали обычно на левом боку, с подогнутыми ногами, головами на северо-запад или запад. Один раз на могильнике Чинге II два кургана находились в пределах общей подчетырёхугольной ограды. Погребальным сооружениям обычно сопутствовали поминальные выкладки округлой в плане формы из валунов или, реже, обломков горных пород. Число камней, составлявших кольцо, как правило, восемь.

На могильнике Хемчик-Бом I, расположенном у впадения р. Хемчик в Улуг-Хем, на правом берегу р. Хемчик, было исследовано 4 кургана с сильно задернованными наземными сооружениями неопределенной в плане формы, с внешними оградами из обломков горных пород близкой к округлой или четырехугольной формы и западинами в центре. На дне могильной ямы находились коллективные погребения в камерах-срубках подквадратной в плане формы, ориентированных по странам света или с некоторым смещением. Все погребения ограблены в древности. Сохранился сопроводительный инвентарь, включавший предметы из бронзы (чекан, ножи, кинжал с крыловидной гардой, наконечники стрел, обоймы), ворворку из «белого металла» с изображением голов двух сайгаков, золотые пластинки, предметы из железа (уздечный набор, нако-

нечник стрелы), из кости (наконечники стрел, подвески) и др. На могильнике Хемчик-Бом IV исследован курган, имевший примерно такое же наземное сооружение, два человека были погребены в камере-срубе с перекрытием с остатками бересты. Инвентарь составляли бронзовые булава, зеркало, нож и шило в кожаном футляре, золотая пектораль, костяные наконечники стрел и др. (Грач, 1980. С. 130–131, рис. 111–112).

А. Д. Грач придавал особое значение кург. 1 могильника Чинге II, где курган с восемью погребениями алды-бельской культуры был нарушен в саглыньское время двумя впускными коллективными захоронениями в камерах-срубах, что подтверждает относительную хронологию памятников скифского времени. Этот объект значительно отстоял от цепочки саглыньских курганов, большая часть из которых оказалась неограбленной. Всего было раскопано 10 курганов. Курганы саглыньской культуры, диаметром 8–15 м, образовывали цепочку, вытянутую с юга на север. Под наземными сооружениями находилось по одной могильной яме глубиной от 2,5 до 3 м. На дне подквадратных в плане ям были устроены деревянные камеры-срубы из трех венцов, с бревенчатым полом и потолком, ориентированные сторонами по странам света. Интересная особенность заключается в том, что практически во всех срубах лежало по три человека. В двух случаях третьего погребенного не было, но ему заранее было отведено место. Погребенные лежали на правом боку, скорченно, головами на северо-запад, под головами камни-«подушки». Набор инвентаря стандартный: при мужчинах — бронзовые ножи, чеканы, втоки, кинжалы, бронзовые и костяные наконечники стрел; при женщинах — бронзовые ножи, шилья, иглы, зеркала, разнообразие бусы и др. Были обнаружены бронзовые предметы с изображениями зверей — крюк для подвешивания колчана, ножи с зооморфными изображениями на рукоятке, а также 12 фигурок кошачьих хищников из листового золота. Несколькими из этих курганов И. У. Самбу относит к позднему этапу скифского времени. При общем сходстве с предыдущими курганами — и наземных сооружений, и положения погребенных, и инвентаря, они различаются количеством погребенных (до 5 человек) и глубиной могильных ям со срубами — до 2 м. Видимо, из-за небольшой глубины эти памятники были сильно ограблены. Керамики в срубах не найдено, за исключением одного случая, но после высыхания и эти остатки превратились в красноватую пыль (Самбу, 1980. С. 66–69).

Одним из авторов настоящей монографии в 1980 году было исследовано два кургана в могильнике Иджир II, расположенном на

останце террасы высотой около 15 м, на левом берегу р. Ус, в 8 км от его устья.

Первый из них относится к числу больших каменно-земляных сооружений. Наземное сооружение округлой в плане формы диаметром до 18 м, высотой до 0,9 м. Каменное кольцо шириной от 1 до 1,4 м было сложено из неподобранных друг к другу камней в 1–2 слоя на выкиде из могильной ямы, уходившим за его пределы (мощность выкида — до 0,7 м). На уровне древней поверхности были выявлены контуры подквадратной со скругленными углами могильной ямы, размером 1,6 × 1,6 м. Яма обращена сторонами на СЗ, СВ, ЮЗ и ЮВ. На глубине 1,7 м в юго-западной части ямы были открыты остатки деревянной рамы, размером 2 × 2 м, с останками трех погребенных. Сохранились только южный угол деревянной конструкции и бревно, лежавшее вдоль северо-восточной стенки ямы. Погребение ограблено, и установить положение и ориентацию захороненных не удалось. Видимо, к этому погребению относятся фрагменты керамических сосудов, обнаруженные на уровне погребения и несколько ниже его. На глубине 2,1 м вдоль стен обнаружено перекрытие ямы, состоявшее по крайней мере из 6 спрессовавшихся слоев коры и бересты. Перекрытие было пробито в нескольких местах, особенно в северо-западной части. На глубине 2,9 м от уровня древней поверхности обнаружены остатки плах перекрытия камеры, ширина каждой из них — 0,2–0,25 м, лежавших в направлении северо-восток – юго-запад. На остатках перекрытия расчищено большое количество лежавших в беспорядке костей. По количеству бедренных костей и нижних челюстей можно предположить, что здесь было захоронено 4 человека. Дно ямы находилось на глубине 3,6 м от уровня древней поверхности и на 0,1 м ниже пола камеры. Камера сделана из лиственничных досок, горбылей и брусьев. Форма в плане — подквадратная, размеры (1,6 × 1,6 м). Ясно, что обнаруженное выше погребение было впускным, тоже скифского периода, и, вероятно, разница по времени захоронений была небольшой. В северо-западной части камеры среди костей найдены бронзовые нож и шило в одном кожаном чехле, костяные наконечники стрел с расщепленным основанием, обломок основания такого же наконечника и черешковый трехгранный наконечник, бронзовая игла и каменный оселок. К юго-западу от кургана находилась поминальная выкладка округлой в плане формы, диаметром около 1 м, высотой не более 0,2 м — в один слой камней, лежавших неплотно. Каких-либо культурных остатков под выкладкой не обнаружено (НА ИИМК, РА. Ф. 35, оп. 1, 1980 г., д. 117. С. 15–18).

Второй курган, с западиной глубиной не более 0,1 м и диаметром около 15 м, имел ограду из уложенных горизонтально камней, открывшуюся на глубине 0,2 м от современной поверхности. Еще ниже (на глубине 0,6 м) оконтурились границы подквадратной ямы. На расстоянии 1,5 м к юго-западу от нее обнаружены контуры второй могильной ямы. В обеих ямах было совершено по два погребения. Первое — в грунтовой яме, вытянутой с северо-запада на юго-восток (1,6 × 0,85 м), было перекрыто слоем камней (на глубине 0,85 м от современного уровня). Скелет человека лежал на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на север. Он лежал на каменной вымостке, с окатанным камнем-«подушкой» под головой. Какого-либо инвентаря при нем не найдено. Ниже первого обнаружено второе погребение — дно грунтовой ямы находилось на уровне 1,5 м. Погребение было полностью ограблено, видимо, людьми, совершившими впускное погребение. Практически все кости были выброшены из могилы. Человек лежал на подстилке из досок, впоследствии сильно обгоревших. Найдена только костяная подвеска в виде копыта животного.

Во второй яме под слоем камней, залегающим на глубине около 0,2 м, находился прямоугольный каменный ящик (1,0 × 0,6 м, высота стенок 0,35 м), некогда перекрытый плитой и содержащий погребение ребенка по обряду труположения. Это погребение было впускным. Основное захоронение было совершено в срубе, устроенном в грунтовой яме подквадратной в плане формы. Размеры ямы сверху — 1,8 × 2,1 м, на уровне перекрытия сруба — 2,65 × 2,3 м. Сверху яма, примерно с глубины 1,6 м выбранная «колоколом», была плотно перекрыта уплощенными камнями и заполнена однородным грунтом. На глубине 2,2 м обнаружено неповрежденное листовенничное перекрытие сруба интересной конструкции. Перекрытие трехслойное: верхний слой из более коротких, чем нижние бревен; средний — неполный, из коротких бревен, уложенных под углом к общему направлению бревен (с запада на восток). Нижний, третий слой совершенно ненарушенный, 10 бревен лежали вплотную друг к другу. Крайние бревна перекрытия одновременно являлись частью верхнего венца четырехвенцового сруба, рубленого в лапу «с остатком». Бревна уложены так, что сруб сужается кверху. Высота его около 40 см. На бревнах хорошо видны следы обработки (обтески, выемки). В центре находился фрагмент затесанного с двух сторон бревна, установленного вертикально. Найти объяснение этому не удалось, поскольку сруб после захоронения в нем четырех человек ни разу не вскрывался.

Трое человек лежали на левом боку, головами на запад. Руки вытянуты вперед под углом 45° , ноги согнуты в коленях. В срубе захоронены мужчина у южной стенки, подросток 8–12 лет посередине и женщина у северной стенки. Перед ее лицом, под бревнами стенки сруба — останки четвертого погребенного (младенца). Под головами взрослых — камни-«подушки». Дно сруба состояло из 10 плах, уложенных в том же направлении, что и перекрытие. Общая глубина — около 3 м. Каждому из трех захороненных у головы был поставлен деревянный сосуд. К поясу мужчины подвешены в одних ножнах с деревянной прокладкой бронзовые кинжал и нож, здесь же находился бронзовый чекан с остатками деревянной рукоятки и в 80 см от него, то есть длины рукоятки — бронзовый вток. За головой и у кисти левой руки — бронзовые наконечники стрел. У левого колена и на стенке сруба — бронзовые обоймы, между плечевыми костями — большая бусина. При подростке найдены бронзовая колоколовидная подвеска (на лбу), у кистей рук — бронзовый ножичек, у колен — костяной трехгранный наконечник стрелы. При женщине находились 2 каменные бусинки, бронзовые обойма, нож и шило, зеркало с петлей для подвешивания, 4 нашивные бляшки. Последние, вместе с 2 бронзовыми подвесками и пластинкой в виде лошадки с кошачьим ухом, по-видимому, являлись украшением пояса. Это погребение может быть датировано IV в. до н. э.

Курганы могильника Иджир II интересны в двух отношениях. Во-первых, они наиболее ярко демонстрируют обычай впускных захоронений, характерных, в основном, для позднего этапа скифского времени. Во-вторых, данные раскопки позволили установить северную границу распространения погребений центрально-азиатского типа (в срубках) в долине р. Енисей. Ею является река Ус. Ниже устья р. Ус курганные объекты, как показали разведки, не обнаружены.

4. ПАМЯТНИКИ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Памятники гунно-сарматского времени в Саянском каньоне исследованы в могильниках, находившихся на правом берегу Енисея: Комбужап-Аксы, Шугур, Сарыг-Хая (раск. Г. В. Длужневской), Чинге II–V (раск. И. У. Самбу, Г. В. Длужневской), в восточной части раскопа на стоянке Усть-Хемчик III (раск. С. Н. Астахова) и на левом берегу Улуг-Хема, в приустьевой части Хемчика: Хемчик-Бом II, IV–VI (раск. А. Д. Грача, Г. В. Длужневской). Комплекс из семи курганов на левом

берегу р. Ус, в 7,5 км от его устья — Иджир I — относится к этому времени предположительно, поскольку среди камней наземных сооружений были найдены только маловыразительные фрагменты керамических сосудов (раск. Г. В. Длужневской).

В Саянском каньоне обнаружены, в основном, памятники кокельско-го типа. Для них характерно трупоположение в гробах, грунтовых могилах, иногда со стенками из плит, ориентировка — преимущественно головой на запад, северо-запад, положение — вытянуто на спине. Под каменными наземными сооружениями обычно находился один погребенный. Иногда курганы пристраивались к ранее возведенным, образуя, на первый взгляд, бесформенные насыпи. Это т. н. «курганы-кладбища». Имеются случаи, когда для усопшего не возводили специальное сооружение, а совершали впускное погребение, чаще всего, в курган предыдущего скифского времени. В тех же могильниках исследованы «поминальные» памятники: под центром наземного сооружения на уровне древней поверхности находился вкопанный сосуд, как правило, с характерным для этого времени «арочным» орнаментом. Часто погребальные курганы имели поминальные дополнения (Грач, 1969. С. 49).

Из погребально-поминальных сооружений можно кратко отметить следующие. В могильниках Комбужап-Аксы и Чинге III–V наземные сооружения овальной в плане формы, вытянутые, преимущественно, с северо-запада на юго-восток, сделаны из разновеликих обломков горных пород и валунов. Размеры оград — 4–5 × 5–7 м и 9 × 11 м, высота от 0,5 до 1 м. Под ними в неглубоких ямках или прямо на древней поверхности находились керамические сосуды вазообразной формы, один — с налипшей полоской по плечикам. В кургане могильника Комбужап-Аксы раздавленный керамический сосуд с прочерченным арочным орнаментом и ребро барана обнаружены под массивной плитой.

В приустьевой части р. Хемчик, на его левом берегу, в могильнике Хемчик-Бом V, кург. 5 под овальным в плане наземным сооружением, со стенкой сложенной в 1–2 слоя из неподогнутых камней, на уровне древней поверхности находился керамический сосуд. Под тем же сооружением в яме на глубине 0,9 м был устроен подчетыреугольный каменный ящик из плит, врытых на ребро, ориентированный длинной осью с запада на восток, в котором был захоронен ребенок. Ящик был перекрыт тополевыми жердями, уложенными по длине ящика, и каменными плитами, лежавшими плашмя поперек основной оси. Положение умершего — на спине, ноги вытянуты, левая рука согнута в локте; ориентировка головой на запад. Слева у головы стоял керами-

ческий сосуд с арочным орнаментом, среди костей найдена круглая железная пряжка.

В могильнике Хемчик-Бом IV, находившемся неподалеку от предыдущего могильника, обнаружено наземное сооружение из двух каменных плит, уложенных плашмя, с примыкающим к нему с юго-восточной стороны сложенным из мелких плиток треугольником. Погребенный лежал в могильной яме, на левом боку, с подогнутыми ногами, руки согнуты в локтях, головой на север. Рядом с ним был положен керамический сосуд, имитирующий форму деревянного бочонка с горловиной сверху (Грач, Длужневская, 1972. С. 237–238).

Примерно в 0,5 км выше по течению Хемчика в могильнике Хемчик-Бом VI исследовано еще два поминальных кургана. Остатки первоначальных наземных сооружений здесь принципиально не отличаются от других памятников. Под одним из них на уровне древней поверхности был сооружен небольшой ящик. В 0,3 м от его угла в неглубокой грунтовой ямке находился керамический сосуд. Под вторым — керамический сосуд стоял в центре сооружения в округлой ямке и был прикрыт плиткой. Аналогичный памятник исследован в могильнике Сарыг-Хая, на одной площадке с курганом монгольского времени.

«Курганы-кладбища» были изучены в Саянском каньоне в могильнике Шугур, расположенном на правобережной террасе Улуг-Хема, в 7 км ниже устья р. Хемчик. Курганы 1–5 до начала работ представляли собой единую каменную насыпь длиной более 20 м и высотой около 1 м, вытянутую с севера на юг. В процессе разборки развалов выявлено 5 отдельных сооружений. Они овальной в плане формы. Первый курган вытянут по оси запад-восток, остальные — с северо-запада на юго-восток. Стенки-основы сложены в два-три и пять-шесть слоев из хорошо подобранных друг к другу камней. Размеры сооружений — 4,5–5 × 2,5–4 м, высота около 1 м. Внутренняя площадь заполнялась послойно.

Порядок возведения объектов установлен по кладкам стенок-основ и был следующим: первоначально соорудили курган 2, под которым было совершено погребение человека, затем — курганы 1 и 3. Курган 5, завершающий цепочку, возведен раньше предыдущего кург. 4. У южной стенки на внутренней площади кург. 1 был вкопан небольшой керамический сосуд, в кург. 3 сосуд с прочерченным орнаментом установлен у северной стенки. В кург. 4 и 5 сосуды были обнаружены в каменных ящиках из вертикально установленных каменных плит (размеры 0,7 × 0,55 м и 0,7 × 0,7 м, высота 0,2 и 0,3 м).

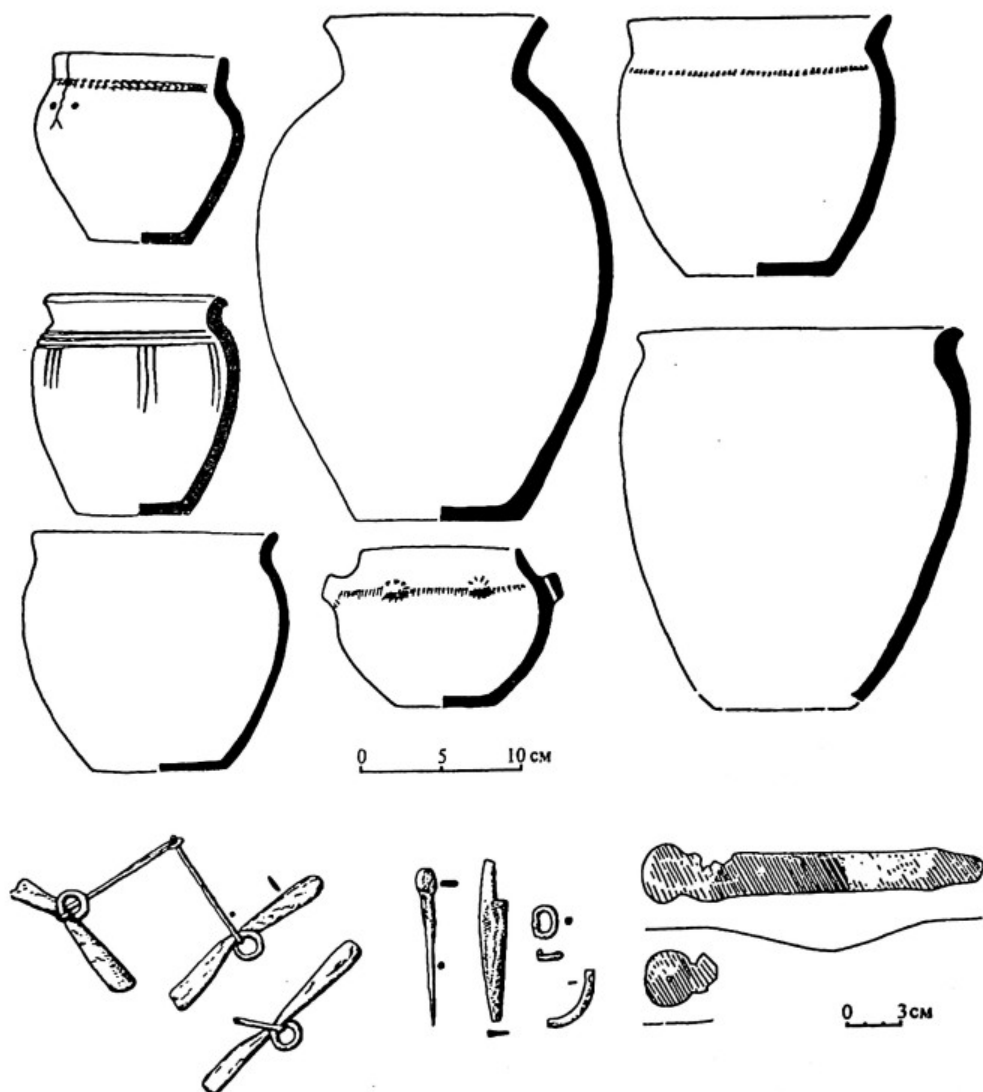
Под кург. 2 находилась могильная яма прямоугольной со скругленными углами в плане формы, заполненная в верхней части камнями, среди которых найдены фрагменты большого вазообразного керамического сосуда, целая и фрагментированная бронзовые пластины, железный черешковый наконечник стрелы. В яме (2,07 × 0,98 м, глубина 0,4 м) на глубине 0,25 м обнаружены остатки трех широких деревянных плах, перекрывавших погребение человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-запад. Голова покоилась на камне-«подушке». Слева от человека, у плеча и у колена, были положены задняя нога барана с частью таза и курдючная часть, около которой находился маленький железный нож. У локтя левой руки найдены железные двусоставные удила с пропеллеровидными псалиями и фрагмент удила с таким же псалием. Среди костей таза лежала железная поясная пряжка с обломанным язычком.

У комплекса обнаружены два вертикально установленных камня, один между курганами 2 и 3, другой — между кург. 4 и 5. Камни вкопаны на глубину 0,3–0,35 м, не обработаны, знаков на них также не имелось.

Здесь же на могильнике Шугур исследован второй комплекс, но он значительно меньше первого (9 × 7,4 м, высота около 1,5 м) и сильно потревожен. По-видимому, здесь было сооружено три кургана, овальной в плане формы, сложенные из камней в пять-шесть слоев.

У южной оконечности сооружения находился вкопанный ниже уровня древней поверхности керамический сосуд, закрытый каменной плиткой (предположительно под кург. 6), под юго-западной частью (кург. 8) — еще один сосуд. У южной оконечности сооружения, под камнями развала обнаружены раздавленный керамический сосуд горшковидной формы с двумя прочерченными линиями по плечикам и два зольных пятна по 0,3 м диаметром каждое. Также как и около первого комплекса, обнаружены три вертикально установленных камня, без каких-либо знаков или рисунков. Камни высотой 0,9, 0,75 и 0,65 м были вкопаны на глубину 0,15–0,2 м.

Ряд моментов — вертикально установленные камни, следы кострищ, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, керамика, система возведения наземных сооружений — позволяют рассматривать раскопанные объекты, как идентичные «курганам-кладбищам», исследованным в могильнике Кокэль С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой. Более того, отмеченные выше конструктивные элементы позволяют представить порядок сооружения кокэльских «курганов-кладбищ», как будто объединенных общим каменным «панцирем». На основании аналогий

Керамические сосуды и изделия из железа и бронзы из курганов
 гунно-сарматского времени могильника Шугур в Саянском каньоне.
 Раскопки Г. В. Длужневской, 1976–1977 гг.

изделиям из металла (удила с пропеллеровидными псалиями) и керамическому сосуду (хорошей выделки, лощеный, с прямым горлышком, парой характерных ушек для подвешивания и вертикальными насечками по плечикам), известному по материалам памятников тепсейского этапа таштыкской культуры Минусинской котловины, датировка курганов на могильнике Шугур укладывается в хронологические рамки — III–V вв. н. э.

Таким образом, население верхней части Саянского каньона было связано с населением других районов Тувы, в том числе долины р. Хемчик, и определенно имело контакты с населением Минусинской котловины, скорее всего, используя для сообщений путь по Енисею (Длужневская, 1982. С. 109–115).

5. «ДОРОГА ЧИНГИСХАНА»

В 1979–1981 гг. группа экспедиции Уральского университета (нач. Б. Б. Овчинникова) в составе отряда по изучению петроглифов СТЭАН произвела работы на «дороге Чингисхана». Для изучения функционального назначения и способа сооружения «дороги Чингисхана» был обследован участок протяженностью более 17 км по левому берегу Улуг-Хема от устья р. Хемчик к долине Карабей, началу Саянского каньона (Овчинникова, Трепавлов, 1989. С. 20–28). На различных отрезках «дорога» выглядела по-разному: иногда она близко примыкала к горному склону, временами выходила в небольшую долину вдоль берега Улуг-Хема или круто обрывалась в реку. В некоторых местах создавалось впечатление искусственно сложенной дороги. Ширина ее составляла от двух до четырех метров, высота кладки со стороны реки от одного до трех метров.

С правого берега приустьевой террасы р. Хемчик «дорога» сворачивает на левый берег Улуг-Хема и через 50 м исчезает. Далее на протяжении 2-х километров кладка сохранилась небольшими отрезками по 5–10 м. В двух километрах от устья Хемчика береговой склон прерывается ущельем, в 200 м от которого на «дороге» обнаружено прямоугольное сооружение из уложенных плашмя плит (*объект 1*). Отсюда «дорога» сохранилась на участке длиной 4 км до местечка Терезенниг-Бююк, где обнаружены два каменных кургана (*объекты 2, 3*) и сооружение прямоугольной формы (*объект 4*), аналогичное объекту 1. Затем «дорога» снова прерывается и появляется лишь в районе петроглифического комплекса

Мугур-Саргол. Выше его «дорога» проходит на расстоянии 0,2 м от реки в виде ребристого вала высотой 0,2–0,3 м. В 700 м от Чингенской воронки обнаружено еще одно прямоугольное сооружение, подобное объектам 1 и 4. За ним след «дороги» исчезает и начинаются горные осыпи протяженностью в 1,5 км. После небольшого распада вновь появляются участки «дороги», и через несколько десятков метров открывается долина с хорошо видимой «дорогой», которая пересекает ее словно прямая стена. Примерно за километр до Карабея «дорога» исчезает совсем.

Обследованная часть «дороги» свидетельствует о том, что полотно ее сложено из гранитных и песчаниковых плит способом сухой кладки, без скрепляющего раствора. В основании располагались крупные скальные обломки, сверху — плиты меньшего размера.

Наиболее подробно конструктивные особенности «дороги» изучены на участках в урочище Терезенниг-Бююк и на Перевалке. Ширина участка в Терезенниг-Бююк — 3,5 м, длина — 5,5 м. Высота выступавших из земли камней (20–30 см) после расчистки увеличилась до 80 см. Кромку ограничивал барьер шириной в один метр из больших плоских плит, установленных торцом и препятствовавших развалу всей конструкции. Далее на протяжении 1,5 м располагалось межбарьерное пространство, забутованное землей. За ним — второй ряд камней шириной до 0,5 м. Здесь «дорога» проходила в 6 м от крутого обрыва в Улуг-Хем и в 30 м от горного склона с другой его стороны. Второй фрагмент «дороги» исследован в районе пологого берега на Перевалке. Расчищенная часть имела ширину 3,5 м, высоту — более одного метра. Кладка состояла из 13 рядов уложенных плашмя камней, увенчанных гребнем из наклоненных в сторону реки плоских острых плит, удерживаемых снизу более мелкими камнями.

Немногочисленное население каньона до затопления этих мест постоянно заботилось о сохранности полотна «дороги», укладывая ее верхние ярусы на место снесенных обвалами и смытых наводнениями. Нижние и средние ярусы надежно держат на себе «проезжую часть». Для скрепления камней и, вероятно, в качестве антисейсмической прокладки был использован кустарник. В зазорах между плитами кладки с фронтальной стороны просматривался своеобразный «частокол» из толстых ветвей местной акации. Сплетенные и выстроенные в ряд или уложенные горизонтально, они предупреждали высыпание щебня, фиксировали положение ярусов и торцовых рядов, предохраняя сооружение от оседания и развала. Кроме того, в отдельных местах использованы поперечные плиты, врытые торцом в земляную забутовку и упирающиеся

концами в барьеры из торцовых плит, ограничивавших линию «дороги» с обеих сторон.

Как упомянуто выше, на осмотренном участке «дороги Чингисхана» встречены три сооружения четырехугольной формы, два из которых — *объекты 1 и 4* — были изучены (Овчинникова, Трепавлов, 1989. С. 23–26).

Первое сооружение (*объект 1*): после разборки было выявлено каменное сооружение прямоугольной в плане формы размерами 2×4 м, вытянутое параллельно реке по линии запад-восток. Со стороны реки стенкой сооружения служила часть укрепления «дороги». С противоположной, южной стороны стенка образована камнями, уложенными плашмя в 5–6 слоев. С внешней стороны ее обнаружена масса целых и расколотых костей животных, принадлежавших, в основном, лошади и барану. Среди них — три костяные поделки и маленький неорнаментированный фрагмент древней керамики. Кости животных зафиксированы и на внутренней площади сооружения.

На глубине 30 см от верхнего слоя камней ограды, занимая почти всю ее площадь, лежала каменная плита ($2 \times 1,5$ м). Под ней находился настил из ветвей местной акации, уложенных в несколько рядов. Под ним лежали еще 3 каменные плиты крупных размеров и настил из ветвей, под которым обнаружены проквал и угольки вперемешку с обожженными косточками животных. В целом, материковый слой внутреннего пространства был на 0,5 м ниже современной поверхности. С западной стороны основного сооружения вплотную к нему примыкала пристройка, границы которой были очерчены стоявшими торцом камнями, а на расстоянии чуть более 1 м от основного сооружения — плоский каменный стояк, встроенный в поребрик «дороги». Его высота 1,4 м, ширина 0,4–0,5 м. Стояк был укреплен каменными плитками, среди которых обнаружены кости животных, а после снятия плиток — довольно большой зольник. Таким образом, первоначально объект 1 представлял собой прямоугольное башнеобразное сооружение, со стенами из плашмя уложенных плит, общая высота которых достигала 1,8 м.

Второе сооружение (*объект 4*): до расчистки представляло собой сильно задернованную невысокую (30–40 см) каменную насыпь размером 5×8 м, вытянутую вдоль «дороги» по линии запад-восток. С южной стороны зафиксирована стена из плит, уложенных в 2 слоя. Открытые после разборки новые камни дополняли конструкцию по высоте. Форма ее в плане — прямоугольная. Размеры такие же, как и объекта 1 — 2×4 м. Со стороны Улуг-Хема стенкой являлось укрепление

«дороги». Как и в объекте 1, сооружение встроено в него, что одновременно предохраняло стену от обвала. Крупные торцовые плиты продолжали стену, выходя за пределы сооружения, первоначальная высота которого с северной стороны — 70–75 см. С южной стороны, возле объекта 4, обнаружено много целых и расколотых костей животных, большей частью лошади и барана, и три костяные поделки, одна из которых орнаментирована. Пол постройки на уровне камней нижнего яруса полностью покрывала плетенка из веток можжевельника размером 1,5 × 0,5 м, выстланная в несколько слоев. В отдельных местах обнаружены осколки обожженных и необожженных костей. У южной стороны под плетенкой выявлен бурый проквал с угольками.

С западной стороны сооружения, на расстоянии чуть более метра, находился плоский «стояк» высотой 85 см, также встроенный в поребрик «дороги». Со всех сторон он был укреплен плитами, под которыми сохранились отдельные кости лошади, барана и угли, на месте зольника лежала берцовая кость лошади.

Результаты раскопок и обследования «дороги» позволяют предположить, что возводили «дорогу» не только ради коммуникаций. Мощная каменная кладка на всем своем протяжении нависает над обрывистым берегом Енисея или подходит близко к воде. Она сооружена и в тех местах, где горный склон удален от реки, а спуск к ней плавный и пологий, т. е. там, где нет необходимости искусственного построения и сохранения дороги. На участках, где современная тропа проходит по высоким скалам, круто обрывающимся в Улуг-Хем, никаких дополнительных сооружений и выкладок не обнаружено. Эта продуманная прерывность многокилометровой кладки, а также ее частичное несовпадение с «дорогой» приводят к мысли о первоначальном военно-фортификационном назначении «дороги Чингисхана»: расположение на краю обрывистого берега обеспечивало широкий обзор; обрыв преграждал доступ на южную сторону Улуг-Хема, поскольку зимой достаточно было полить склон под укреплением и сделать наледь, чтобы конная атака на дозорных стала невозможной. Кроме того, на отлогих местах, в частности, в районе Перевалки, «дорога» оснащена рядами высоких и острых наклонных плит, трудно преодолимых для лошади с всадником. О стратегической направленности свидетельствуют и два раскопанных объекта, которые, по-видимому, служили стационарными караульными пунктами и, вероятно, использовались как укрытие для воинов от непогоды, как наблюдательные пункты и, возможно, для обстрела противника. Остатки трапезы, случайно оставленные вещи, «циновка» — являются следы

ми непродолжительного, эпизодического пребывания дозорных на оборонительной береговой линии. Вероятнее всего, они получали указание заступить на этот пост в период ухудшения военно-политической ситуации в регионе, тем более, что Енисей мог служить дорогой для конницы только в холодные зимние месяцы. В систему караульных бастioned входили и стелообразные плиты. Кости домашних животных у их основания наводят на мысль об остатках специальной конструкции для приготовления пищи, но нельзя исключить и предположение, что стела служила прикрытием для костра, заживавшегося с целью передачи сообщения на другой пост.

Таким образом, на «дороге Чингисхана» в эпоху средневековья была тщательно возведена и какое-то время использовалась по назначению, оборонительная стена. Однако в дальнейшем эта функция была утрачена, и она стала служить основой дороги, в традиционном ее понимании. Ответить на вопросы: когда и кем была возведена оборонительная стена, когда она превратилась в дорогу, могут помочь вскрытые на «дороге» курганы.

Один из них (*объект 2*) находился в 0,5 км к западу от *объекта 4*, в 0,5 м к северу от расчищенного участка стены. Это слегка задернованная, округлая выкладка диаметром 2 м, с каменным стоячком с южной стороны. После снятия верхнего слоя камней открылась плита размерами 0,5 × 0,8 м. Под ней на глубине 0,5 м в грунтовой яме овальной формы (0,4 × 0,6 м) находился скелет ребенка, лежавшего вытянуто на спине, головой на восток. По определению Н. М. Ермоловой, погребена девочка лет четырех. На тазовой кости ее найдена сланцевая поделка, напоминающая плоское пряслице, со следами гравировки вокруг центрального отверстия в виде расходящихся лучиков. Характер погребения (труположение ребенка, в яме под плитой и пр.) позволяет высказать предположение об этнической принадлежности и его датировке. Видимо, оно было совершено древними кыргызами в IX–X вв., когда «дорога Чингисхана» стала использоваться действительно как дорога.

К аналогичным выводам привели и раскопки второго кургана, обнаруженного в 100 м западнее *объекта 4*. Надмогильное сооружение представляло собой каменную насыпь диаметром 3 м. К этой каменной выкладке с северо-восточной и юго-западной сторон примыкают каменные ограды, выложенные на материке такими же плоскими плитами, как и основное сооружение (размеры их — 1,4 × 1,9 м; 1,2 × 1,7 м). В западной части кургана расположены крупные плиты (80 × 70 см), установленные торцом, одна из них в свое время выполняла функции «стояка». После разборки выявлена основа ограды надмогильного сооружения. На внут-

ренней площади сооружения встречены кальцинированные кости. В заполнении могильной ямы также оказались кальцинированные кости человека, сложенные кучкой, и необоженные кости животных, что также позволяет датировать погребение IX–X вв. (Овчинникова, Трепавлов, 1989. С. 26–27).

Вероятно, до VIII–IX вв., т. е. до прихода в Туву уйгуров, когда началось строительство стен и крепостей, по естественной линии берега Енисея проходила дорога или тропа. Функционировала она и после IX в., только теперь она проходила по укрепленному берегу.

И. Л. Кызласов предположил уйгурское авторство стены-укрепления (Кызласов И., 1979. С. 280–290). Правда, известно, что уйгуры возводили в основном глинобитные укрепления, а пришедшие им на смену древние кыргызы — каменные. Естественные условия Саянского каньона не позволяли использовать какой-либо другой строительный материал, кроме камня. Залежей глины здесь нет, да и выполненная из нее стена была бы размыта ежегодными паводками.

После тщательно проведенных исследований на «дороге Чингисхана» в начальной части Саянского каньона Б. Б. Овчинникова пришла к выводу, в целом совпадающим с заключениями И. Л. Кызласова, что в эпоху средневековья здесь существовало своеобразное фортификационное сооружение, построенное по приказу правителей Уйгурского каганата на границе с враждебным им Кыргызским государством. Каньонный участок «дороги Чингисхана» являлся частью длинной оборонительной стены — вала, проходившего от верховий р. Хемчик до Элегеста. Когда в середине IX в. енисейские кыргызы захватили Туву, эти укрепления остались в глубине их владений, а их военное предназначение перестало быть актуальным. По кромке енисейского берега вновь прошла дорога, а кладка стала ее надежным основанием, предохраняющим от обвалов и водных потоков. В этом качестве она продолжала служить и в период монгольского владычества в Туве и в наши дни, вплоть до того момента, как ее скрыли воды Тувинского моря.

6. Вал у р. Голубой — Омайтура

В 1980 и 1982 г. отряд СТЭАН (нач. Г. В. Длужневская) исследовал каменно-земляную стену «Омайтура», перегораживавшую узкую долину Енисея при выходе его из Саянского каньона в Минусинские степи (Кызласов, 1980. С. 51; Длужневская, 1989. С. 93–98). Она находилась в одном

километре выше устья правого притока Енисея р. Голубой, в Шушенском районе Красноярского края (Практически прямо в створе Майнинской ГЭС). Вал имел длину около 250 м, упираясь одним концом в скалы, ограничивающие долину с востока, другим обрываясь в русло Енисея. Западный конец его вместе с частью берега размыт рекой, и на отмели еще на протяжении 50 м были видны крупные уплощенные камни, подобные обнаруженным на валу. Поперек стены было заложено пять траншей длиной 9–16 м, шириной до 15 м, и сделана береговая зачистка.

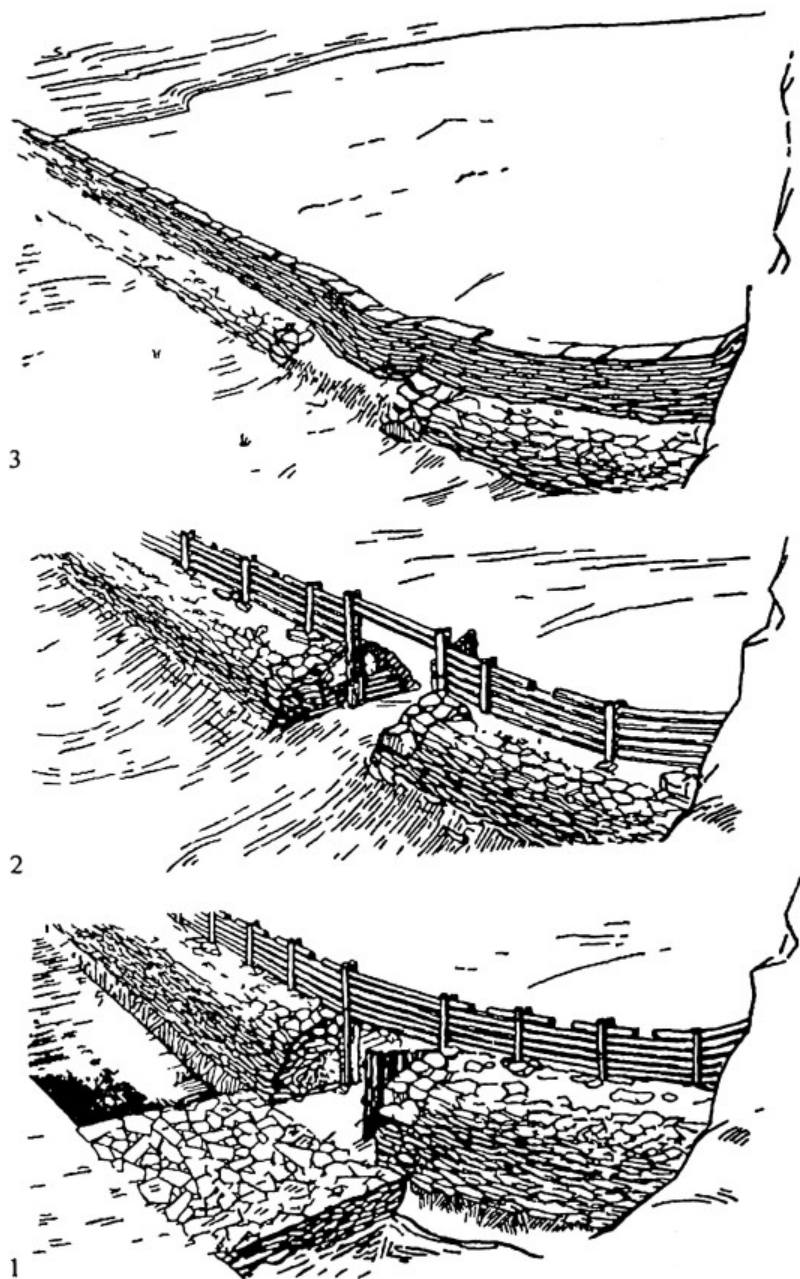
Удалось установить, что данное сооружение имело три строительных горизонта и соответственно три периода функционирования, датирующихся по немногочисленному материалу и историческим свидетельствам концом III в. до н. э.—XVII в. н. э.

I строительный период. Выбирившаяся из рва земля выбрасывалась к северу от него, образуя вал. В разных местах ширина рва в верхней части от 3 до 5 м, глубина — 2,2–3 м от уровня современной поверхности. Ров глубже в сторону реки, возможно, соединялся с ней и был заполнен водой. Стенки рва двумя-тремя уступами сужались к приостроенному дну, ширина которого в нижней части 0,2–0,65 м.

Одновременно с нарастанием вала производилось укрепление его стенок камнями. С южной стороны каменная облицовка начиналась прямо над рвом и составляла от 5–6 до 10–11 слоев у прохода. С северной стороны прослежено 23–25 слоев камня, вбитых горизонтально в земляной вал. Высота вала в этот период достигала 1,8–2,5 м, ширина в нижней части — 4,8–5,3 м. Вал имел плоскую земляную вершину с шириной площадки до 1,5 м.

К северу от стены на расстоянии около 1 м проходила неглубокая (до 0,5 м) канавка шириной около 1,5 м. Она тянулась вдоль всего вала, но ближе к реке становилась практически незаметной. Между ней и кладкой стены был установлен ряд кольев с промежутками 15–20 см. Назначение этого «тына» осталось неясным.

Вал имел проход, по линии которого канавка была вымощена камнями в 1–2 слоя. Ширина вымостки чуть более 2-х м; сама канавка имела здесь ширину 3 м, глубину до 0,25 м. Продолжая проход через вал, ров также был заполнен горизонтально уложенными в 10–12 слоев камнями. Ширина рва наверху 3 м, глубина 1,5 м от современной дневной поверхности. Ширина заклада не менее 6 м, тогда как проход имел ширину не более 4 м. По верху вала дополнительно были устроены деревянные укрепления, а проход закрывали деревянные ворота. Бревна наверху вала, вероятно, были уложены по длине, горизонтально, на высоту до

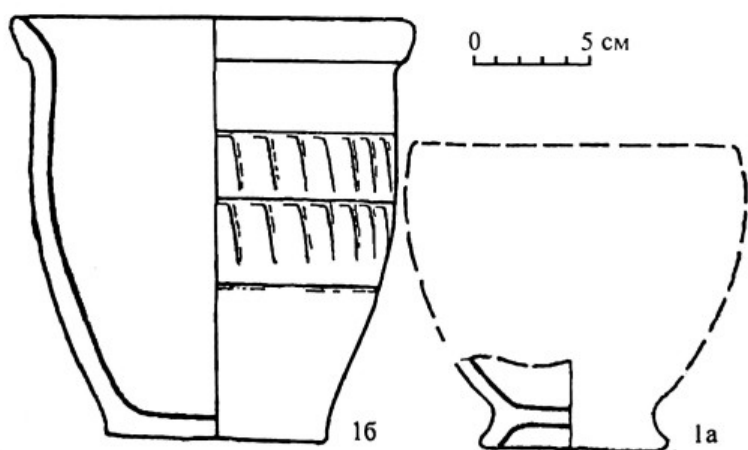

Крепость Омайтура. 1-3 — Реконструкция последовательности сооружения.

1,5 м, а ворота по высоте были равны валу. Подобная реконструкция основана на следах пожара, отмеченных в проходе и во рву.

На самом дне рва под камнями, сползшими с южной стенки, и непотревоженными слоями его заполнения обнаружен поддон керамического сосуда (1 а), аналогии которому находят в погребениях в Минусинской котловине, датируемых концом III или началом II в. до н. э. (позднесарагашенских или раннетесинских). Находки на дне рва обычно считаются датирующими для памятников подобного рода, устанавливающими время близкое к моменту возведения сооружения. В таком случае этот фрагмент сосуда свидетельствует, что оборонительное сооружение было возведено в конце III – начале II в. до н. э.

II строительный период. Ко времени восстановления оборонительной стены в Саянском каньоне еще заметный ров был значительно затянут намытым песком, также как и северная стенка вала. Глубина его в этот период составляла не менее 0,7–0,9 м. Вал из-за такого «подъема» уровня дневной поверхности стал ниже, и высота его была около 1–1,5 м. На том же месте были сооружены запиравшие проход ворота и новые деревянные укрепления по гребню вала. Возможно, произведена небольшая подправка каменных облицовок обеих сторон вала — с севера, она составляла теперь 10–12 слоев, а с юга — 5–6. У прохода отмечены небольшие площадки, которые возникли, видимо, вследствие естественного разрушения конструкции (оседание земляного тулова, выпадение

Глиняные сосуды I (1 а) и II (1 б) периодов функционирования крепости.

ние каменной облицовки). Вершина вала оставалась земляной, и той же, что и ранее ширины — 1–1,5 м. Вдоль вала по его гребню снова был сооружен деревянный «забор» из бревен, уложенных по длине и укрепленных между вертикально установленными столбами. Торцы земляного тулова вала были укреплены деревянными жердями, уложенными лесенкой, которые поддерживались вертикально вбитыми кольшпками с восточной стороны, и также укрепленными жердями диаметром до 10 см и бревном по верхней линии приступка — с западной.

Ворота были сделаны из 11–13 неотесанных березовых бревен длиной около 3 м и диаметром 25–30 см каждое, скрепленных поперечными жердями. Выступавшие концы поперечных жердей вероятно, были связаны, зажимая между собой березовые бревна. Можно насчитать остатки 7 пар жердей через 40–45 см. Бушевавший здесь пожар уничтожил все деревянные конструкции по верху вала; ворота упали, но сохранили свою конфигурацию, благодаря чему стала возможна реконструкция II строительного горизонта.

Для II строительного периода столь же трудно установить датировку. Предположительно, по находке во рву в линзе золистых суглинков — следов гибели деревянных конструкций стены II периода, керамического сосуда (1 б), который имеет некоторые аналогии среди керамики Орду-Балыка — уйгурской столицы VIII–IX вв., датировка памятника — VIII в. н. э. (Худяков, Цэвэндорж, 1982. С. 90, рис. 4).

III строительный период. К этому времени грозная некогда стена практически не существовала. Вал, затянутый землей, выступал местами выше уровня древней поверхности не более чем на 0,5 м.

Судя по проведенным археологическим исследованиям, строители вала III периода не стали ни зачищать вал, ни обновлять ров. По гребню вала в земляное тулово был вбит ряд вертикальных плит, подобных тем, из которых ранее делалась облицовка. Представляется, что это было связано с событиями середины XVII в., когда Алтын-хан Лоджан получил в 1666 г. разрешение на постройку оборонительного сооружения и начал строительство укрепления близ устья р. Сизой (Потапов, 1957. С. 44, прим. 4). Вертикальные плиты подпирались кольшпками или жердями (?), установленными с севера впритык к камням с промежутками 15–20 см между ними. С южной стороны, примыкая к этим плитам, была сложена каменная стенка шириной до 0,7 м (1–2 ряда) и высотой до 1,5 м (10–12 слоев). Обломки горных пород были хорошо подобраны друг к другу и уложены горизонтально способом сухой кладки. Спустя какое-то время стенка начала разрушаться — верхние камни падали, веро-

ятно, на северную сторону, а нижние — на южную. Они перекрыли уже затянутые вал II периода и ров. Сваливаться нижним камням на север, возможно, мешали колышки или жерди, остатки которых обнаружены по гребню, даже в бывшем проходе.

Во всяком случае, весь этот процесс развала был завершен примерно к середине XVIII в., так как П. С. Паллас, описывая со слов стариков как укрепление использовалось, отмечает, что видел «земляной с камнями вал без рву и, как по следам видно, с воротами» (Паллас, 1788. С. 544). Ворота и проход III периода нами не обнаружены.

Таким образом, крепость Омайтура возводилась и подправлялась трижды, причем дважды ее строителями было население Минусинской котловины, остерегавшееся подвижек в степях Центральной Азии и наиболее близкой ее части — Туве. Впервые, вероятно, стену возвели в конце III — начале II в. до н. э., используя приемы строительства, аналогичные технике сооружения тесинских склепов (горизонтальные кладки вокруг земляных пирамид над деревянными конструкциями, деревянный тын вокруг сруба) (Пшеницына, 1968. С. 179–180). Подобные конструктивные приемы сохранялись и позже, в таштыкских склепах, где продолжала существовать в небольшом количестве и кубковидная посуда (Пшеницына, 1980. С. 85; Грязнов, 1980. С. 90–118). Население Минусинской котловины, скорее всего, возвело крепость в наиболее удобном для защиты месте — в Саянском каньоне, опасаясь нападения хунну, в начале II в. до н. э. появившихся в Туве.

Во второй раз, вероятно в середине VIII в. н. э., опасаясь продвижения уйгуров, вал укрепили кыргызы. Видимо, именно с этим периодом функционирования крепости связано ее название Омайтура.

В XVIII в., по сообщению П. С. Палласа, именно русские называли вал «Логинова осада», а «татары, как и самые тутошние горы, и Саянский острог, — Омайтура» (Паллас, 1788. С. 543–544). Дата XVII в. известна по письменным источникам, и искаженное имя Алтын-хана Лоджана дошло в наименованиях «Логинова» или «Люзанова осада».

В заключение скажем, что на всем протяжении исторического времени Саянский каньон Енисея был не только обитаем, но и представлял собой весьма своеобразную историко-культурную область, связанную как с более южными районами Тувы, так и расположенной на севере Минусинской котловиной. Не составляла исключения в этом отношении и эпоха средневековья. Открытые здесь памятники енисейских кыргызов и монгольского времени будут рассмотрены вместе с материалами из степной части Тувинского моря в следующей Главе.

КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В эпоху раннего средневековья — с середины I тыс. до монгольского времени включительно — территория Тувы входила в состав наиболее могущественных государственных объединений, созданных древними тюрками, уйгурами, енисейскими кыргызами, монголами. С этого времени важнейшее значение для изучения этнокультурной истории Тувы, наряду с археологическими материалами, приобретают письменные источники. Однако использование наименований — тюрки-тугю, уйгуры, кыргызы, монголы — только в их узком, этническом значении носит весьма условный характер. По сведениям рунических текстов можно судить, что на территории Центральной Тувы — по Енисею (Улуг-Хему) и Хемчику — в период Второго тюркского каганата обитали чики и азы. Известно, что в 709 г. они были завосваны тюрками для обеспечения дальнейшего военного похода против енисейских кыргызов. При этом проводником для перехода через Западные Саяны был взят человек из степных азов, который «сбившись с пути, был заколот» (Малов, 1951. С. 67). История этого «Ивана Сусанина» VIII в. заслуживает отдельного художественного воплощения! Упоминание степных азов, по мнению Н. А. Сердобова, предполагает возможность существования лесных азов (Сердобов, 1971. С. 49). Л. Р. Кызласов считает, что чики и азы входили в состав гаогуйских (телеских) племен и были родственны карлукам Западного Алтая (Кызласов, 1969. С. 51). Но так или иначе все они были тюрками — по языку, государственной принадлежности, культурной традиции (подробнее об этом см.: Савинов, 2006).

В этом расширительном значении (время, культура, государственная принадлежность) используются и другие приведенные в данной книге этнонимы. Из них археологически, благодаря устойчивому обряду трупосожжения, наиболее «узнаваемы» енисейские кыргызы.

Погребальные комплексы собственно уйгуров VIII–IX вв. еще так и не выявлены, хотя краткое описание погребального обряда уйгуров имеется в письменных источниках. Из представителей каких племен состояло войско Чжучи, проходившее через Саяны «по льду замерзшего Енисея», можно только догадываться. Но по своей культуре они отличны от древних тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов — это монголы.

1. ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

С середины VI до середины VIII в. (пользуясь абсолютными датами исторической хронологии — с 552 по 745 г.) территория Тувы входила в состав Первого и Второго тюркского каганатов. Древнетюркские каганаты — крупнейшие этнополитические образования эпохи раннего средневековья, включавшие территории Центральной Азии и Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана, а в определенные периоды истории значительно более обширные пространства, вплоть до Северного Кавказа и Боспора. Столица Древнетюркских каганатов традиционно находилась в Северной Монголии на р. Орхоне, где в 1889 г. в урочище Кошо-Цайдам Н. М. Ядринцевым были открыты некрополь тюркских каганов и памятники древнетюркской рунической письменности, составившие, вместе с текстами китайских хроник, важнейший источник для изучения истории и культуры древних тюрков (Кляшторный, 1964; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 73–110, 203–246).

Тува находилась в непосредственной близости от «эпицентра» сложения древнетюркской государственности, что не могло не отразиться на культурогенезе местных племен. Через территорию Тувы проходили маршруты завоевательных походов тюркских каганов, направленных против народов Южной Сибири и сопредельных областей. Так, как уже говорилось, знаменитому походу тюрков Второго каганата через Западные Саяны в 711 г. предшествовал захват территории Тувы, где жили чики и азы, войско которых было разбито при Орпене. По мнению Н. А. Сердобова, это первое упоминание поселка Урбюн (Сердобов, 1971. С. 50–51). Если предположение Н. А. Сердобова верно, то Орпен-Урбюн — один из древнейших топонимов Центральной Азии, обозначавший местность у начала Саянской «трубы» Енисея, где расположены святилище с изображением Будды, могильник Урбюн III и многие другие археологические памятники, ныне — через тысячу с

лишним лет после первого упоминания! — оказавшиеся на дне Тувинского моря.

Согласно периодизации С. Г. Кляшторного, появление тюрков Ашина в горах Монгольского Алтая относится к середине V в. (алтайский период — 460–552 гг.), когда они попадают под власть жуаньжуаней (Кляшторный, 1965). К этому времени в Южной Туве относится самое раннее из всех известных погребений с конем, впущенное в курган Улуг-Хорум (Грач В. А., 1982. С. 156–164). Положение погребенного обычно для памятников этого типа — вытянуто на спине, головой на восток; конь отделен от основного захоронения вертикально поставленной плитой. Сопроводительный инвентарь составляют наконечники стрел, удила, подпружная пряжка и два железных стремени. По своей форме и характеру орнаментации — овальные, со спрямленной подножкой и высокой невыделенной пластиной, покрытой орнаментом в виде вдавленных треугольников — стремени из Улуг-Хорума находят ближайшие прототипы в датированных комплексах Кореи и Японии, по которым датировка улуг-хорумского захоронения определяется концом V – серединой VI в. (Грач В. А., 1982. С. 163).

К периоду Первого тюркского каганата (VI–VII вв.) А. Д. Грач относил несколько погребений с остатками трупосожжений в кольцевых выкладках в Южной Туве, рядом с которыми находились четырехугольные оградки с вертикальными стелами (Грач, 1968). Основанием для этого послужило описание погребального обряда древних тюрков в китайской династийной хронике Таншу, которое, в виду важности этого сообщения, следует привести полностью: «В избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают... В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойного и описание сражений, в которых он находился в продолжении жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» (Бичурин, 1950. С. 230). В этом описании с данными археологии совпадает почти все («здание» — древнетюркская оградка; «нарисованный облик покойного» — каменное изваяние; «описание сражений» — надписи-эпитафии типа кошотцайдамских; использование лошади в погребальном обряде и ряды вертикально установленных камней-балбалов), кроме обычая сожжения покойника и его коня. Таких древнетюркских погребений, относящихся к периоду Первого тюркского каганата, до сих пор не обнаружено,

что значительно ограничивает возможности изучения культуры этого периода¹⁵.

К сожалению, ни в одной из раскопанных А. Д. Грачом выкладок не было найдено никаких предметов сопроводительного инвентаря, позволяющих достоверно судить о времени их создания. Тем не менее, по изображению горного козла на одной из стел и руноподобным знакам, относящимся, по мнению И. А. Батманова, к проторунической письменности, памятник был определен А. Д. Грачом как ранние тюркские сожжения и датирован VI–VII вв. Такого же рода погребения с остатками сожжения в кольцевой выкладке рядом с четырехугольной оградкой, правда, без стелы, были раскопаны Ю. И. Трифоновым в Центральной Туве. Имеют ли они какое-то отношение к позднескокэльской (шурмакской) группе памятников или к появлению ранних тюрков в Туве — сказать трудно.

Одним из важнейших компонентов культурного наследия древнетюркской эпохи (вторая половина VI – начало XI в.) является сложившийся в период господства Древнетюркских каганатов культурный комплекс, развитие и адаптация которого к местным традициям определяют ведущие процессы культуругенеза на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. Древнетюркский культурный комплекс, хронологические и территориальные рамки распространения которого были впервые определены А. Д. Грачом (Грач, 1966), включает в себя, в качестве основных элементов, обряд погребения с конем, древнетюркские оградки с установленными около них каменными изваяниями и рядами камней-балбалов, определенные виды наскальных изображений (тамгообразные фигуры горных козлов и различного рода сюжетные композиции), памятники рунической письменности, определенный набор предметов материальной культуры, в первую очередь, предметов снаряжения кочевника-воина и верхового коня.

Проблемы периодизации памятников древнетюркского времени рассматривались на материалах Горного Алтая и Тувы А. А. Гавриловой, детально проанализировавшей один из наиболее известных памятников — могильник Кудыргэ на Горном Алтае. Ею была предложена следующая классификация раннесредневековых алтайских погребений: кудыргинский тип (VI–VII вв.), катандинский тип (VII–VIII вв.), сросткин-

¹⁵ Попытки объяснения этого уже предпринимались неоднократно (подробнее об этом см.: Савинов, 1973 а; Трифонов, 1973); однако решение вопроса остается открытым до получения каких-то новых, в первую очередь, вещественных материалов.

ский тип (VIII–X вв.) (Гаврилова, 1965). Одновременно близкую по структуре периодизацию, но уже с выделением не типов памятников, а этапов их развития, на тувинских материалах предложил С. И. Вайнштейн: ишкинский этап (VI–VII вв.), ак-туругский этап (VII–VIII вв.), кара-чогинский этап (VIII – первая половина X в.) (Вайнштейн, 1966 а; 1966 б. С. 329–330). Нетрудно заметить, что выделенные этапы, по А. А. Гавриловой и С. И. Вайнштейну — кудыргинский и ишкинский, VI–VII вв.; катандинский и ак-туругский, VII–VIII вв. — совпадают, что подтверждает действительность такого деления.

Памятников сrostкинскогo типа (или культуры) в Туве нет. Выделение кара-чогинского этапа, по С. И. Вайнштейну, существенно отличается в том отношении, что для его обоснования впервые были привлечены материалы из датированных памятников киданей (династия Восточное Ляо). В дальнейшем это нашло развитие в исследованиях Г. В. Длужневской по хронологии памятников енисейских кыргызов (Длужневская, 1985 а, 1990 и др.). В работе Д. Г. Савинова 1982 года была выделена культура алтас-телеских тюрков (Савинов, 1982) и определены признаки туэктинского этапа ее развития (VIII–IX вв.), соответствующего периоду господства Уйгурского каганата. В такой последовательности выделенные этапы – кудыргинский, VI–VII вв., катандинский, VII–VIII вв., туэктинский, VIII–IX вв., кара-чогинский, IX–X вв. — соответствующие периодам господства крупнейших государственных образований, наиболее точно отражают развитие древнетюркской культурной традиции, представленной в археологических памятниках Тувы. Анализ найденных в них многочисленных вещественных материалов дан в работах А. Д. Грача (Грач, 1960; 1960 а); С. И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1966 а; 1966 б); Л. Р. Кызласова (Кызласов, 1969; 1979); Д. Г. Савинова (Савинов, 1984); Б. Б. Овчинниковой (Овчинникова, 1990).

Первые раскопки курганов древнетюркского времени в Центральной Туве были осуществлены С. А. Теплоуховым в 1926–1927 гг. в степи Улуг-Хову на правом берегу р. Хемчик, на горе Бай-Даг и в могильнике Чааты II в районе расположения Шагонарских городищ. Полные данные об этих раскопках и материалы опубликованы Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1969. С. 132–136, 188–189; рис. 92–95, 144–147). Курганы из Улуг-Хову и у горы Бай-Даг были датированы Л. Р. Кызласовым VII–VIII вв.; древнетюркские курганы в могильнике Чааты II, расположенные рядом с земляными курганами, считающимися уйгурскими, VIII–IX вв. При этом Л. Р. Кызласов отметил, что «такое их расположение, вероятно, подтверждает не только одновременность захоронений,

но и тесные взаимоотношения уйгуров с этнической группой продолжавших проживать в Туве тюрок-тугю» (Кызласов, 1979. С. 188).

В 1957 г. в долине р. Чаа-Холь у пос. Ак-Туруг С. И. Вайнштейн раскопал два древнетюркских погребения с конем, датированные им VII–VIII вв., ак-туругский этап (Вайнштейн, 1958. С. 219–221, табл. IV). При этом С. И. Вайнштейн подчеркнул, что «в дальнейшем нужно значительно расширить изучение памятников древних тюрок Тувы. Это тем более необходимо, что в древнетюркское время на территории Тувы складывается культура племен, положивших начало тувинскому этногенезу» (Вайнштейн, 1958. С. 233). В эти же, 50-е гг. шло пополнение источников и по другим районам Тувы. Серию ярких и своеобразных памятников, относящихся к разным этапам древнетюркской культуры, в том числе известное погребение с «зеркалом Цинь Вана», раскопал А. Д. Грач на юге и юго-западе Тувы (Грач, 1960; 1960 а). Семь курганов с остатками деревянных седел были исследованы С. И. Вайнштейном в 1959–1960 гг. на могильнике Кокэль (Вайнштейн, 1966 б). В общей сложности число известных в Туве погребений с конем к началу 60-х гг. составляло около 30 объектов.

За период полевых исследований СТЭАН это количество увеличилось в два с половиной раза (45 раскопанных погребений). При этом все они происходят из одного сравнительно небольшого района, что позволяет, помимо хронологических определений, представить реальные историко-культурные процессы, происходившие в Центральной Туве в древнетюркское время. Сводка этих памятников сделана Б. Б. Овчинниковой (Овчинникова, 1990. С. 14–15). Первое обобщение данных материалов представлено в работе Г. В. Длужневской и Б. Б. Овчинниковой (Длужневская, Овчинникова, 1980. С. 79–85).

В период с 1965 по 1975 г. целенаправленные раскопки древнетюркских погребений с конем производил Ю. И. Трифонов, в результате чего была открыта серия неограбленных погребений (всего 16 курганов), которые можно считать эталонными для данного вида памятников¹⁶. Полученные материалы, большей частью неопубликованные, должны были лечь в основу обобщающей работы, к сожалению, оставшейся не завершенной¹⁷. Впервые примененная на памятниках этого времени методика

¹⁶ Краткую информацию об этих раскопках см. в сборнике «Археологические открытия в СССР» за эти годы.

¹⁷ Об Ю. И. Трифонове см.: Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Археолог Юрий Иванович Трифонов // В кн. «Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии». Новосибирск, 2000. С. 203–209.

разборки наземных сооружений позволила выявить конструктивные особенности раскопанных курганов (Трифонов, 1975). Особое внимание Ю. И. Трифонов уделял деталям погребального обряда, свидетельствующих о возможности выделения локальных групп памятников, имеющих, по его мнению, конкретное этническое содержание. Материальный комплекс исследованных курганов отличается двумя особенностями: во-первых, в нем содержатся наиболее представительные серии вещей (наконечники стрел, предметы конского снаряжения, детали поясных наборов и т. д.); во-вторых, он включает такие уникальные находки, как деревянные остовы седел (типа кокэльских), берестяные колчаны, остатки китайских шелковых тканей, имеющих исключительно важное значение для изучения тюркского культурогенеза.

Погребений периода Первого тюркского каганата среди изученных Ю. И. Трифоновым курганов, по-видимому, нет. Единственное захоронение, которое наводит на размышления по этому поводу — детское погребение в каменном ящике на могильнике Аргалыкты VIII (кург. 2). Найденные здесь вещи (петельчатые стремяна, роговые изогнутые двухдырчатые псалии, костяные подпружные пряжки и блок) типологически сопоставимы с кудыргинскими, но по всем другим признакам данное погребение не отличается от остальных (взрослых) погребений, раскопанных на могильнике Аргалыкты (Трифонов, 1971. Рис. 5). Поэтому более ранняя датировка этого единичного захоронения остается проблематичной. Однако относить такие погребения с конем (Аргалыкты VIII, кург. 2; IX, кург. 1) к IX–X вв., как это предлагает Л. Р. Кызласов (Кызласов, 1979. С. 139), нет никаких оснований.

Раскопанные Ю. И. Трифоновым погребения с конем древнетюркского времени на могильниках Аргалыкты (8 курганов) и Кара-Тал (5 курганов), отличаясь в деталях, характеризуются значительным единообразием погребального обряда и сопроводительного инвентаря. Это подкурганые захоронения с конем; положение погребенных — вытянуто на спине, головой на восток или северо-восток. Сопровождающие захоронения коня (или, в социально ранжированных погребениях, двух коней) располагаются в южной половине могильной ямы, на приступке и обычно отделены стенкой из вертикально вкопанных каменных плит. Ориентировка коней, по отношению к человеку, как правило, обратная (головой на запад). Здесь же находились кости барана (остатки заупокойной пищи).

В могильнике Аргалыкты большинство погребений — мужские (возраст захороненных — 30–40 и 50–60 лет), хорошо оснащенные

предметами вооружения и снаряжения верхового коня. Наиболее интересные и характерные находки: берестяные колчаны с «карманом» и всеми деталями для крепления, в которых находилось от 7 до 10 трехпечных наконечников стрел с костяными насадами-«свистунками»; срединные и концевые накладки лука (в одном случае — Аргалыкты I, кург. 1 — удалось установить длину деревянной кибити лука — 1,25 м); поясные бляхи-оправы, гладкие и с растительным орнаментом, в том числе с фестончатым краем; остатки шелковых тканей, китайские монеты «кайюань-тунбао». Из бытовых предметов найдены ножи, тесла, кресала, деревянные приборы для добывания огня и сосуды с ручкой. Из предметов конского снаряжения: деревянные остовы седел, стремена с петельчатой и пластинчатой дужками, удила с «S»-видными псалиями, тройники, уздечные бляшки и др. В Аргалыкты I, кург. 1 было две могильных ямы; в одной из них находился кенотаф с полным набором такого же сопроводительного инвентаря.

В могильнике Кара-Тал есть женские и детские погребения (все с сопровождающими конскими захоронениями и остатками мясной пищи). В Кара-Тал IV, кург. 6 был похоронен младенец, также в сопровождении лошади (!), но без разделительной стенки и только с одной подпругной пряжкой. Инвентарь женских погребений скромнее, чем мужских, но не отличается по категориям предметов. В большинстве как мужских, так и женских захоронений найдены серьги «со шпением» (салтовского типа).

Берестяным колчанам из центрально-тувинских погребений и камчатым шелковым тканям посвящены отдельные статьи Ю. И. Трифонова (Трифонов, 1987; 1989, совм. с Е. И. Лубо-Лесниченко), но, к сожалению, в целом этот материал, предназначенный для I тома Трудов СТЭАН, остался неопубликованным. Рисунки некоторых вещей приведены в монографии Б. Б. Овчинниковой (Овчинникова, 1990). Датировка исследованных курганов определяется Ю. И. Трифоновым по комплексу предметов сопроводительного инвентаря VII–VIII вв., с чем можно полностью согласиться (катандинский этап, по алтайской периодизации). Кроме того, можно определенно сказать, что раскопанные Ю. И. Трифоновым погребения с конем на могильниках Аргалыкты и Кара-Тал относятся к одной этнической группе, обитавшей в этих местах в период господства Второго тюркского каганата.

Из других памятников подобного рода следует отметить могильники Дытгыг-Чарык-Аксы, на правом берегу р. Хемчик, в 20 км от устья — 3 кургана (раск. Ю. И. Трифонова, 1974 г.); Часкал II, в 5 км к востоку от

Шагонара — 1 курган (раск. А. М. Мандельштама, 1966 г.; планы этого погребения опубликованы в книге Б. Б. Овчинниковой — Овчинникова, 1990. Рис. 18); Каат-Ховак в Улуг-Хемском районе — 2 кургана (раск. Т. А. Шаровской). Серия погребений открыта на могильнике Аймырлыг; по данным Б. Б. Овчинниковой, на могильнике Аймырлыг III (Даг-Аразы) было раскопано 14 разнообразных захоронений с конем, в том числе погребения с подбоями, о которых будет сказано ниже (раск. Б. Б. Овчинниковой, 1973–1979 гг.).

Несколько отличается захоронение с конем на могильнике Хемчик-Бом III, кург. 3 — единственное погребение древнетюркского времени, обнаруженное в пределах Саянского каньона (Грач, Длужневская, 1972). Погребение человека здесь находилось в западной половине ямы; положение вытянуто, но ноги слегка согнуты в коленях. Ориентировка — головой на ССВ. Инвентарь: два железных петельчатых стремяни, двусоставные удила с одним костяным двухдырчатым псалием.

К VIII–IX вв. относится серебряный сосудик с рунической надписью (перевод: «Сорок благ»), происходящий из разрушенного погребения в предгорьях хребта Беделиг, у самого начала Саянской «трубы» (правый берег Енисея). Такие же сосудики с благопожелательными надписями найдены в алтайских погребениях Курая и Туэкты (туэктинский этап культуры алтае-телеских тюрков).

О двух памятниках, включающих стелы с изображениями, следует сказать особо. Один из них — курган на могильнике Улуг-Бюк II, рядом с которым находились поминальные выкладки и стела с тамгой в виде фигуры горного козла, одного из наиболее характерных символов периода Второго каганата (Длужневская, 1975). Другой — комплекс на могильнике Мугур-Саргол, включавший каменное изваяние в кольцевидной выкладке и курган с пристройкой, под которой находилось погребение мужчины с конем (Длужневская, 1979. С. 221). По всем составляющим его компонентам данный комплекс более всех остальных напоминает «классическое» описание древнетюркского погребального обряда, приведенное в письменных источниках, но без трупосожжения. Захоронение человека здесь находилось в подбое, закрытом вертикально поставленными камнями. Погребение было потревожено, но в разных местах найдены фрагменты берестяного колчана, срединные накладки лука, рукоятка камчи, железные наконечники стрел, обломки деревянного прибора для добывания огня и др. От уздечного убора коня сохранились обрывки ремней и серебряные полусферические бляшки. На основании этих находок, можно предполагать, что данное погребение с

установленным рядом изваянием принадлежало весьма привилегированному лицу. О самом изваянии будет сказано ниже.

Погребения в грунтовых ямах с подбоями на материалах средневековой части могильника Аймырлыг были выделены Б. Б. Овчинниковой в центрально-тувинский вариант погребений с концом VIII–IX вв. (туэктинский этап, по алтайской периодизации). Среди них по богатству сопроводительного инвентаря выделяется одно погребение в группе Аймырлыг III (Даг-Аразы), в котором найдено полное снаряжение воина: круглый деревянный щит, железный однолезвийный палаш с прямым перекрестием и берестяной колчан со стрелами (Овчинникова, 1982). В материалах из подбойных погребений в Туве прослеживаются как древнетюркские (алтае-телеские), так и предполагаемые уйгурские компоненты. Отразившиеся в них процессы аккультурации и этнической ассимиляции непременно должны были привести к образованию здесь смешанного населения. Судя по всему, это была довольно многочисленная и сильная военизированная группа населения, так как большинство из исследованных подбойных погребений принадлежит хорошо вооруженным воинам. «Ими могли быть люди, принадлежавшие к высшему военному составу, то есть занимавшие более высокое положение в определенной племенной группе» (Овчинникова, 1979. С. 65).

Приведенные материалы, объединяемые в целом в круг памятников, определяемых как «погребения с конем», позволяют представить характер культурно-исторических процессов, происходивших в Центральной Туве, следующим образом. Выделение памятников периода Первого тюркского каганата остается проблематичным. Не исключено, что они вообще здесь отсутствуют, что может свидетельствовать о более длительном, по крайней мере до VII в., существовании позднего этапа кокельской культуры (шурмакский тип памятников). В середине VII в. Центральная Тува была заселена достаточно многочисленной группой кочевого населения, скорее всего, с территории Горного Алтая, с устойчивой древнетюркской традицией. При этом была освоена только левобережная часть бассейна Улуг-Хема, оказавшаяся в зоне затопления будущей Саяно-Шушенской ГЭС; на правобережье таких памятников нет. Это население продолжало жить здесь и в последующее время, пережив уйгурское и кыргызское завоевания. Были это чики или азы, или какие-то другие племена с древнетюркской культурной традицией — сказать трудно. В глубину Саянского каньона проникла какая-то очень небольшая часть данного населения, отличавшаяся своими специфическими особенностями. В период господства Уйгурского каганата (а про-

должалось оно 95 лет: с 745 по 840 г.) в Центральной Туве образовалось население со смешанной культурной традицией, скорее всего, обладавшее определенными социально-этническими привилегиями; типа военных факторий — поселений, необходимых для удержания вновь завоеванных территорий. Дальнейшая судьба этого населения неизвестна. Местное же, древнетюркское, население продолжало обитать здесь до конца I тыс. (кара-чогинский этап, по периодизации С. И. Вайнштейна).

Замечательное погребение X в., пока стоящее особняком среди всех остальных раннесредневековых памятников Тувы, было открыто Ю. И. Трифоновым в первый год работы экспедиции, в 1965 г. Это расположенное отдельно на могильном поле Аргалыкты подкурганное захоронение мужчины в возрасте свыше 60 лет с очень богатым и разнообразным инвентарем, в том числе великолепными деталями поясного набора (Аргалыкты I, кург. 11). Положение погребенного — вытянуто на спине, головой на юго-запад. Сопровождающего захоронения коня нет, но предметы конской упряжи были положены в ногах погребенного (Трифонов, 2000). Из найденных здесь вещей особое значение имеет ажурная бронзовая пластина (от сумочки-каптаргака?) с очень сложной композицией, составленной из фигур животных и мотивов растительного орнамента (Трифонов, 2000. Рис. IV). Это один из наиболее ярких памятников кара-чогинского этапа, последнего этапа развития древнетюркской культуры в Туве.

Приблизительно такую же картину представляют происходящие отсюда каменные изваяния, которых на самом деле известно очень немного, что, возможно, объясняется интенсивностью освоения этой части Центрально-Тувинской котловины уже в новое время. Л. Р. Кызласов опубликовал одно изваяние из г. Шагонара (Кызласов, 1979. Рис. 89, 2) и одно изваяние из находящегося поблизости от зоны водохранилища пос. Ак-Туруг (Кызласов, 1979. Рис. 90, 3). В монографии А. Д. Грача, посвященной древнетюркским изваяниям Тувы, приводятся данные о трех изваяниях из этого района: одно из них было установлено неподалеку от дороги Шагонар–Аргузун, в степи Халба¹⁸; два изваяния находились в долине р. Чааты, в 10 км к юго-востоку от Шагонара (Грач, 1961. С. 51–53, рис. 91–94). За исключением очень необычной фигуры из степи Халба, относящейся к уйгурскому периоду (с изображением сосуда в двух руках, тщательно проработанными волосами и лировидной подвес-

¹⁸ В 1962 г. оно было вывезено в лагерь А. Д. Грача. В настоящее время находится в Тувинском Республиканском музее им. 60-ти Богатырей («Алдан-Маадыр»).

кой на поясе), остальные изваяния очень простые, без излишних «художественных особенностей», обычные для периода Второго тюркского каганата.

Новых изваяний за период работы СТЭАН открыто всего несколько. Имеются сведения о разбитом изваянии, найденном на могильнике Эйлиг-Хем, где в 1965 г. А. Д. Грачом был раскопан великолепный комплекс кыргызского времени; но найденное здесь изваяние, несомненно, с этим комплексом не связано¹⁹. Другое изваяние — из упоминавшегося выше комплекса на могильнике Мугур-Саргол. «Прочерченное на изваянии лицо человека напоминает личину на известном «кудыргинском валуне». На этой же грани стелы — три выгравированные фигуры лошади, соединенные с личиной протертой полосой, с выстриженными зубцами гривами, выбитые фигура козла и знак в виде скифского котла» (Длужневская, 1979. С. 221). Приведенное описание крайне интересно. По всем признакам данное изображение соответствует выделенной нами группе раннетюркских каменных изваяний с «повествовательными сценами» (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 209–212, рис. 6). (Ср. в летописном тексте — «нарисованный облик покойного и описание сражений, в которых он находился...»). В данном случае, как и на «кудыргинском валуне» и на столь же своеобразном изваянии из Хара-Яма в Северной Монголии, речь идет о жертвоприношении лошадей, действительном или символическом, в контексте погребального ритуала для каких-то особым образом отличившихся лиц. Находка такого изваяния в одном из самых «закрытых» участков Центральной Тувы, возможно, отражает более глубинные, сохранившиеся здесь элементы идеологии древнетюркского общества.

Обычно сопутствующие каменным изваяниям древнетюркские оградки также исследованы только на левобережье в степной части зоны водохранилища. Из них наиболее полный комплекс представляют четыре расположенные в ряд (по линии север-юг) оградки с пристройками на могильнике Аймырлыг, которые Б. Б. Овчинникова выделяет в особый «аймырлыгский» тип (Овчинникова, 2005. Рис. 1). Однако, предположение Б. Б. Овчинниковой о соотнесенности каждой из оградок с расположенным поблизости погребением «с конем» вряд ли может быть принято: эти объекты не совпадают ни количественно, ни планиграфически. Оградок с рядами камней-балбалов в пределах зоны водохранилища не обнаружено.

¹⁹ Данные Г. В. Длужневской. Дальнейшая судьба этого изваяния нам неизвестна.

Столь же немногочисленны происходящие из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС наскальные изображения, которые можно было бы уверенно относить к древнетюркскому времени. Помимо упомянутых выше рисунков на каменных стелах (Мугур-Саргол и Улуг-Бюк II), это некоторые гравировки в ущелье Ортаа-Саргол на «дороге Чингиз-хана» (Дэвлет, 1982. Табл. 28–29), изображающие всадников и отдельных животных, выполненные в реалистической экспрессивной манере, хорошо известной по алтайским гравировкам древнетюркского времени. Может быть к этому времени следует относить отдельные выбитые на скалах фигуры горных козлов, но полной уверенности в этом нет. Резные изображения всадника и фантастического животного из Куйлуг-Хема (Дэвлет, Теревенин, 1973. Рис. 9, 10), очень схематичные, с вертикальной штриховкой туловища, похожие на прибайкальские (манхайские) изображения, скорее всего, относятся к более позднему (монгольскому?) времени. Такая «скудность» наскальных рисунков древнетюркского времени, на фоне огромного пласта петроглифов эпохи бронзы и скифского времени во всех местонахождениях Саянского каньона Енисея, странна и пока не имеет объяснения. Однако обращает на себя внимание, что в принципе это соответствует характеру распространения и других памятников древнетюркского времени — погребений с конем и каменных изваяний — и, следовательно, отражает какие-то внутренние закономерности, которые требуют дальнейшего изучения и осмысления.

2. УЙГУРЫ

В 745 г., после гибели Восточного каганата, полновластными хозяевами Центральной Азии стали уйгуры. Глава государства уйгуров, как и ранее у тюрков, носил титул кагана. С 746 до 759 г. каганом был Моюн-чур. Незадолго до вторжения в Китай в 756 г. уйгуры были озабочены укреплением северных границ государства — против засаянских соседей — енисейских кыргызов и их союзников тюркоязычных чиков. Из надписи на каменной стеле, установленной уйгурами в честь своего кагана на р. Селенге в 758 г., более подробно стали известны некоторые эпизоды истории Тувы в этот период.

Исходя из данных Селенгинской надписи, уйгуры завоевали территорию Тувы в 750–751 гг.: «в год Тигра (750 г.) я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем

(Улуг-Хем). В тот же год чики подчинились...». Преодолевая сопротивление чиков, каган вынужден был провести в Туве лето, строить лагерь и крепости, «закреплять» новые земли путем установки каменных столбов с выбитыми на них личными тамгами («Мои тамги и мои письма я там приказал сочинить — «врезать в камень»). Осенью 751 г. Моюн-чур принял срочные меры для удержания территории Тувы под своей властью, поскольку против него должны были выступить прииртышские карлуки, тюрки, продолжавшие жить в Туве, и енисейские кыргызы. Разведчики и «летучие отряды» кыргызов были перехвачены из-за предательства тюркских бегов. Опережая противников, осенью этого же года Моюн-чур во главе большого войска снова появился в Туве, переправился через Кем, прошел далее на запад и в битве при р. Болчу, на левом берегу Иртыша, разгромил карлуков. Отдельные вспышки сопротивления чиков были усмирены тысячным войском уйгуров. Тува и часть северо-западной Монголии стали окраинами уйгурского государства. Обладание этой территорией имело для уйгуров огромное значение, так как позволяло обезопасить себя от нападения алтайских тюрков, карлуков и енисейских кыргызов.

Каган провел в Туве зиму и лето 752 г., снова строились оборонительные укрепления — города-«крепости», соединявшиеся «валом»; он также формировал гарнизоны и разрабатывал систему управления в Туве. От имени кагана стал управлять «тутук» — военный наместник, были назначены главы отдельных районов и сборщики дани. Уйгурские охранные войска были размещены в Туве особыми военными поселениями.

Отношения уйгуров с кыргызами были постоянно напряженными, и уйгуры в том же 758 г., когда их основные силы были заняты подавлением восстания в Китае, отправились в поход на кыргызов. Сведения о результатах похода разноречивы: в летописях кратко сказано, что уйгуры завоевали государство кыргызов, и владетель получил особый титул, но более поздние данные не подтверждают этого. Бассейн Среднего Енисея не вошел, видимо, в пределы государства уйгуров, и оказался в номинальном подчинении. Во главе остался тот же хан, что и до этого похода (Кызласов, 1969. С. 56–58).

Известно, что в 800 г. Тува все еще являлась северо-западной окраиной обширного государства уйгуров, столица которого Орду-балык находилась на территории современной Монголии, а граница с кыргызами проходила по Саянскому хребту. Также отмечено, что главная река (Кем — Енисей) вытекает с севера из страны уйгуров (хойхэ) через

ущелье горного хребта, то есть речь идет о Саянском каньоне (Кызласов, 1969. С. 56–58). Напомним, что уйгуры прошли Саянским каньоном до выхода Енисея в Минусинские степи, где находится вал Омайтура. Мало вероятно такое совпадение, но единственно возможная дата этого похода — 758 год. Таким образом, бассейн Верхнего Енисея входил в состав Уйгурского каганата с 750 по 840 г., до начала кыргызского периода в истории Тувы.

Археологические памятники периода господства Уйгурского каганата в Центральной Туве представлены, в первую очередь, городищами, скорее всего, являвшимися остатками крепостных (оборонительных) сооружений, и расположенными рядом с ними катакомбными могильниками. Кроме того, к этому времени, по всей вероятности, относится сооружение т. н. «дороги Чингисхана», прорезающей Саянский каньон Енисея с выходом в Минусинскую котловину.

Городища-«крепости». Шагонарские городища обнаружены Д. А. Клеменцем в 1891 г., который пишет, что вдоль правого берега сухого русла речки Чааты идет одинокая возвышенность — гора Бай Даг окруженная степью со всех сторон. У юго-западного подножия ее находится двойной четырехугольный земляной вал. Внешний вал имеет 300 шагов длины и 200 ширины, внутренний — 150 и 90, высота внешнего вала 8 футов (около 2,5 м). Он был обнесен неглубокой канавой, и с востока в валу был сделан проход (Клеменц, 1895. С. 73).

В 1927 г. они были обследованы С. А. Теплоуховым, который занимался раскопками курганов близ с. Шагонар и Чаа-Холь и по «дороге Чингисхана». Во время разведочных работ в Туве Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК АН СССР (под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой, при участии Л. Р. Кызласова) в 1947 г. исследователи посетили городище Бажын-Альк на речке Чаадана, осмотрели I Шагонарское городище и открыли три новых на Хемчике — Бай-Тал, Тээли, Эльде-Кижиг. Наиболее подробно Шагонарские городища обследовались Тувинской археологической экспедицией МГУ и ИИМК АН СССР в 1956–1958 гг. (Кызласов, 1959. С. 66–70), а ряд городищ и «дорога Чингиз-хана» — Археологической экспедицией ТНИИЯЛИ в 1957–1958 гг. (нач. С. И. Вайнштейн).

К настоящему времени известно семнадцать городищ и один наблюдательный опорный пункт. Все городища расположены цепочкой по долине Хемчика, начиная от его верховьев, имеются в долине Чадаана, в устье Ак-Суга и на левобережье Улуг-Хема между его притоками Чаа-Холь и Барык. Крайним восточным пунктом является четырех-

угольное каменное укрепление на горе в устье Элегеста. Размещение городищ — по одной дугообразной линии, обращенной выпуклостью к северу, позволяло защитить центральные районы Тувы от возможного вторжения из-за Саянских гор (Кызласов И., 1979). По этой же линии — от городища Элдиг-Кежиг на Барлыке, далее по долине р. Хемчик и с выходом в Центральную Туву у Чаа-Холя проходят отрезки «дороги Чингиз-хана». Наиболее четко она прослежена в долине Улуг-Хема, пересекая которую направляется на восток, где находится Элегестское укрепление.

Городища были окружены глинобитными или из сырцового кирпича четырехугольными стенами, изначально, видимо достаточно высокими, но постепенно оплывшими и превратившимися в валы. Некоторые имели округлые оборонительные башни, расположенные по углам и у ворот, обычно было двое ворот. Снаружи все городища были обнесены глубокими рвами, прежде наполненными водой, но к воротам вели сухие въезды. Валы городищ с внутренней стороны были пологими, с внешней — круто обрывались в ров. Несмотря на то, что Шагонарские уйгурские городища были известны с конца XIX в. и неоднократно обследовались, в 1962 г., во время рекогносцировочных разведок они снова были осмотрены, поскольку при подъеме воды до отметки 550 м все шесть названных городищ оказались бы под водой.

Шагонарская группа состоит из 4-х городищ. Первое расположено в 1,5 км к З от Шагонара. II, III и IV Шагонарские городища (урочище «Чер-Бажын»; в переводе с тувинского — «Земляной дом») располагаются в 6 км к юго-востоку от I городища, в пойме пересыхающей речки Чааты, близ горы Бай-Даг. Эти городища расположены компактно, как бы в шахматном порядке, в направлении с севера на юг.

I Шагонарское городище имеет размеры 235 (С-Ю) x 232 (З-В) м. Площадь — 5,45 га. Окружено глинобитными валами шириной до 15 м и высотой до 2 м. С наружной стороны валы окружены рвами. Имеется двое ворот (с ССЗ и ВСВ сторон), угловые и воротные башни. Подъемный материал состоял из фрагментов керамических сосудов и обломков верхних и нижних плит от зернотерок.

II Шагонарское городище. Размеры 150 (С-Ю) x 150 (З-В) м, валы имеют 2,5 м в высоту, внутренняя площадь — 2,25 га. Окружено валами, окаймленными рвом. С западной стороны имеются ворота с воротной башней и угловые башни. На внутренней плоской площади не имеется видимых на поверхности остатков жилищ или следов культурного слоя.

III Шагонарское городище. Размеры 126 (С–Ю) x 119 (З–В) м. Площадь около 1,5 га. Укрепленный замок, окружен стенами, сложенными из сырцового кирпича (42 x 21 x 10 см или 44 x 23 x 10 см), размеры которого характерны для сырцовых сооружений центральных и восточных районов Средней Азии VII–IX вв., и рвом. Высота валов с наружной стороны — до 5,5 м, с внутренней — до 2,8 м. Видны 10 башен и двое ворот (с северной и восточной сторон). Высота стен внутренней цитадели (47 x 45 м, площадь около 0,2 га) достигает 2 м. Также имеются ворота в северной и восточной стенах и угловые башни.

В 1959–1960 гг. Л. Р. Кызласов произвел раскопки на III городище. В первый год было заложено два небольших раскопа. Раскоп № 1 — в юго-западном углу цитадели, на некотором расстоянии от стен, где в культурном слое толщиной около 30 см найдено множество костей овец, значительно меньше — лошади и коровы, кости птиц и угольки. Кроме того, обнаружены обломки серых желобчатых черепиц, фрагменты двух глиняных чаш типа широкодонных пиал, сделанных на гончарном круге, и обломки белых в изломе терракотовых плиток. У южной стенки раскопа — основания трех деревянных столбов (диаметром около 20 см), сохранившихся на 75–90 см, которые были врыты в ямки глубиной до 1 м. Предположение, что здесь стояло здание каркасно-столбовой конструкции с черепичной крышей, подтвердилось раскопками 1960 г. В раскопе № 2 внутри городища за пределами цитадели культурный слой не был обнаружен. Л. Р. Кызласов сделал вывод, что в этом месте не имелось жилых помещений.

В 1960 г. работы велись на трех раскопах: № 1 — южная часть цитадели, вдоль ее западной стены (продолжение раскопа предыдущего года); № 2 — башня северных ворот; № 3 — восточные ворота крепости.

На всей площади раскопа № 1 обнаружен культурный слой, насыщенный костями животных, птиц, рыбьей чешуей, разнообразными фрагментами посуды, в том числе обломков танского фарфора, черепицы, остатками деревянных конструкций, шлаков, угля и золы. Были найдены жерди, куски бревен, обломки обугленных досок, глиняная обмазка, многочисленные железные гвозди, зола и угли — все это следы стоявшего здесь деревянного каркасного здания, обмазанного глиной и покрытого крышей из желобчатой черепицы. Все сооружения внутри цитадели стояли на столбах-сваях, опущенных в ямы глубиной до 1 м и обернутых в нижней части берестой с целью предохранения их от загнивания. При расчистке фасада стены внутри цитадели выяснилось, что она сложена из сырцового кирпича (сохранилось 17 рядов). Высота ее

чуть более 2 м, хотя изначально, видимо, составляла около 4,5 м, сужаясь по мере нарастания высоты более, чем на 1 м.

Раскоп № 2 — башня северных ворот. Сама башня и внешние мощные стены были глинобитными. Горизонтальные слои на фасадах показывают, что стены заливались послойно (чередовались слои лесса и глины) с использованием при заливке деревянной опалубки. Стены у башни расширялись, поэтому полукруглая башня выступала из общей линии всего на 2 м. Изнутри крепости она совершенно не выделялась, но вдоль нее была устроена ступень шириной 60 см и высотой 80 см. Аналогичные ступени имелись и с наружной стороны, что, видимо, усиливало основание ее против подкопов и размывания водой, заполнявшей ров. Башня сохранилась на высоту 3,5 м, но первоначально, видимо, имела высоту 7 м, а стены — 6 м. Глубина рва достигала 3 м. В культурном слое двора — кости животных, фрагменты лепных орнаментированных сосудов и верхняя часть жернова, лежавшего на материке и перекрытого развалом стены, что позволяет отнести его ко времени существования крепости.

Раскоп № 3 — восточные ворота крепости. Техника сооружения стен идентична описанной выше. Изначально был оставлен проезд шириной около 6,5 м. По каким-то причинам обитателям крепости требовалось, чтобы ворота выходили строго на восток. Для этого привратные стенки были выровнены за счет пристроек к стенам деревянных конструкций и опалубки из сырцового кирпича, правда, ширина ворот при этом сузилась до 5 м. Горизонтально уложенные бревна лиственницы (диам. 20–35 см) были утоплены в стены и упирались, с одной стороны, — в вертикально забитые столбы, с другой — в толстые чурбаки, заклиненные в стены. По низу была сделана опалубка из горизонтально лежавших друг на друге трех бревен (по каждой стене), прибитых к вкопанным в ямки столбам. На уровне материка из лиственничных бревен сложили «клетку», бревна дополнительно подкреплялись рядами столбов, идущими вдоль ворот внутрь крепости и обломками гранита. Затем «клетка» была залита глиняным раствором с обломками сырцовых кирпичей и камней. Гладкая поверхность въезда имела толщину от 28 до 45 см и затем площадкой заходила внутрь двора на 4 м. Найденный за воротами подпятник позволяет судить, что полотнища ворот находились с наружной стороны и вращались на штырях. В культурном слое был найден небогатый материал, самой ценной находкой, по мнению Л. Р. Кызласова, является чечевицеобразный железный отвал плуга местного производства (Кызласов, 1969. С. 59–60; 1979. С. 145–157).

IV городище — размеры 80 × 80 м. Окружено валами (высота валов от внутренней поверхности — до 2 м) и рвом. Имеются ворота в северной и восточной стенах (Кызласов, 1959. С. 66–70).

Усть-Шагаанарыгское городище было обнаружено Саяно-Тувинским отрядом (нач. А. Д. Грач) в 1962 г. Расположено на левом берегу р. Шагаанарыг, в 1,5 км от места впадения реки в Улуг-Хем. Размеры — около 100 × 100 м. Окружено оплывшими валами и рвом, прослеживаются угловые башни. На городище найдены обломки сероглиняной керамики уйгурского времени. Судя по всему, именно это городище Л. Р. Кызласов считает V-м Шагонарским, которое, наряду с валом, пересекавшим левобережную часть долины Улуг-Хема, являлось дополнительной преградой для путников, следовавших от устья Хемчика вверх по долине Улуг-Хема.

Чаа-хольское городище — *Бажын-Алаак* находится в 1,5 км к западу от с. Чаа-Холь, слева от тракта Кызыл-Тээли. Место, где оно расположено, представляет собой остепненную котловину, переходящую к северу в пойму Енисея, а на юге — ограниченную цепью возвышенностей. В 1,8 км к западу от него расположено русло р. Чаа-Холь. Городище, окруженное глинобитными стенами толщиной до 2,9 м и высотой до 2,5 м, имеет размеры 302 × 305 м, 4 угловые и три дополнительные башни (центральная и две малые), ворота с южной стороны. Ширина оплывших стен составляла от 6 до 15 м, высота — до 2,5 м. С внешней стороны проходил ров, прерывавшийся на отдельных участках. Гребень стен был укреплен камнями. Вдоль южной стены был выявлен второй ров, наибольшая глубина которого от древней поверхности составляла 1,75 м.

Раскопки этого городища были начаты Археологической экспедицией ТНИИЯЛИ в 1957–1958 гг. (нач. С. И. Вайнштейн). В первый год разведочными раскопками был обнаружен культурный слой, содержащий фрагменты керамических сосудов VIII–IX вв., и керамику киданьского времени, что позволило предполагать заселение городища вплоть до нашествия Чингисхана. Во время раскопок 1958 г. было вскрыто 7 землянок и одно наземное сооружение (Вайнштейн, 1959).

Изучение центральной башни северной стены показало, что верхняя часть ее была выложена обожженным и сырцовым кирпичом и имела деревянную двускатную крышу, опиравшуюся на деревянные столбы. Рядом с центральной башней в южной стене были заметны следы калитки.

На внутренней территории городища сохранились холмообразные возвышения — следы жилищ. Основной раскоп площадью 700 кв. м был

заложен в северной части городища. На его площади были выявлены углубления семи землянок и остатки наземных сооружений. Землянки подпрямоугольной в плане формы, длиной от 11 до 4,5 м, шириной, в основном, 2–2,3 м, с отвесными стенками. Возникает предположение о некоей стандартизации размеров землянок — 4,5 × 2,5 м, глубина которых от 0,8 до 1,4 м от дневной поверхности. Перекрытие землянок, по-видимому, поддерживали тонкие жерди, остатки которых обнаружены в ряде сооружений. Землянки 1 и 2 — более обширные и глубокие (глубина до 1,75 м). Судя по заполнению ям, эти два жилища, как предполагает С. И. Вайнштейн, были покинуты обитателями и засыпаны еще в период жизни городища. Другие на уровне древней поверхности перекрыты зольным слоем, то есть погибли во время захвата городища неприятелем. Помимо землянок С. И. Вайнштейн исследовал частично сохранившееся наземное жилище, стены которого были сложены из сырцовых кирпичей на глиняном основании. Высота сохранившихся стен около 1 м, ширина — от 0,55 до 1 м. Размеры здания, вытянутого с запада на восток — 15 × 11 м. В западной его части имелось внутреннее помещение, прямоугольное в плане (6 × 5,25 м). Кровля сооружения была деревянной, ее поддерживали деревянные столбики, опиравшиеся на каменные плиты (Вайнштейн, 1959).

В 1967–1969 гг. исследование городища производил II отряд СТЭАН (нач. А. М. Мандельштам, работы вела А. А. Гаврилова). Была подтверждена датировка памятника уйгурским временем и раскрыты новые постройки из сырцового кирпича и землянки. В 1975–1978 гг. работы на городище Бажын-Алаак были продолжены I отрядом СТЭАН (Ицстенко, 1983, 1995; Щетенко, Миняев, 1979).

Основным объектом исследования стал северо-восточный угол городища, где в раскопе на площади до 1000 кв. м были полностью вскрыты остатки угловой башни и примыкающих к ней восточной (6 м) и северной (40 м) стен. В двух местах траншеями были прорезаны стены и вал городища.

В основании северо-восточной башни и примыкающих к ней стен обнаружена глинобитная платформа, прослеженная затем по всему периметру Бажын-Алаака. Цоколь стен сложен из прямоугольных пахсовых блоков (40 × 50 × 70 см), покрытых сверху глиняной обмазкой. Высота цоколя 0,8–1,2 м, ширина в верхней части 2,5 м. С внешней стороны цоколь обложен плоскими глиняными кирпичами (70 × 30 × 10 см) и укреплен деревянным тыном. Выявлено 40 ямок от столбов диаметром 7–10 см, установленных с интервалами в 30–50 см, в некоторых из них

сохранились остатки дерева. Стены, высотой 3,5–4 м, также были сооружены из пахсовых блоков, но меньших размеров.

Вдоль северной стены на площади 15 кв. м раскрыта кладка из каменной размерами 20 × 30 см, замазанных небольшим слоем глины. После ее разборки был выявлен ряд столбовых, иногда парных, ямок диаметром 25–30 см, располагавшихся по краю кладки с внутренней ее стороны на равном расстоянии. Здесь же находились хозяйственные ямы, перекрытые данной кладкой.

Стратиграфические наблюдения подтвердили существование двух периодов в строительстве оборонительных сооружений. Изначально поселение было окружено земляным валом с деревянным тыном и рвом шириной 3 м. Предполагаемая датировка первого периода обживания его — II тыс. до н. э. — основана на находках каменных полированных топоров в шурфах в центральной части городища. Выкид из древнего рва образовал земляной вал, использованный в уйгурское время как основание для возведения на нем стен из блоков. Кроме того, обнаружена округлая каменная вымостка площадью до 9 кв. м, выложенная из крупной гальки (диаметром до 20 см), также покрытая глиняной обмазкой. Назначение ее осталось неясным, но она также отнесена к уйгурскому времени.

Обнаруженные по всей площади раскопа на одном уровне следы обожженной глины, земли и дерева указывают на то, что поселение погибло от пожара, будучи захваченным противником, скорее всего кыргызами, вероятно прорвавшимся в его внутреннюю часть через проломы шириной до 10 м в восточной и западной стенах.

Всего на внутренней части поселения расчищено 20 хозяйственных ям — округлой или прямоугольной формы и примерно одного размера — диаметром 60–100 см и 80 × 100 см. Мощность культурного слоя составляла 80–90 см. Остеологический материал, определенный в поле палеозоологом Н. М. Ермоловой, постоянно сотрудничавшей с экспедицией, составляли кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади.

Керамика лепная и изготовленная на гончарном круге, с преобладанием сероглиняной посуды с вертикальным лощением и прочерченным орнаментом с геометрическими рисунками, а также в виде штампованных ромбов, образующих широкие ленты на тулове сосуда. Сосуды представлены плоскодонными высокогорльми кувшинами, горшками и мисками. Достаточно разнообразны изделия из кости (проколки, двухдырчатые псалии, рукоятки ножей, накладки для луков, наконечники стрел), найдены также глиняные пряслица, фрагменты железных и брон-

зовых изделий. Комплекс вещей находит аналогии в материалах погребений уйгурского времени могильника Чааты I, исследованного Л. Р. Кызласовым. Характер фортификации Бажын-Алаак сближает памятник с Шагонарскими городищами. Внутри периметра стен имелось достаточно много свободного пространства, могущего обеспечить защиту для окрестных кочевников и скота в случае нападения. Боковые «проломы» могли служить дополнительными воротами, чтобы быстрее загонять скот внутрь стен во время опасности (Щстенко, 1995. С. 173–177).

«Дорога Чингиз-хана». В зоне затопления оказался и участок «дороги Чингиз-хана». Тувинское название этого сооружения «Чингиз-хан — орук». Вал на протяжении сотен километров тянется с востока на запад и прослежен визуально от Элегеста на востоке и до Сут-Холя, Барун-Хемчика и Бай-Тайги на крайнем западе (Минцлов, 1916. С. 14; Грумм-Гржимайло, 1926. С. 356 и сл.). В зоне затопления участки древнего вала наиболее четко видны в районе г. Шагонара (вал тянется от Шагонара в направлении I-го Шагонарского городища и обрывается в долине р. Шагаанарыг) и в районе с. Чаа-Холь к западу и юго-западу от городища Бажын-Алаак, по левому берегу р. Чаа-Холь и в урочище Аймырлыг. Менее четко — на левом берегу Улуг-Хема между реками Шагаанарыг и Чаа-Холь. Ширина вала колеблется от 8 до 17 м, высота — до 1,5 м. Вдоль северной стороны вала прослеживаются остатки рва. Предполагалась его датировка уйгурским, киданьским и даже монгольским временем. Как пишет А. Д. Грач, «остаются не вполне ясными цели, которыми руководствовались древние строители при проведении столь объемных для своего времени работ при сооружении вала» (Грач, 1963. Отчет о разведках 1962 г.).

В 1957–1958 гг., одновременно с городищем Бажын-Алаак, С. И. Вайнштейн исследовал «дорогу Чингиз-хана» и сделал заключение, что «дорога» есть ни что иное, как средневековый оборонительный вал значительной протяженности, отдельные участки которого фиксируются по левому берегу Улуг-Хема в районе Элегеста, более отчетливо он прослеживается в черте г. Шагонара. Иногда он еле различим на поверхности, но в степи к западу от р. Чаа-Холь он становится очень хорошо заметным, более того, значительные участки его перекрыты полотном современной грунтовой дороги. С северной стороны вала на всем его протяжении сохранились следы рва. Вал сильно расплылся и имеет ширину от 8 до 17 м. Высота не превышает 1,3 м. На отдельных участках сохранились следы башен.

К западу от Чаа-Холя в урочище Аймырлыг вал пересекает вытянутый цепочкой могильник скифского времени (одна из групп могильника Аймырлыг, исследовавшегося А. М. Мандельштамом с 1968 по 1983 г.); один из курганов могильника был перекрыт валом. У подножья горы Ак-Кожагар, в нескольких метрах к югу от вала, сохранились следы искусственного сооружения в виде овального в плане холма шириной около 10 м и длиной около 65 м. Далее вал уходит на запад, преодолевает перевал Сексеге и пески Кум-Су. К западу от с. Ийме он идет параллельно Хемчику вдоль правого берега реки до урочища Шат-Ужу и затем переходит на левый берег Хемчика. Поворачивая с юго-востока на северо-запад, он пересекает обширную болотистую местность. На этом участке его называют «Чинге-Сай» (в переводе — тонкая галька) и использовали для прокладки современной дороги. На западе вал минует урочище Чыдыг-Кара-Суг и проходит севернее пос. Тээли.

Была проведена инструментальная съемка вала на местности от р. Чаа-Холь до с. Ийме и нивелировка некоторых его участков. В двух местах вал был разрезан разведочными раскопами, выявившими наличие насыпного вала толщиной в 5,75–6,5 м и глубокого рва к северу от него, проходившего в 2,75 м от древнего основания вала. Вал сложен из смешанного грунта, включавшего суглинок или супесь и щебенку. Скорее всего, это земля, выкопанная при рытье рва. Основанием вала служит глиняная (суглинистая) платформа шириной 5,7 м и высотой 0,6 м (урочище Сарыг-Булун), внутренняя южная сторона вала пологая, северная внешняя — крутая. Ров был заполнен смешанным рыхлым грунтом, образовавшимся при разрушении вала. В том же урочище была раскопана деревянная башня, от которой сохранились обломки обожженного кирпича, деревянные столбы и доски. Деревянная конструкция погибла во время пожара.

Таким образом, установлено, что в Туве был сооружен оборонительный вал протяженностью в несколько сот километров. Расположение городищ-крепостей в основном вдоль линии вала, смыкание вала с северной стеной I-го Шагонарского городища, некоторые конструктивные особенности позволяют утверждать, что вал и городища одновременны и составляли единую оборонительную линию. Расположение городищ южнее вала и наличие рва с северной стороны свидетельствуют о том, что вал был предназначен для защиты уйгурских владений от нападения противника с севера. Этим противником могли быть енисейские кыргызы, государство которых находилось севернее Саян, в Минусинских степях (Вайнштейн, 1959).

Курганы уйгурского периода VIII–IX вв. На надпойменной террасе правого берега р. Чааты, возле горы Бай-Даг и примерно в 600 м к востоку-северо-востоку от III Шагонарского городища во время экспедиции 1927 г. С. А. Теплоухов обнаружил округлые замляные курганы со слабо выраженными ровиками вокруг. 30 курганов диаметром от 6 до 25–30 м, расположенных тесно, неправильными цепочками, образовывали могильник Чааты I, который Л. Р. Кызласов связывает с III Шагонарским городищем, а могильник Чааты II, находившийся в 500–600 м к западу от II городища и включавший разновременные курганы, он соотносит со II городищем. В могильнике Чааты I — 7 курганов были раскопаны С. А. Теплоуховым в 1927 г., 23 кургана — в 1958–1959 гг. Л. Р. Кызласовым. В могильнике Чааты II С. А. Теплоухов исследовал 4 кургана, а Л. Р. Кызласов раскопал два кургана в 1960 г. Кроме того, в могильнике Чааты II С. А. Теплоухов исследовал два кургана, под которыми были обнаружены погребения по обряду труположения с конем.

Под земляными курганами округлой в плане формы умершие были захоронены в ямах или катакомбах, ориентированных по отношению к входным ямам — перпендикулярно или параллельно, иногда лаз находился в одном из углов входной ямы. Лазы, ведущие из входных ям в глубокие катакомбы, были закрыты деревянными решетками, частоколом, досками или камнями. Покойных — мужчин, женщин и детей — хоронили обычно одиночно, преобладала ориентировка головой на север. Умерших укладывали вытянуто на спине на доски или какие-либо иные подстилки, изредка в деревянный гроб, обтянутый берестой. В головах ставили питье в вазах или вазообразных сосудах и густую пищу в банкообразных сосудах. Выделено шесть типов глиняных сосудов: вазы, сделанные на гончарном круге и украшенные штампованным орнаментом и вертикальным полосчатым лощением; лепные вазы, украшенные налпными рассеченными валиками или налпями под венчиком; гладкие грубые сосуды по форме подражающие вазам; гладкие кувшины; баночные сосуды, гладкие или украшенные рассеченным валиком; горшки с уступом под венчиком, гладкие или украшенные налпями на венчике и рассеченными валиками. В могилы также ставили железные клепаные круглодонные котлы с вертикальными или горизонтальными ручками. В сферическом медном котле с железными ручками лежали кости задней части овцы. Обычно у головы покойного дополнительно помещали куски мяса овец, коз и быков, иногда целые головы овец или коз. В одном погребении голова овцы и мясо лежали в деревянном корытце. Рядом с мясной пищей почти всегда лежал железный черешковый нож с

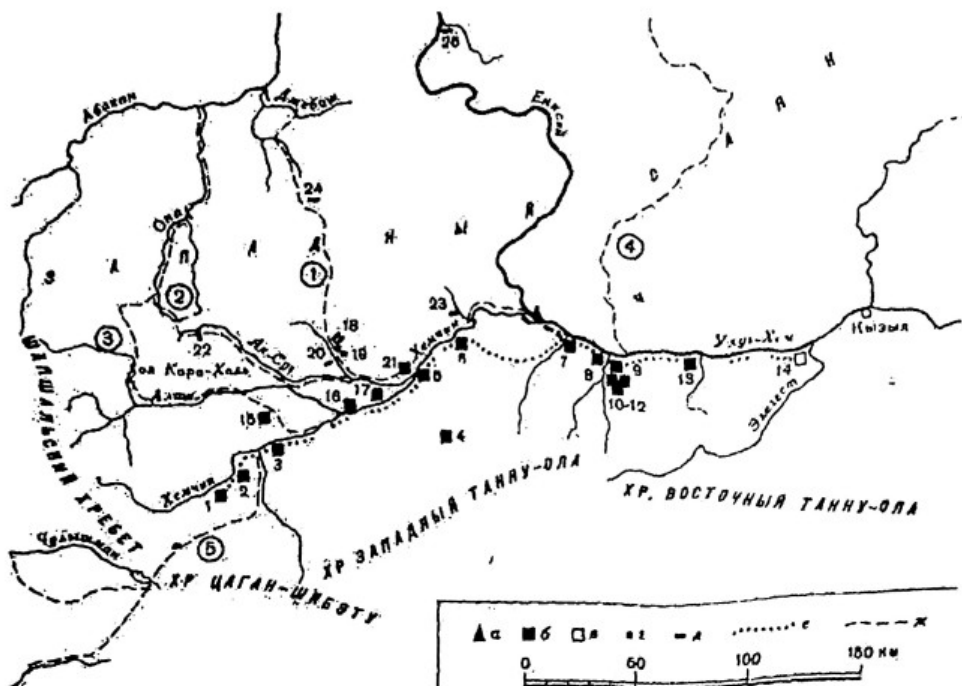
деревянной, реже костяной рукояткой. Изредка в погребениях найдены остатки деревянных чаш и узкогорлых сосудов.

В могилы женщин укладывали каменные пряслица или глиняные, сделанные из стенок сосудов или конические со штампованным орнаментом. Кроме того, обнаружены костяные игольники, стеклянные и каменные бусы, просверленные подвески, каменные ступочки с костяными просверленными пестиками для растирания красок. В насыпях женских курганов встречены погребения детей, при которых найдены бусы, мелкие просверленные косточки для ожерелий, один раз — клык медведя. Младенцев хоронили в колыбелях, от которых сохранились мочеотводные трубки, сделанные из длинных костей барана. От одежды сохранились фрагменты шелковых и шерстяных тканей, крученых шнурков, бронзовые и железные поясные пряжки. В погребениях найдены также железные скобки, гвозди со шляпками, пластины и одна бронзовая круглая бляшка со штырьком.

С оружием похоронено всего четыре мужчины, у которых вдоль правого бока найдены остатки сложных луков гуннского типа с роговыми накладками и железные и костяные черешковые наконечники стрел. Длина луков с распушенной тетивой — 1,4 м. Других предметов вооружения или снаряжения коня не обнаружено. Л. Р. Кызласов отмечает, что многие черепа погребенных посечены мечами или пробиты стрелами. У одного мужчины железный и костяной наконечники стрел застряли между ребрами, у другого в височной кости осталось отверстие, пробитое трехлопастным наконечником стрелы. Кусок черепа одного из мужчин был отсечен ударом меча, у некоторых скелетов черепа отсутствовали, по-видимому, были отрублены. Рассеченные кости ног, рук, позвоночника и др., несросшиеся кости обнаружены не только у скелетов мужчин, но также женщин и подростков. Все это, бесспорно, подтверждает письменные сообщения о частых войнах в тот период (Кызласов, 1969. С. 65–78).

Со времени появления уйгуров в Туве в середине VIII в. и особенно в 820–840 гг. борьба двух государств, разделенных Саянами, была длительной и упорной. Столкновения происходили часто, заставляя обе стороны принимать серьезные меры для защиты своих земель. Древние уйгуры соорудили целую систему крепостей и длинных стен в Центральной Туве, средневековые обитатели Минусинских степей возвели пограничные укрепления в Саянах (на реках Тебе и Голубой).

И. Л. Кызласов отмечает, что после археологического изучения средневековых укреплений Хакасии стало ясно, что в Тувинской котловине

Карта-схема караванных путей через Саяны и расположения древнеуйгурских и древнехакасских укреплений. Условные обозначения: а — местонахождение надписи; б — древнеуйгурские городища; в — древнехакасская каменная крепость; г — глинобитный бастион; д — каменная стена; е — глинобитная стена; ж — тропа через Саяны (1 — Арбаты — Манчурек, 2 — Ана — Ак-Суг, 3 — Ана — Кара-Холь — Алаш, 4 — Оя — Улуг-Хем, 5 — тропа на Алтай: Барлык — Чулышман и Багузун). Цифрами обозначены древнеуйгурские и древнехакассские городища и укрепления VIII—IX вв.: 1 — Бай-Тал; 2 — Тээли; 3 — Эльдег-Кежиг; 4 — I Бажин-Алак; 5 — I Баян-Тал; 6 — Ийме; 7 — II Бажин-Алак; 8 — V Шагонарское; 9 — I Шагонарское; 10 — II Шагонарское; 11 — III Шагонарское; 12 — IV Шагонарское; 13 — Барыкское (по Д. А. Клеменцу); 14 — Усть-Элегестское; 15 — Эдегейское; 16 — Алдан-Маалар; 17 — Бора-Тайга (или Ак-Оруу); 18 — I Манчурек; 19 — II Манчурек; 20 — III Манчурек; 21 — Устье Ак-Суга (по Д. А. Клеменцу); 22 — Верховье Ак-Суга; 23 — Ишкин (Алды-Ишкин?); 24 — Хантегир (стены по хребту и на р. Тебе); 25 — Голубая. Карта составлена И. Л. Кызласовым по данным Л. Р. Кызласова.

стены, сооруженные древними уйгурами, всегда глинобитные, а древнехакасские — всегда каменные (Кызласов И., 1979). Обследованные в 1978 г. остатки подпрямоугольной в плане каменной крепости с длиной стен 35 × 45 м на вершине горы, господствующей над пос. Усть-Элегест, он соотносит с уйгурами, и считает, что крепость, как крайний восточ-

ный пункт, входит в единую оборонительную систему уйгуров — глинобитные городища и соединяющий их вал, так называемая «дорога Чингиз-хана». Предположительно эта крепость построена в конце 30-х годов IX в., то есть в завершении периода властвования уйгуров в Туве.

Второй памятник, рассматриваемый И. Л. Кызласовым — Мугур-Саргольская каменная стена, обращенная фронтом к реке и предназначенная, с его точки зрения, для воспрепятствования высадке на берег двигавшегося по реке противника. Идущая вдоль левого берега Енисея узкая горная полка служила единственной проезжей тропой вдоль реки. На всем протяжении этой тропы ниже лога Мугур-Саргол край обрыва реки был укреплен каменной стеной, сложенной из обломков скалы и песчаниковых плит, уложенных сухой кладкой. Отрезки таких же каменных «стен» идут по кромке обрывистого левого берега Енисея под горой Хайыракан и возле устья р. Элегест. Мугур-Саргольская каменная стена сооружена, вероятно, к концу 20-х годов IX в.

Назначение этих укреплений — Мугур-Саргольской стены и стены у р. Голубой, при выходе Енисея в Хакасско-Минусинскую котловину, по мнению И. Л. Кызласова, состояло в закрытии прохода по ущелью Енисея. Мугур-Саргольская стена, вероятно, входила в комплекс препятствий, включавший и различные сооружения на замерзшем русле (бревенчатые завалы, намороженные валы и т. д.). Возможно, что стены у Голубой и Мугур-Саргола — это единая система сооружений, предназначенных для перекрытия самого короткого и удобного зимнего пути через Саяны из Тувинской котловины на средний Енисей.

3. ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ

С VI века в Минусинской котловине существовало самостоятельное кыргызское объединение. На рубеже VII–VIII вв. кыргызы, до того неоднократно подвергавшиеся нападениям и оказывавшиеся под властью соседних тюркоязычных народов, сами становятся наиболее сильными врагами тюрков. Начиная с середины VIII в. н. э. главным противником енисейских кыргызов являлся значительно усилившийся каганат уйгуров, северные границы которого проходили по территории Тувы, что подтверждается возведением единой оборонительной линии, включающей городища и, по-видимому, на наиболее «уязвимых» участках соединенные валом, т. н. «дорогой Чингисхана». Несколько городищ и участок вала «дороги» в настоящее время находятся на дне Тувинского моря.

Частые поражения кыргызов в VII–VIII вв., в то время, когда они расселялись севернее Саянских гор, были предопределены отсталостью их военной и административной системы в сравнении с государствами тюрков и уйгуров (Худяков, 1980. С. 138). Однако к IX в. кыргызы, усовершенствовавшие военную организацию, систему административной и военной власти, а также развившие свое хозяйство, стали грозным соперником и смогли вступить в борьбу с ослабевшими уйгурами за господство в Центральной Азии. Первой страной на пути двинувшихся со Среднего Енисея в южном направлении кыргызских отрядов стала Тува, к середине IX в. включенная в их новое этносоциальное образование. Это подтверждается, в первую очередь, появлением погребений под каменными сооружениями с определенным комплексом сопроводительного инвентаря, традиционно соотносимых с енисейскими кыргызами, на территориях, для которых ранее они не были свойственны. Территория Тувы, в частности Улуг-Хемская котловина, в какой-то момент оказалась в самом центре политических событий, произошедших в данном регионе.

Во время пребывания на территории Тувы основным занятием кыргызов являлось кочевое скотоводство с годичным выпасом животных. В состав стада входили мелкий и крупный рогатый скот, лошади и верблюды. Не открыты ни городские центры, известные на Среднем Енисее, ни долговременные поселения, ни производственные комплексы, ни бесспорно датируемые периодом кыргызского господства оборонительные сооружения. В тоже время в верхних слоях стоянок, исследованных в Саянском ущелье (раск. Вл. А. Семенова и С. А. Васильева), и на городище Бажын-Алаак неподалеку от устья р. Чаа-Холь (раск. С. И. Вайнштейна, А. М. Мандельштама, А. Я. Щетенко, С. С. Миняева) встречены фрагменты так называемых кыргызских ваз, что еще раз подтверждает освоение этих районов енисейскими кыргызами.

Погребальные комплексы. В общей сложности в Туве изучено 450 сооружений IX–X вв., из них 40 — конца X–XII в., и 100 эпиграфических памятников, датируемых VIII–XI вв. (Грач, Савинов, Длужневская, 1998. С. 52). Больше половины из них (237 — IX–X вв. и 20 — конца X–XII в.) обнаружено и исследовано в ходе работ СТЭАН в Центральной Туве и Саянском каньоне Енисея. Вклад экспедиции определяется не только количественным увеличением числа исследованных курганов, но и тем, что до ее работ в этом районе памятники енисейских кыргызов, за исключением стел с письменами, вообще не были известны. Кроме того, применение методики изучения наземных сооружений, разрабо-

танной М. П. Грязновым, позволило проследить многое из того, что ранее не отмечалось при раскопках разновременных памятников, в частности, при исследовании могильников кыргызского периода удалось установить последовательность возведения курганов, выявить соотношение погребальных, поминальных и меморативных комплексов, уточнить варианты сходных между собой юртообразных сооружений, вплотную подойти к реконструкции погребального обряда кыргызов в тех пределах, которые допускает его специфичность (трупосожжение).

Глубина проникновения памятников в Саянский каньон со стороны Тувы не превышает 100 км (устье р. Ус). В каньоне исследованы могильники середины IX—X в. (Хемчик-Бом II и Сарыг-Хая), обнаружены стела Ак-Кюна с тамгой на могильнике Хадынных I в 37 км ниже устья Хемчика и рунический знак-метка (?) в устье р. Ус. Хадынныхская стела, согласно нормам обычного права кочевников, устанавливает преимущество Ак-Кюна (это имя нанесено на стеле) на использование окрестных пастбищных угодий (Кляшторный, 1979, С. 597–598) и одновременно маркирует северную границу бага (феодального удела) с центром в низовьях р. Чаа-Холь (Кызласов, 1969, С. 124). Таким образом, исследования, проведенные СТЭАН, позволили расширить предполагаемые границы чаа-хольского бага: его территория охватывала по крайней мере весь условный район Центральной Тувы и Саянский каньон до устья р. Ус.

Всего в зоне затопления обнаружено 20 могильников, в составе которых имеются кыргызские сооружения. Восемь из них относятся к культуре енисейских кыргызов середины IX—X в., 11 — конца X—XII в.

Памятники енисейских кыргызов IX—X вв. в зоне затопления Тувинского моря: могильник Хадынных I со стелой в оградке; мог. Йур-Сайыр на левом берегу Улуг-Хема, в 6 км ниже устья р. Хемчик (2 стелы с тамгами, могильник не раскапывался); мог. Сарыг-Хая и Сарыг-Хая II на правом берегу Улуг-Хема, в 8 и 8,5 км ниже устья Хемчика; мог. Хемчик-Бом II на левой приустьевой террасе Хемчика; мог. Перевалка II и одно погребение на «дороге Чингисхана» близ петроглифического святилища Мугур-Саргол; мог. Сары-Гол на подъеме к одноименному перевалу (не раскапывался) и, наконец, мог. Аймырлыг II, гр. III в долине р. Чаа-Холь. Все они, кроме мог. Аймырлыг II находятся в Саянском каньоне. Мог. Каат-Ховак I — недалеко от горы Хайыракан, а мог. Дыгтыг-Чарык-Аксы II — примерно в 20 км от устья, на правом берегу р. Хемчик.

Из 11 могильников конца X—XII вв. в зоне водохранилища обнаружены и исследованы: по одному кургану в мог. Улуг-Бюк I (раск.

Г. В. Длужневской) на левом берегу и Дыттыг-Чарык-Аксы III (раск. Ю. И. Трифонова) на правом берегу Хемчика, примерно в 20 км от его устья; курган в мог. Чинге II — в начальной части Саянского каньона (раск. И. У. Самбу); также по одному кургану в мог. Ортаа-Хем II и Демир-Суг I (раск. И. У. Самбу), Алдыы-Бель I (раск. А. Д. Грача), Новый Эйлиг-Хем (раск. Г. В. Длужневской) — на правом, Кара-Тал VI (раск. Ю. И. Трифонова) и Бай-Даг (раск. С. А. Теплоухова) на левом берегу Улуг-Хема — в Центральной Туве. Совершенно особо следует рассматривать мог. Эйлиг-Хем III в долине Эйлиг-Хема, на правом берегу Улуг-Хема.

Этот могильник был первым памятником енисейских кыргызов, исследованным в 1965 г. в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС I отрядом экспедиции под руководством А. Д. Грача. Названный сначала могильником Улуг-Хорум, позже он получил иное название — Эйлиг-Хем III, по местности, где он находился — почти в самом центре долины правобережного притока Улуг-Хема — р. Эйлиг-Хем, окруженной с трех сторон горами, а четвертой — открывающейся в долину Улуг-Хема. «Улуг-Хорум» — по-тувински «большой курган», и курганы действительно были большими — диаметром от 8 до 13,5 м, высотой — от 0,75 до 1,75 м.

Комплекс состоял из 10 объектов — четырех курганов (курганы 1–4), четырех ритуальных выкладок (курганы 5–8) и двух стел с руническими надписями, установленных в оградках из вертикально врытых камней. Осенью того же года посетивший экспедицию профессор И. А. Батманов прочитал их, что называется «с листа» — прямо на месте, на вертикально установленных стелах. Никакого сомнения, что стелы имеют отношение к захороненным в курганах воинам, не могло быть. Одна из них находилась в 10 м от кургана 3, другая — на расстоянии 70 м от крайней юго-западной выкладки 6. В непосредственной близости от последней был найден фрагмент третьей стелы с тремя знаками. Следовательно, по крайней мере, три захороненных здесь человека были удостоены «установки стел»: воины, имевшие «геройское имя», ынал Багыр и ынал Айдык и еще один, имя которого осталось неизвестным.

Под наземными сооружениями были обнаружены погребения по обряду трупосожжения с разнообразным сопроводительным инвентарем: предметами вооружения (наконечники стрел, две сабли, одна из них известна как «меч Багыра», наконечники копий и детали защитного вооружения — панцирные пластины и фрагмент кольчуги), предметами снаряжения верхового коня (стремена с выделенной и невыделенной пластиной

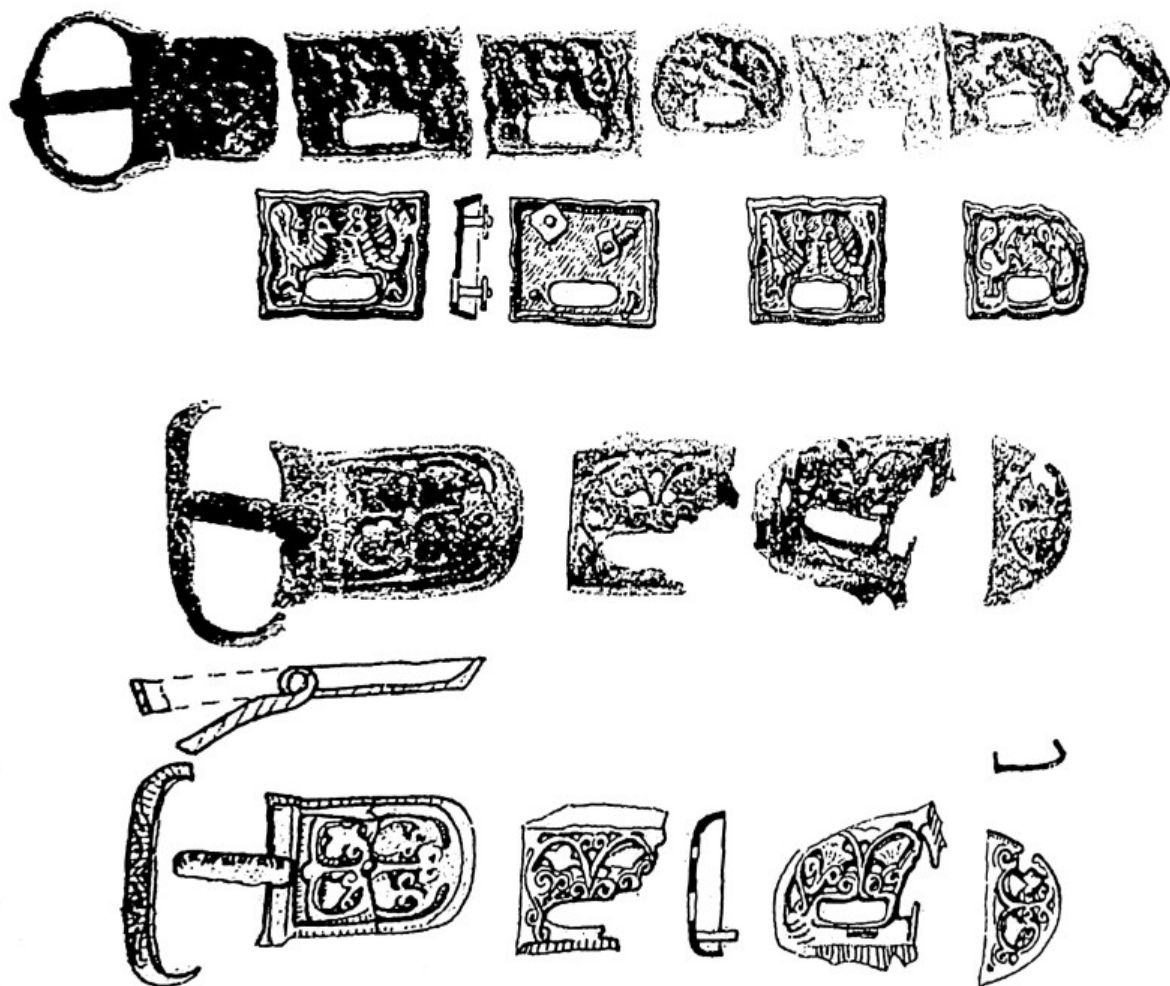
для путлища, удила и псаии различные по конструктивным особенностям и декоративному оформлению, подпружные пряжки, сбруйные наборы, выполненные из бронзы и железа), бытовыми предметами (топор-тесло, ножи, пинцеты, кресало, детали поясных наборов, серебряный сосуд) и «прикладом» (пряжки, крюки, накладки). Курганы датируются самым концом X – началом XI в. Открытие этого могильника в свое время явилось сенсацией, но опубликовать его удалось только в 1998 г., к 70-летию юбилею А. Д. Грача (Грач, Савинов, Длужневская, 1998).

Среди памятников середины IX – X в. четыре полностью раскопанных могильника — Хемчик-Бом II (раск. А. Д. Грача, Г. В. Длужневской), Сарыг-Хая (раск. Г. В. Длужневской), Аймырлыг II, группа III (раск. Б. Б. Овчинниковой) и Каат-Ховак I (раск. А. М. Мандельштама). Енисейские кыргызы середины IX – X в. для своих кладбищ выбирали скрытые межгорные котловины, на обширных площадках «прижимались» к окружающим их горам. Могильники, обычно составленные цепочками курганов, включают до 50 разнохарактерных конструкций; иногда на площади кладбищ или в непосредственной близости от них устанавливались стелы с надписями и тамгами. Наземные сооружения, в среднем до 5 м в диаметре, округлые в плане, из хорошо подобранных друг к другу камней, представляют три варианта конструкций: 1) кольцо с заполненной внутренней площадью — юртообразные сооружения (Хемчик-Бом II, Каат-Ховак I); 2) кольцо с незаполненной внутренней площадью и наклоненными к центру стенками, примерно от 0,2 м высоты от уровня древней поверхности (Сарыг-Хая, Сарыг-Хая II); 3) кольцо с незаполненной внутренней площадью и вертикальными, на высоту до 1 м, стенками (Аймырлыг II, гр. III). Остатки трупосожжения через определенное время переносились на место погребения и помещались в неглубокие ямки, иногда перекрытые каменными плитками. Детей обычно не сжигали, а хоронили по обряду труположения (мог. Сарыг-Хая II, кург. 3; погребение на «дороге Чингисхана»).

Крайне редко удается установить местонахождение погребального костра — для захороненных в ущелье Сарыг-Хая костер был устроен почти на берегу Енисея, после сожжения над ним было возведено каменное сооружение (мог. Сарыг-Хая II, кург. 2).

Найденные в этих курганах железные наконечники стрел, бронзовые бляхи от поясного набора подквадратной и полукруглой формы с прямоугольными прорезами в нижней части, а также бронзовый листовидный наконечник ремня имеют аналогии среди изделий тюркского периода. В то же время сходные с ними поясные украшения найдены, например, в

ближайшем к указанному мог. Хемчик-Бом II — в погребениях с трупосожжениями. Инвентарь погребений в Сарыг-Хая включает также крупные трехлопастные наконечники стрел с прорезями и без них, мусат-стамеску с чехлом-насадкой на рабочем конце, большой двухступчатый нож, пряжки с неподвижным соединением рамки со щитком, железные накладки на сумочку-каптаргак с изображением стоящих птиц, образованным фигурными прорезями, и листовидные поясные бляхи, прикреплявшиеся к ремню при помощи шпеньков, и блях-основ, иногда повторяющих форму главной бляхи, но без прорезей. Этот же комплекс содержит железные двусоставные удила с восьмерковидными окончаниями и эсовидными скобчатыми псалиями и железные пластинчатые стремена. Аналогичные изделия входят в состав сопроводительного инвентаря многих курганов IX–X вв., изученных в Туве и на соседних территориях.

Наборные бронзовые пояса из древнекыргызских курганов
33 и 25 могильника Хемчик-Бом II. Раскопки А.Д. Грача и Г.В. Длужневской, 1971 г

Накопленный опыт и планомерные разведки в зоне работ экспедиции дают основания утверждать, что условно выделенные районы изучены достаточно полно. Это высказывание особенно важно в отношении курганов культуры енисейских кыргызов конца X – XII в. Их размещение преимущественно на правобережье Енисея и в нижнем течении Хемчика, а также количественное соотношение с сооружениями предшествующего этапа культуры (IX–X вв.) подтверждают высказанные ранее предположения по поводу дальнейшей судьбы кыргызов в Туве (Грач, Савинов, Длужневская, 1998; История Тувы, 2001). Как уже говорилось, половина памятников этого периода изучена в процессе работ экспедиции в Центральной Туве (20 из 40).

Курганы поздних кыргызов «выходят» на открытые пространства, в центры долин, что в какой-то мере отражает стабильность положения этого народа в Туве. Обычно курганы одиночные, компактных могильников не имеется (за исключением Эйлиг-Хем III); стелы с руническими текстами и тамгами найдены в системе названного могильника и на площадках, где находились курганы Алдыпы-Бель I, Ортаа-Хем I и Демир-Суг I. Кроме тамги на алды-бельском памятнике (Малов, 1952, № 12), остальные одного типа. Развития рисунков не наблюдается: одна эйлиг-хемская тамга проще демир-сугской, хадыннхской и хемчикской, а вторая совпадает с двумя последними, хотя стелы поставлены в память о разных людях. Такое положение создает необходимость возвращения к вопросу о результативности датировки стел по тамгам и неперменной связи их с курганами, возле которых они находятся. В целом, традиция установки стел в конце X – XI в. продолжается, что сближает памятники двух этапов культуры.

Наземные сооружения представляют собой кольцевидные конструкции с незаполненной внутренней площадью, чем и объясняется наличие западины в центре, обычно видимой до раскопок. Размеры объектов конца X – XII в. больше (в среднем диаметром 8–10 м). Некоторый прототип можно видеть в сооружениях мог. Аймырлыг II, группа III — кольцевидные с вертикальными стенками и незаполненной серединой. Аймырлыг II относится к середине IX – X в., но комплекс-«клад», обнаруженный у крайних курганов, датируется уже концом этого периода (Овчинникова, Длужневская, 2000).

Остатки трупосожжений вместе с предметами сопроводительного инвентаря помещались на уровне древней дневной поверхности. Отличие изделий очевидно — вещи почти исключительно железные, иных типов (по сравнению с изделиями из курганов IX–X вв.), с иными прие-

мами орнаментации как по технике, так и по мотивам. Появляются инкрустация серебром предметов из железа и геометрический орнамент. Серии орнаментированных предметов наиболее выразительны: пряжки, крюки, петли на плоских удлинённых пластинах с рифлёными краями; подвесные наконечники с шарнирным креплением и наременные удлинённых пропорций; «тройники» — распределители ремней; обоймы, мелкие бляшки и, наконец, пластины — оковки седел. Декор покрывает поверхность бытовых предметов, но изящество техники исполнения и многообразие форм вещей производят впечатление особого богатства культуры и ее носителей. На основании анализа изделий этого периода, в том числе из раскопок экспедиции, получены уточнённые датировки, по которым кург. 1 из мог. Демир-Суг I и Улуг-Бюк I отнесены к середине XI — началу XII в.

Изученные курганы отличаются значительным своеобразием, что позволяет говорить об особом, тувинском варианте сооружений середины IX — X в. Известная по письменным источникам дата (840 г.) и отсутствие в Туве комплексов, подобных чаатасам, четко определяют нижнюю хронологическую границу этих сооружений. Сказанное тем не менее не исключает возможности более раннего проникновения кыргызов на северо-западную окраину Центральной Азии (материалы из раск. М. Х. Маннай-оола на р. Хут и мог. Калбак-Шат и др.).

Процесс формирования облика кыргызской культуры позднего этапа происходил, видимо, в Центральной Туве. Исследование могильника Эйлиг-Хем III, наиболее яркого памятника, относимого к концу X — середине XI в. (по наименованию этого могильника дано название этапу аскизской культуры) (Кызласов И., 1977. С. 15), в какой-то мере подтверждает данное предположение. Наряду с элементами культуры IX—X вв. (сконцентрированность курганов, предметы сопроводительного инвентаря) уже довольно четко проступают черты последующего этапа. Большинство поздних курганов относится к середине XI — началу XII в.; только курган на Ортаа-Хеме — к середине XII — началу XIII в. Уменьшение числа памятников в одном районе и появление абсолютно идентичных в другом неизбежно указывают на перемещение носителей культуры и его направление. Об этом уже говорилось в связи с событиями середины IX в., аналогичная ситуация в последующие века подтверждает постепенное возвращение населения в Минусинскую котловину. Отличие комплексов, особенно сопроводительного инвентаря, позволяет предполагать инокультурное вмешательство, хотя истоки его в настоящее время неясны.

Стелы с руническими надписями. В зоне затопления Саянской ГЭС, начиная с 1880-х гг., разными исследователями были обнаружены, скопированы и большей частью вывезены с берегов Улуг-Хема (Енисей) памятники рунической письменности. В 1887–1889 гг. финский востоковед, руководитель экспедиции Финского Географического общества в Южной Сибири и Монголии И. Р. Аспелин и участник этой экспедиции А. О. Гейкель обследовали стелы на плато Алдыгы-Бель (Е 12, здесь и далее — по Д. Д. Васильеву) и в окрестностях пос. Чаа-Холь (Е 14 – Е 23). Один памятник (Е 16) был вывезен А. О. Гейкелем в Гельсингфорс (ныне Хельсинки), где хранится в Национальном музее г. Хельсинки. В 1891 г. некоторые из них копировали археолог и этнограф Д. А. Клеменц и краевед В. А. Ошурков, направленный в 1892 г. от ВСОРГО обследовать известные памятники и разыскивать новые. Он вывез на плоту по Енисею в Минусинский музей один чаа-хольский памятник (Е 13); также в Минусинский музей этнографом П. Е. Островских в 1897 г. был доставлен памятник Чаа-Холь VII (Е 19). В конце XIX в. исследователи не могли предположить, что примерно через сто лет долина Улуг-Хема в Центральной Туве и Саянский каньон окажутся под водами «рукотворного» моря.

За десять лет, с 1962 по 1971 г., во время многочисленных разведок и раскопок А. Д. Грач обнаружил рунические памятники на плато Алдыгы-Бель (Е 72), где он исследовал ряд разновременных, в том числе кыргызских, курганов, в долине р. Ортаа-Хем (Е 63) близ позднекыргызского кургана, раскопки которого произвел И. У. Самбу, на могильнике Эйлиг-Хем III (Е 65 – Е 67) и в устье р. Хемчик близ могильника Хемчик-Бом II (Е 95 – Е 97). Одна из хемчикских надписей (Е 95), расположенная на скале над могильником, включала два знака и пять однотипных тамг.

Сотрудник СТЭАН, археолог и этнограф И. У. Самбу в 1970 г. нашел стелу с надписью недалеко от устья правобережного притока Енисея — р. Демир-Суг (Е 92). Красвед и автомеханик Д. Е. Евтифьев, работавший мотористом в I отряде СТЭАН, и участник первых геодезических экспедиций в зоне водохранилища С. В. Макаров обнаружили и сообщили об этом А. Д. Грачу — Беделигский валун (Е 91) и два памятника Йур-Сайыр у тропы к минеральному источнику на левом берегу Енисея, в 6 км ниже устья Хемчика (Е 93, Е 94).

В 1973 г. в Саянском каньоне, который в экспедиции было принято называть «трубой», отряд Г. В. Длужневской обследовал могильник Хадынных, отделенный от русла Енисея огромным останцом. Кыргызских

памятников в долине найти не удалось, но была обнаружена стела в небольшой оградке из вертикально установленных плит с двумя руническими знаками и тамгой. Раскопки этого сооружения осуществил Д. Д. Васильев.

Вблизи святилища Мугур-Саргол Б. Н. Пяткиным и М. А. Дзвлет, занимавшейся изучением наскальных изображений в Саянском каньоне, и тюркологом Д. Д. Васильевым найдены три наскальные надписи (Е 136, Е 140 и Е 145).

Изделия с руническими надписями — две костяные срединные накладки на лук и фрагмент зеркала находились в древнетюркских курганах могильника Аймырлыг, исследованных Б. Б. Овчинниковой.

Не удалось вывезти, то есть остались на месте обнаружения, обе стелы с плато Алдыы-Бель, по одной — с Ортаа-Хема, Йур-Сайыра и Хадынныха. Остальные, кроме, естественно, наскальных надписей, свезены в Тувинский республиканский краеведческий музей сотрудниками Тувинского музея, ТНИИЯЛИ, СТЭАН и Эпиграфической экспедиции ИВ АН СССР, начальником которой являлся Д. Д. Васильев.

Надписи в свое время исследовали И. А. Батманов, С. Г. Кляшторный и Д. Д. Васильев. Речь, в данном случае, идет не только о переводах текстов и их публикациях, но и о непосредственном участии в полевых исследованиях, обнаружении памятников и доставке их в Тувинский музей, что являлось делом не из легких. Огромные стелы надо было практически на руках «вынести» к Енисею или к тому месту, куда могла подойти машина, погрузить их в лодку или машину, чтобы перевезти в г. Кызыл. Часть пути приходилось проделывать по Енисею, затем по довольно опасным горным дорогам, и только последние 150 км составляло асфальтированное шоссе. Огромная заслуга в этом принадлежит Д. Д. Васильеву, который, начиная с 1971 г., непрестанно занимался не только разведками с целью поиска новых памятников, копированием, фотографированием, систематизацией памятников, но и их «эвакуацией» из зоны водохранилища Саянской ГЭС.

Всего в зоне водохранилища было обнаружено более 20 памятников рунической письменности — стелы, фрагменты стел, наскальные надписи, а также три предмета с руническими знаками. Все они вошли в «Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея», составленный и изданный Д. Д. Васильевым в 1983 г.

1. Е 92²⁰. Стела в долине р. Демир-Суг, правобережного притока р. Улуг-Хем, в четырехугольной каменной выкладке.

Перевод: Мое мужское имя Бег-сангун.

Я, сангун-гутук, для (своего мужского потомства (сына?)
воздвиг (этот) вечный памятник.

Солнце и луна на голубом небе я не стал ощущать.

Датировка: начало X в.

Тамга:

(Васильев, 1983. С. 35; Кляшторный, Самбу, 1971. С. 245–249)

2. Е 65. Памятник с Кара-Булуна (I). Стела к северо-востоку от пос. Эйлиг-Хем на правом берегу р. Улуг-Хем (могильник Эйлиг-Хем III, объект 10).

Перевод: Ваши сторонники, тысяча (старших) братьев (родственников)
разрушение долго ... (?)

Вы мои, сотник-ынал сподвижник

Мое геройское имя — Кара Йаш ... было ...

Тамга:

(Васильев, 1983. С. 35; Батманов, Кунаа, 1965. С. 9–10; Грач, Савинов, Длужневская, 1998. С. 9–11)

3. Е 66. Памятник с Кара-Булуна (II). Вторая стела (обломок нижней части) в 25–30 м к востоку от предыдущего памятника (могильник Эйлиг-Хем III, объект 9).

Перевод: От моей домоправительницы (матери), от вас (я отделился?)

Его геройская доблесть. Вал (лагерь, крепость, укрепление?)...

Мое геройское имя — Багыр ...

Сто богатейшей ...

Тамга:

(Васильев, 1983. С. 35; Батманов, Кунаа, 1965. С. 11–12; Грач, Савинов, Длужневская, 1998. С. 9–11)

²⁰ Здесь и далее нумерация памятников (Е...) приводится по работе: Д. Д. Васильев. Корпус тюркских памятников бассейна Енисея. Л., 1983.

4. Е 67. Фрагмент стелы с Кара-Булуна. Около памятника с Кара-Булуна (I) (могильник Эйлиг-Хем III, около объекта 9).

(Васильев, 1983. С. 35; Батманов, Кунаа, 1965. С. 13–14; Грач, Савинов, Длужневская, 1998. С. 9–11)

5. Е 12. Стела из урочища Алдыгы-Бель I на правобережном плато Улуг-Хема, в нескольких километрах ниже пос. Эйлиг-Хем могильник Алдыгы-Бель I).

Перевод: Моя тетя, мой тесть, ... герой
Чочы Бери (Волк) полководец.

Перевод С. Е. Малова (по материалам Д. А. Клеменца):

Чочук Бери (Волк) Сангун

... госпожа. Мое поле ...

... поле ...

Моя тетка, моя госпожа ...

Тамга:

(Васильев, 1983. С. 20; Батманов, Кунаа, 1965. С. 15–16; Малов, 1952. С. 35)

6. Е 72. Обломок стелы с урочища Алдыгы-Бель II в 5 м к западу от предыдущей (могильник Алдыгы-Бель I).

Перевод: Степь, увы...

Госпожа, моя пашня ...

(Васильев, 1983. С. 20; Батманов, Кунаа, 1965. С. 17–18)

7. Е 63. Стела из долины р. Ортаа-Хем, правобережного притока Улуг-Хема, напротив пос. Урбюн. В долине, с севера и запада окруженной горами Ак-Даг и Кара-Бей.

Перевода нет.

Тамга:

(Васильев, 1983. С. 34–35; Арагачи, 1963. С. 253–256)

8. (Беделигский валун). Отдельные рунические знаки.

(Васильев, 1976. С. 74)

9. Е 136. Мугур-Саргол I. Наскальная надпись на левом берегу р. Енисей, в 7 км выше устья р. Хемчик (близ петроглифического комплекса Мугур-Саргол).

2 строки, 18 знаков, тамгообразный козел древнетюркской эпохи. Дукт-енисейский: «беш» — пять, «йуз» — сто, «эр» — воин, герой. (Васильев, 1983. С. 45; Кляшторный, 1973. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, д. 484)

10. Е 140. Мугур-Саргол II. Наскальная надпись на левом берегу р. Енисей, в 2,5 км выше петроглифического комплекса Мугур-Саргол.

2 строки, рядом изображение марала и преследующего его волка.

Перевода нет.

(Васильев, 1983. С. 46; 1980. С. 193)

11. Е 145. Мугур-Саргол III. В левом боковом ответвлении ущелья, ведущего к петроглифическому комплексу Мугур-Саргол, в 1 км от него.

На валуне фрагменты 4 строк.

Перевода нет.

(Васильев, 1983. С. 47)

12. Надпись на обломке скалы в 2 км ниже урочища Мугур-Саргол (по левому берегу р. Енисей).

Перевод И. Л. Кызласова:

У тысячи героев на (реке) Ане
славу мы сумели (уничтожить).
Река Кем (Енисей). Написал Кулун.

Перевод Н. А. Баскакова:

1. Племя мое Екиз, там проживали
мы, Кем-мать путь предусмотрела (определила).
2. Знай Пять рек (Пятиречье) там
мы проживали, Кемшиг
Йолиг сам написал.

(Кызласов И. Л., 1979. С. 280; Баскаков, 1978. С. 152–154)

13. Скала Бижиктиг-Хая на правом берегу р. Улуг-Хем, около 600 м выше устья р. Хемчик.

Слово «(Э)лим» — «мой эль» (государство).

Датировка по Л. Р. Кызласову: IX–X вв.

Тамги:

(Кляшторный, 1972. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, д. 484. С. 1)

14. Петроглифо-эпиграфический комплекс в устье р. Хемчик, левобережного притока Улуг-Хема (в 18 км от начала Саянского каньона р. Енисей) (над могильником Хемчик-Бом II)

Е 95. Хемчик-Бом I. Надпись на скале над могильником: слово «кут» — «дух, душа; счастье, благодать, религиозное воздаяние».

Тамги:

3 шт. 2 шт.

(Васильев, 1983. С. 41; Кляшторный, 1972. С. 28; 1973. С. 228–331)

Е 96. Хемчик-Бом II. Стела в квадратной каменной оградке в 150 м к юго-востоку от могильника Хемчик-Бом II (IX–X вв.):

Перевод: Я, Бег-Эльчи, среди (своих) друзей я не наслаждался
общением с мужами-героями и женами,
я не наслаждался (общением) с моими детьми и моими бегами
В свои двадцать лет я был проколот (копьем)
насквозь. Я не наслаждался (общением) со своими родичами,
своими мужами-героями.
Со своими старшими сестрами (тетками?)
я расстался ... был ...

На боковой грани:

Вразумляй (этим)!

Датировка: вторая пол. IX–X вв.

(Васильев, 1983. С. 41; Кляшторный, 1972. С. 28; 1973. С. 228–331)

Е 97. Хемчик-Бом III. Обломок стелы вблизи предыдущей (Хемчик-Бом II).

... я расстался, не наслаждался ...
... с моими товарищами ...
... с моими княжнами я расстался ...

(Васильев, 1983. С. 41–42; Кляшторный, 1972. С. 28; 1973. С. 228–331)

15. Стелы в долине Йур-Сайыр в цепочке курганов, облик которых близок IX–X вв. В 6 км ниже устья р. Хемчик по левому берегу Енисея, в 4,2 км от берега Енисея.

Е 93. I. Тамга и знак «эр» — муж (имеющий тамгу).

(Васильев, 1983. С. 41; Васильев, Кляшторный, 1973. С. 105–110)

Е 94. II. Ты водил войска, побеждал! (?)

ю. ст.: Молодого Эш Ача я заставил склониться (подчиниться).

На (небе) солнце и луну (перестал ощущать).

Горные леса ... горные вершины я ...

ю.-з. ст.: ... радость ... тебе дал (?)

Герой — муж, бег (тамги)

(Васильев, 1983. С. 41; Васильев, Кляшторный, 1973. С. 105–110)

16. Стела на могильнике Сарыг-Хая. Без знаков. По могильнику датируется IX–X вв.

(Длужневская, 1978. С. 225)

17. Е 107. Стела на могильнике Хадынных. К юго-востоку от кургана.

4 знака — имя «Ак-Кюн».

Датировка: IX–X вв.

Тамга:

(Васильев, 1983. С. 43; Длужневская, 1974. С. 199; Кляшторный, 1973. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, д. 484)

18. Хереме-Бек-бажы. Левый берег Енисея, в 1 км выше устья р. Ус — 1 рунический знак.

(Кляшторный, 1973. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, д. 484)

19. Е 141, Е 142. Накладки лука из могильника Аймырлыг.

Две костяные срединные накладки 16,5 × 2,5 см и 16,5 × 2,5 см. Обнаружены в тюркском погребении, исследованном Б. Б. Овчинниковой.

Перевод нест.

(Овчинникова, 1981. С. 133–134)

20. В 1974 г. Д. Д. Васильев совершил маршрут вверх по долине р. Чинге.

На прибрежных скалах он обнаружил руноподобные знаки и тамги чаа-хольского типа. Кроме того, на расстоянии 10 км от устья был найден олений камень, вторично использованный для нанесения тамг. Новые типы тамг зафиксированы на правом берегу Улуг-Хема напротив долины Карабей (Васильев, 1975. С. 192).

Таким образом, благодаря открытиям СТЭАН, Центральная Тува (Улуг-Хемская котловина) может считаться вторым по степени изученности (после Минусинской котловины) районом древней культуры и государственности енисейских кыргызов.

4. МОНГОЛЫ

Курганы с погребениями монгольского периода открыты СТЭАН в Саянском каньоне р. Енисей — в могильниках Хемчик-Бом VI, Сарыг-Хая, Сарыг-Хая III (раск. Г. В. Длужневской). В Тувинской котловине исследованы два кургана в могильнике Аймырлыг II (раск. Б. Б. Овчинниковой) и впускные погребения: в кургане кыргызского периода в могильнике Новый Эйлиг-Хем (раск. Г. В. Длужневской) и в кургане монгун-тайгинского типа в могильнике Куйлуг-Хем II (раск. А. Д. Грача). К монгольскому периоду относятся также буддийская ниша Чурумал-Бурханнг в горе Сюме (XIII–XIV вв.) и курган, расположенный в непосредственной близости от нее в могильнике Урбюн I, исследованный в 1965 г. IV отрядом СТЭАН (раск. Д. Г. Савинова). Кроме того, следует отметить фрагменты грубой шершавой керамики, обнаруженные в верхних слоях стоянок Тоора-Даш, Хадынных I, II, Хем-Теректыг, Ханныкское займище вместе с костями овцы, козы, лошади, коровы и верблюда (Семенов Вл. А., 1992). Возможно находки такой керамики связаны с продвижением монголов вглубь Саянского каньона и маркируют места их кратковременного обитания.

До начала работ СТЭАН в Туве было известно 24 погребения монгольского периода: кладбище с погребениями по обряду трупосожжения в северной части Межегейского городища; погребения по обряду трупоположения на горизонте, обычно одиночные и с малым количеством инвентаря; каменные курганы с одиночными погребениями в ямах, в которых были найдены типичные для XIV–XV вв. стремена с отверстием для путлица в уплощенной дужке и золотые бляхи уздечного набора. Кроме того, открыты и изучены мусульманские погребения на кладбище торговой фактории Саадак-Терек на р. Хемчик и на кладбище у мавзолея в мусульманском квартале Элегестского городища (Кызласов, 1969. С. 160–163).

В Центральной Туве в 1956–1962 гг. Л. Р. Кызласов открыл и исследовал остатки шести городов и двух поселений. Городища Дён-Терек (30 га), Оймак (40 га), Межегейское (42 га), Могойское (11 га), Элегестское (37,5 га), Эртине-Булакское (44 га), земледельческий хутор близ дер. Сосновки и шахтерский поселок на старых Межегейских угольных шахтах (Кызласов, 1969. С. 140).

Улуг-Хемский и Чаа-Хольский районы современной Тувы, расположенные по течению Улуг-Хема, в XIII–XIV вв. образовывали округ Кяньчжоу, то есть «Енисейский округ», получивший свое название по

имени реки. «От Великой столицы (Пекина) она находится на расстоянии 9000 ли, к юго-востоку от цзилицзисы и к юго-западу от реки Кянь, к северу от хребта Танлу. В этой местности живет несколько тысяч семей, главным образом монголов и уйгур. Есть несколько ремесленных мастерских, поскольку при основании династии были переселены туда китайцы. Земли Кяньчжоу плодородны и годны для земледелия. Летом сеют и осенью хлеба вызревают, не требуя тщательной прополки и взрыхления почвы» (Кычанов, 1963. С. 60).

Обратимся к памятникам открытым непосредственно в период работы СТЭАН.

В степной части зоны водохранилища в могильнике Куйлуг-Хем II, близ скалы Улуг-Хая, в наземном сооружении кургана монгун-тайгинского типа было обнаружено впускное погребение, находившееся около камеры из плит и валунов с основным захоронением. Костяк истлел настолько, что установить его положение и ориентировку не удалось. Инвентарь составляли 6 плоских черешковых наконечников стрел типа срезней (т. н. джучидских), остатки железной двузубой вилки, бронзовое седельное кольцо на железной скрепе, два железных черешковых ножа и 6 цилиндрических пастовых бусин светло-серого цвета (Грач В. А. 1975. С. 219–221).

В могильнике Аймырлыг 2 исследованы два кургана, представлявшие собой невысокие округлые каменные насыпи, под которыми в неглубоких грунтовых ямах находились одиночные погребения. В одном из них (Аймырлыг 2-I-1) женщина 55–60 лет была положена на выкладке из мелких камней, вытянуто на спине, головой на юго-восток. Голова лежала на берестяной «подстилке», скрепленной железными скобками, а по краям — железными удлиненными оковками. Этой «подстилкой» несомненно являлось седло. В ногах погребенной также лежали куски бересты и череп козла. Сопроводительный инвентарь представлен стременами с широкой подножкой и заостренным кверху утолщением дужки, без петли для подвешивания. Наконечники стрел представляли собой «джучидские» срезни, широкие, черешковые, с упором для древка, и с пером в виде узкой, расширяющейся кверху части с острием прямоугольной формы. Кроме того, в могильной яме было найдено тесло.

В 50 м от данного погребения исследовано второе захоронение (А 2-II-10). Оно было сильно ограблено, костяк практически отсутствовал, также как и сопроводительный инвентарь. Останки погребенного (две большие берцовые кости) сохранились на дне могильной ямы, на глубине 0,7 м: человек лежал, по-видимому, вытянуто на спине, головой

на юго-запад. У берцовых костей находились железные стремена. Одно из них — с разрушенной верхней частью и овальной пластинчатой подножкой, у другого, наоборот, сохранилась верхняя часть с овальным отверстием для путлища, пробитым в уплощенной дужке. Находки позволили автору раскопок Б. Б. Овчинниковой датировать погребения XIII–XIV вв. (Овчинникова, 1987. С. 34–39).

Уникально погребение, исследованное также в могильнике Аймырлыг (А 1-V-4), которое Б. Б. Овчинникова датирует XVI–XVII вв. (Овчинникова, 1987. С. 39–46). Под каменным овальным наземным сооружением здесь была обнаружена яма Т-образной формы, в узкой части которой на глубине 0,6 м находился погребенный подросток — мальчик 13–14 лет. Он был положен вытянуто на спине, с согнутыми в локтях руками, головой на северо-восток. В широкой части ямы в ногах подростка обнаружены костяки коня и барана, захороненных с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Голова подростка лежала на «подушке», представлявшей собой остатки деревянного седла с кожаной обшивкой. Рядом с ним зафиксированы обломки железной миски, железные пряжка и кольчатые удила. Под черепом обнаружены непарные железные стремена, одно из которых — с широкой плоской подножкой и отверстием для путлища в уплощенной дужке, второе — с петлеобразной дужкой. На правой ключице — четыре металлические пуговицы с ушками. Кроме того, на погребенном сохранились остатки кожаного пояса с двумя бронзовыми орнаментированными пряжками по краям (с изображениями «дракончика» на щитках) и десятью круглыми бронзовыми накладными бляхами. Пряжки инкрустированы позолотой по бронзе. Около пояса — железный крючок, видимо, для подвешивания колчана. Около правой берцовой кости лежало шесть железных наконечников стрел.

В Саянском каньоне в могильнике Хемчик-Бом VI, на высокой левой террасе р. Хемчик, в 1 км от впадения ее в Улуг-Хем, были раскопаны два каменных сооружения овальной в плане формы, вытянутых по длине с северо-востока на юго-запад (3,5 × 2,7 и 2,8 × 2,3 м), в центре которых находились каменные стелы высотой до 0,8 м. Курганы вплотную примыкали друг к другу, но имели собственные наземные сооружения в 2–4 слоя из плохо подогнанных камней. Отметим, что для возведения одной из стенок были использованы крупные камни, скатившиеся с возвышающейся над могильником скалы. Такая же особенность кладки сооружения прослежена на могильниках в ущелье Сарыг-Хая.

Внутренняя площадь сооружений была заложена плитками, при оседании заполнения могильной ямы слегка сползшими вниз. Погребения по обряду труположения совершены в неглубоких ямах (до 1,1 м) подпрямоугольной формы со скругленными углами, вытянутых по длинной оси кладок. Торцы ямы с захоронением взрослого человека ограничены двумя вертикально установленными камнями. Умершие лежали вытянуто на спине. Руки взрослого человека, вероятно женщины, слегка согнуты в локтях и кисти находились на тазовых костях. Ориентировка — головой на ССВ. Погребение не потревожено, хотя растащенные грызунами мелкие кости и мелкие предметы найдены на разных уровнях и в разных местах могильной ямы. Погребенный ребенок ориентирован головой на В, но его захоронение сильно потревожено и, скорее всего, также грызунами.

Сопроводительный инвентарь обнаружен только в погребении взрослого человека. Его составляли железные предметы конского снаряжения. Двусоставные удила с большими кольцами были положены на камень за головой погребенного. Два непарных стремени с отверстием для путлища в дужке с различным оформлением ее верхней части (треугольным и слегка выступающим прямоугольным) имели полукруглые подножки и были положены слева у головы человека. Крупная подпружная пряжка подпрямоугольной формы с язычком также находилась у торцового камня, недалеко от удил. Три железных наременных наконечника из сбруйного набора лежали в разных местах ямы, как на торцовых камнях за головой, так и на ребрах человека, и справа от него — они явно были смещены со своего места. В погребении также найдены голубая и светло-желтая пастовые бусины. Фрагмент бересты за головой, вероятно, представляет остатки седла (Грач В. А., Длужневская, 1973. С. 205; Грач В. А., 1975. С. 219–226). На основании формы и, в основном, деталей оформления стремян, имеющих аналогии в древнерусских памятниках и в кочевнических могильниках южнорусских степей, В. А. Грач предложил датировать эти погребения серединой XIII в. (Грач В. А., 1975. С. 226).

Еще ниже по течению Улуг-Хема в Саянском каньоне, на правом берегу реки в 8 км от устья р. Хемчик, в могильнике Сарыг-Хая в 1975 г. Г. В. Длужневской исследован курган, расположенный к западу от кыргызского могильника, на более высокой площадке. После разборки слегка вытянутого с севера на юг каменного сооружения (6,2 × 5,8 м) выявлена его первоначальная основа — округлой в плане формы диаметром 3,6 м, высотой — 0,3 м. Сооружение представляло собой цилиндричес-

кую постройку, западная стенка которой образована четырьмя вертикально установленными массивными камнями, остальные сложены в 2–3 слоя из плохо подогнанных друг к другу камней средней величины. Грунтовая могильная яма, отмеченная просевшими в нее камнями, занимала северную половину сооружения. Яма подпрямоугольной со скругленными углами формы вытянута с северо-запада на юго-восток (2,6 × 1,4 м) и имела глубину около 1 м (до колоды — 0,9 м, до дна ямы — 1,06 м). В яме находилось погребение человека, совершенное в колоде, выдолбленной из цельного ствола дерева, скорее всего, тополя. Для ее изготовления было использовано $\frac{3}{4}$ тулова дерева. Перекрытие колоды состояло из трех деревянных плах, уложенных по длине, сильно просевших и даже спрессовавшихся с костями человека. Колода и ее перекрытие изнутри были обтянуты темной тканью. На ткань внутри колоды были нашиты орнаментальные полосы из белого шнура.

Погребенная женщина лежала вытянута на спине, головой на восток с небольшим отклонением к югу. На голове умершей была надета берестяная бокка, слева от которой находился железный стержень. У правого уха найдена белая пастовая сферическая бусина с остатками шнурка в отверстии; справа, у бедренной кости — железный нож. Бокка — исключительно редкая находка — сделанная из одного слоя бересты, составлена из трех частей — нижней цилиндрической (выс. 16 см), средней конусовидной (выс. 20 см) и верхней, также конусовидной, закрывавшей бокку сверху. Средняя часть бокки надета на цилиндрическую расширением кверху. Верхняя часть бокки была пришита к ее средней части. По вертикали отдельные детали бокки не сшиты, а состыкованы с задней стороны внахлест. В ногах на колоду были положены седло, два железных стремена с пробитыми в дужке отверстиями для путлища, кожаная узда с украшавшими ее железными бляшками (кожа совершенно истлела). Около левого плеча, на колоде обнаружена половина железных удил с большим кольцом (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, оп. 1, 1975 г., д. 116; НА, ФА, отп. О.3089/94–102).

В 1982–1983 гг. исследования в урочище Сарыг-Хая были продолжены. Примерно в 200 м выше по течению Улуг-Хема могильника Сарыг-Хая, на площадке, ограниченной с северной стороны скальным выходом, обнаружен памятник, получивший наименование Сарыг-Хая III. Могильник включал три однотипных каменных сооружения, вытянутых цепочкой по линии юго-восток — северо-запад.

Курган 1 представлял собой каменное кольцо диаметром 3,8 м, высотой около 0,4 м. Сооружение сложено из плохо подобранных друг к дру-

гу камней, уложенных в 2-3 слоя. Часть западной стенки, как и на других исследованных памятниках монгольского периода, образована крупными камнями. Внутренняя площадь, за исключением юго-восточной части, была свободна от камней. Первоначальное сооружение — овалной в плане формы (3,8 × 3,5 м). Среди камней в юго-восточной части, являвшихся верхним ярусом заполнения могильной ямы, обнаружена половина нижней челюсти лошади. Грунтовая яма подпрямоугольной со скругленными углами формы, вытянутая по линии север-юг (2,0 × 1,6 м, глубина 0,7 м), до половины была заполнена камнями, видимо, положенными на деревянные плашки, перекрывавшие ее в меридиональном направлении. На дне ямы расчищены останки двух мужчин, погребенных по обряду труположения. Они лежали вытянуто на спине, головой на юг. Правая рука человека (скелет 1), захороненного слева, слегка согнута в локте и отведена в сторону. Голова второго человека (скелет 2) была положена на использованное в качестве «подушки» седло, от которого сохранились остатки деревянной основы.

В погребении обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь. Между черепами, около остатков седла находились железные двусоставные удила с кольчатыми псалиями и наременные бляхи и наконечники — украшения узды. Справа у черепа скелета 1 найден роговой язычок пряжки, в области таза — железные пряжка и обойма. Видимо, к поясу были подвешены топор-тесло на деревянной рукояти и железный черешковый нож. Около скелета 2 вдоль левой руки лежал берестяной колчан длиной 65 см с 8 железными черешковыми плоскими наконечниками стрел. 5 наконечников стрел находились вне его, слева у головы погребенного. На колчане найдены срединная костяная накладка на лук и обломок кости с отверстием, вероятно, деталь его крепления. В области грудной клетки и правой подвздошной кости обнаружены железные пряжки, к поясу слева были подвешены железные ножи, один с остатками рукоятки из бересты; у тазовых костей слева находились железное скобчатое кресало и накладка с двумя заостренными концами. В ногах погребенных были положены шкура домашней козы (обнаружены череп и остатки 4 ног с копытцами) и железные двусоставные удила с кольчатыми псалиями (НА, РА. Ф. 35, оп. 1, 1982 г., д. 126; НА, ФА, отп. О.3374/59-73).

Раскопки могильника Сарыг-Хая III были завершены в 1983 г. Было исследовано два кургана, округлой в плане формы (диаметром 4,8 м и 2,5 м). Курган 2 — цилиндрическая постройка высотой около 1 м, курган 3 — двуслойное кольцевидное сооружение высотой 0,3 м.

И здесь — западная стенка кургана 2 была ограничена крупными, вертикально установленными камнями. Погребения мужчины в кургане 2 и подростка в кургане 3 совершены в грунтовых ямах, на спине, головой на юг (мужчина) и восток (подросток). Слева от одного и другого находилось по берестяному колчану с железными плоскими наконечниками стрел (в первом случае — 19, во втором — 8); при каждом — по железному ножу и поясной пряжке. В могиле мужчины найден крюк с зооморфным окончанием, в могиле подростка — железный топор-тесло. Голова мужчины покоилась на седле, около которого находились железные стремена, удила с кольчатыми псалиями, уздечные украшения (Длужневская, 1985. С. 201–202).

Погребения монголов в Саянском каньоне достаточно однотипны — это погребения хорошо вооруженных мужчин-воинов и подростков с сопроводительным захоронением предметов снаряжения верхового коня, погребения детей и женщины, определенно обладавшей особым статусом. Особенности инвентаря позволяют датировать все погребения открытые в Саянском каньоне концом XII — началом XIII в.

Очевидно, к этому же времени относится погребение по обряду трупопосожжения, исследованное Д. Г. Савиновым в 1965 г. (могильник Урбюн I) в долине Карабей, на левом берегу Улуг-Хема, примерно в 10 км от начала Саянского каньона. Сейчас это место залито Тувинским морем, но к весне, когда море «срабатывается», буддийская ниша, находящаяся в непосредственной близости от могильника, «появляется» из-под воды.

Курган представлял собой развал юртообразного сооружения из уложенных горизонтально плит (диаметром 6 м и высотой 0,5–0,6 м). Внутри сооружения на уровне древней поверхности было расчищено кострище размером 2,8 × 1,8 м и мощностью около 0,2 м, содержавшее угли, золу, капли расплавленного металла и мелкие кальцинированные кости. В западной части располагался скелет лошади, лежавшей с подогнутыми ногами, головой на СЗ.

Посередине кострища находились спекшиеся в огне погребального костра предметы конского снаряжения: железные оковки и канты лук и полок седла, два овальных стремена с отверстиями в дужке, два седельных кольца с «S»-видной прокладкой, 10 целых и в обломках сбруйных подвесных пятиугольных блях со шпеньками и начельник в виде трубочки на фигурной пластине с заклепками. Здесь же найдены топор-тесло, крюк с зооморфным окончанием, 9 наконечников стрел (8 плоских ромбических и в виде срезней, один уплощенный вытянуто-ромбической

формы). В восточной части кострища в специальной выкладке из плоских плиток находился «тайник» с серебряными вещами; среди них фрагмент пряжки с неподвижным язычком, крюк от колчана, две плоские ременные накладки со шпеньками, сильно оплавленная крыловидная бляшка с отверстиями для крепления и кубок на коническом поддоне, по нижнему краю которого проходит позолоченный фриз с орнаментом в виде виноградной лозы. В восточной поле кургана под камнем было найдено кольцо с несомкнутыми концами, сделанное из узкой свинцовой пластинки с серебряной обкладкой, на которой также нанесен растительный орнамент.

Обряд погребения — трупосожжение и наличие «тайника» — связывает этот памятник с енисейскими кыргызами. Интересная особенность данного погребения — сопроводительное захоронение коня, обычно не встречающееся в кыргызских погребениях. Не столь богатое погребение по обряду трупосожжения с «тайником» было исследовано в Саянском каньоне на могильнике Сарыг-Хая II. Урбюнский и сарыг-хаинский комплексы сближает наличие мощного кострища. На Сарыг-Хая II наземное сооружение было сложено поверх кострища, содержавшего необычно большое количество кальцинированных костей. На Урбюне кострище было заключено внутри наземного сооружения. По этнографическим данным, приблизительно такого размера — $2,8 \times 1,8$ м — складывался костер для совершения обряда сожжения человека. Вероятно в этих двух случаях удалось зафиксировать место погребального костра, обычно остающееся неизвестным, поскольку остатки костра (угли, зола, кальцинированные кости, отдельные вещи) после сожжения на стороне переносили на место кладбища, где сооружали курган. Судя по вещевому комплексу, здесь был похоронен один человек. Набор предметов наиболее близок изделиям в могильниках у дер. Быстрая (центральная Хакасия) и Часовенная гора (район совр. Красноярск). Датировка погребения в кургане на могильнике Урбюн I — конец XII – первая половина XIII в. (Савинов, 1973. С. 218–221; 1990).

XIII в. был весьма беспокойным в верховьях Енисея; бурные события, связанные с завоеванием монголами новых территорий, продолжались в течение всего столетия. В 1207 г., согласно сведениям из хроники 1240 г. «Тайная история монголов», огромная армия под командованием старшего сына Чингисхана Джучи (1184–1226) покорила «лесные народы», отданные под его управление. Через десять лет (в 1217 и 1218 г.) последовали восстания туматов против монголов. Чингисхан приказал кыргызам подавить восстание, но те отказались. Тогда

на подавление туматов двинулся Джучи-хан со своей основной армией. Зимой, перейдя по льду через реку Селенгу, он покорил туматов, а затем повернул на запад к притоку Енисея реке Ус. Дойдя до Енисея, монголы прошли вниз по его течению и силой подчинили киргизов. Таким образом, территория Тувинской котловины и Саянский каньон оказались в центре военных событий, связанных с широкой северной экспансией монголов.

В середине XIII в. все Саяно-Алтайское нагорье, как и Монголия, вошло во владения монгольской династии Юань (1260–1368), основанной Хубилаем. В 70-х гг. XIII в. против Хубилая выступил внук Угэдэя Хайду, под контролем которого находился район, заселенный киргизами. Хайду был ранен и погиб в этой междоусобной войне. В 1273 г. киргизы восстали, после их подавления часть киргизов была отселена в Маньчжурию. В 1292 г. полководцу кипчаков Тутухе было приказано еще раз привести в покорность енисейских киргизов. Зимой 1292–1293 гг. его корпус дошел до Енисея и, двигаясь по льду замерзшей реки в течение нескольких дней, дошел до границ владений киргизов и покорил их. 700 семей киргизов были переселены, и какая-то группа их оказалась поселенной у города Чжаочжоу (совр. г. Цицикар в Маньчжурии). В 1295 г. еще одна группа киргизов была переселена с Алтая (горы Цзиньшань) в Шаньдун. Очевидно, они также стали военнопоселенцами, так как им выдали землю для обработки, быков для пахоты и семена для посева. Так все киргизы оказались в разное время в подчинении у монголов. 1293 г., связанный с походом Тутухи, можно считать годом окончательной гибели государства енисейских киргизов.

Памятники, исследованные в Саянском каньоне Енисея, относятся, скорее всего, к начальному периоду завоевания Тувы монголами. Трудно представить, что это могли быть значительные группы населения. По-видимому, это были небольшие сторожевые отряды, предназначенные для обеспечения спокойствия во вновь обретенных областях Монгольской империи.

О том же рассказывает придворный историк первых чингизидов Рашид-ад-дин. В 1199 г. после разгрома монголами Буюрук-хан, «государь» найманов, «обращенный в бегство, ушел в местность Кэм-Кэмджиут (Хем и Хемчик — Г. Д., Д. С.), принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 113), т. е. в Туву. По Рашид-ад-дину, «Киргиз» (вероятно, Минусинская котловина — Г. Д., Д. С.) и «Кэм-Кэмджиут» — «две смежные друг с дру-

гом области, обе они составляют одно владение, но имеют своих правителей» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 150–151). Образование двух отдельных областей в пределах прежних владений енисейских кыргызов, скорее всего, соответствует времени появления могильника Эйлиг-Хем III в Центральной Туве (Грач, Савинов, Длужневская, 1998), а первое проникновение монголов Джучи в Саянский каньон Енисея, вероятно, отмечено погребениями в ущелье Сарыг-Хая. Так создается археологическая версия раннесредневековой истории Тувы, воссоздание которой во многом стало возможным благодаря полевым исследованиям Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР на дне будущего Тувинского моря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга о памятниках древней культуры республики Тыва, находящих ныне на дне Тувинского моря, написана. Мы рассказали об истории изучения Центрально-Тувинской котловины, начиная с XVII в. (от первых походов сибирских казаков до исследований А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова), об организации Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, первым шагом к которой явилась разведка 1962 года, аэроразведке, проведенной в 1965–1969 гг. под руководством А. Д. Грача, организатора СТЭАН и ее начальника до 1973 г., когда в силу разных обстоятельств, о которых не хочется говорить, Грач был уволен из Института и руководителем назначен С. Н. Астахов. Под его началом экспедиция работала до самого конца ее деятельности в 1984 г.

Мы рассказали об исследованиях Саяно-Тувинской экспедиции в степной части зоны водохранилища; памятниках, открытых в течение 20 лет, и том огромном научном вкладе, который был сделан сотрудниками СТЭАН в историю древней Тувы.

Едва ли не главным «открытием» СТЭАН можно считать обнаружение и изучение памятников в Саянском каньоне Енисея, который в экспедиции называли «трубой». Каньон был «покорен», пройден от его начала — долины Карабей до плотины, перегородившей Енисей в Карловом створе, близ пос. Майна, по другую сторону Саян. В 1965 г. это сделал С. Н. Астахов, в начале сезона 1971 г. — он повел на ГЭС флотилию из трех лодок (он сам, А. Д. Грач и Я. А. Шер). А. Д. возвращался на устье Хемчика, где стоял I отряд СТЭАН, 7 июля и перевернулся на выходе из Большого Порога. В конце концов, этот проход Порога стоил А. Д. Грачу жизни ... (Длужневская, 1998. С. 78–79). Через десять дней с Майны возвращались С. Н. Астахов и Я. А. Шер. Лодка Шера перевернулась еще в подпорожице, что также довольно дорого стоило Я. А. — вскоре он был уволен из ЛОИА. Осенью того же года А. Д. повторил «поход» на Большой Порог, взяв с собой всех оставшихся в поле сотрудников своего отряда. Тогда мы увидели Порог впервые и были потрясены его мощью. Тогда же мы познакомились с «хозяином (или хранителем) Порога» — А. Г. Сухомятовым-«Парей-Блямбой», ставшим нашим другом и помощником «на всю оставшуюся жизнь». Вообще, немногочисленное

«население» каньона (егеря образованного в конце 1970-х гг. Саяно-Шушенского заповедника, геодезисты с ГЭС и многие-многие другие), жители Шагонара и Чаа-Холя, бывавшие в «трубе», относились к нам «по-отечески», подкармливали нас, выручали бензином и плавсредствами, если у нас барахлил мотор, и т. п. В этом немалая заслуга и «школа» Александра Даниловича.

В каньоне после 1968 г., когда туда «переселился» головной отряд А. Д. Грача, постоянно работали отряды С. Н. Астахова, И. У. Самбу, группы (потом отряды) М. А. Дэвлет, Г. В. Длужневской, Вл. А. Семенова. Это было вызвано необходимостью исследовать памятники этого участка зоны, поскольку именно каньон должен был в первую очередь наполнен водой Енисея, на пути которого «вырастала» Саяно-Шушенская ГЭС с постоянно поднимавшимся все выше и выше огромным портретом В. И. Ленина.

С. Н. Астахов, главный исследователь палеолита в экспедиции, открывший для науки больше сотни памятников, в том числе и древнего палеолита, давно уже доктор исторических наук и Заслуженный деятель науки и культуры Тувинской республики, бесстрашный исследователь глубин каньона, сотрудник СТЭАН «первого призыва».

И. У. Самбу, Саша Самбу, ставший в 1965 г. заместителем начальника экспедиции, тувинский археолог и этнограф, кандидат исторических наук, тоже сотрудник СТЭАН «первого призыва». Он вел самостоятельные археологические раскопки с 1966 г. Два Саша (Грач и Самбу), с небольшими перерывами, работали вместе с 1954 г. (Самбу, 1998. С. 48–53).

В отряде И. У. Самбу в течение четырех сезонов работал Сережа Шойгу (Сергей Кужугетович Шойгу — министр МЧС). В нынешнем 2007 г. на оз. Тере-Холь в городе-крепости Пор-Бажын начаты раскопки этого памятника. Идея проекта принадлежит С. К. Шойгу, а организация экспедиции в чем-то напоминает СТЭАН, в рамках которой существовал молодежный лагерь «Аныяк Тыва»-«Молодая Тува». В Пор-Бажыне в раскопках принимают участие студенты разных российских ВУЗов; в СТЭАН, в основном, работали тувинские школьники, но отряды всегда были интернациональными и включали студентов из Москвы и Ленинграда. Когда в 1995 г. мы были в Туве, фотовыставку в Музее им. Алдан-Маадыр, посвященную 30-летию Саяно-Тувинской экспедиции, посетили многие из бывших школьников. На глазах у них (и у нас тоже) были слезы — и радости от встречи, и печали от потерь ...

Нельзя не вспомнить Тамару Чашоловну Норбу, в те годы председателя Тувинского облсовпрофа. Ее вклад в деятельность СТЭАН, начиная с 1968 г., «послестэановскую» судьбу Александра Даниловича и науку — археологию — лучше всего описан ею самой (Т. Ч. Норбу. Монолог длиной в жизнь. Кызыл, 2006. С. 184–200). Лагерь «Аныяк Тува» был организован при ее помощи; она постоянно поддерживала А. Д. Грача, приезжала в экспедицию, когда он уже работал в других учреждениях; увлекшись археологией, вместе с Грачом и самостоятельно вела раскопки разновременных памятников.

Михаил Александрович Петухов (Князь), архитектор, художник, работал с А. Д. Грачом еще в Красноярской экспедиции в 1962–1963 гг. Они вместе «изобретали», как привезти в Эрмитаж саглынский сруб, чтобы потом его можно было восстановить и экспонировать. Во время исследований Улуг-Хорума в Саглах М. А. придумал «беспроволочный телеграф» — метод устройства бесшнуровой (мнимой) координатной сетки для выполнения графических работ на крупных археологических объектах. Эта статья должна была войти в I том трудов СТЭАН. С некоторыми перерывами он принимал участие в работах СТЭАН и тогда, когда начальником экспедиции стал С. Н. Астахов.

В руководящий состав СТЭАН в 1965 г., помимо А. Д. Грача, И. У. Самбу и С. Н. Астахова, вошли А. М. Мандельштам, долго работавший в Средней Азии и приглашенный А. Д. для исследования средневековых городищ; недавние выпускники кафедры археологии ЛГУ Д. Г. Савинов и Ю. И. Трифонов, право которых руководить отрядами в новой экспедиции А. Д. пришлось решительно отстаивать в ЛОИА. Одним из отрядов руководил М. Х. Маннай-оол, археолог, сотрудник ТНИИЯЛИ, бывший в разведке с Грачом в 1954 г., о чем пишет И. У. Самбу (Самбу, 1998. С. 48). Несмотря на убежденность А. Д., что «ни одна женщина не будет руководить отрядом в Саяно-Тувинской экспедиции» — начальником VII (этнографического) отряда уже в 1965 г. была С. М. Биче-оол. Долгие годы отрядом по изучению петроглифов руководила крупнейший исследователь этого вида памятников М. А. Дэвлет. Так получилось, что с 1972 г. отрядом А. Д. Грача довелось руководить одному из авторов этой книги — Г. В. Длужневской.

Изучением памятников рунической письменности в СТЭАН занимались С. Г. Кляшторный и Д. Д. Васильев (с 1971 г.). Вклад Д. Д. Васильева в деятельность СТЭАН и, вообще, древнетюркской письменности,

особо велика: Димдимыч занимался «вывозом» памятников с мест их первоначального нахождения, начатых сотрудниками Музея в Кызыле, продолженных А. Д. Грачом, но никто не сделал более в этой области, чем Д. Д. Васильев, ныне заведующий отделом Древней истории в Институте востоковедения РАН.

Одно время изучением наскальных изображений занимался Я. А. Шер.

В 1967 г. из Свердловска приехала Б. Б. Овчинникова, да так и осталась работать в Туве (раскопки могильника Аймырлыг III — Даг-Аразы, в каньоне на «дороге Чингисхана» и др.). Сначала в составе отряда А. М. Мандельштама, потом во главе отдельного отряда Уральского государственного университета, профессором которого, а также академиком Российской гуманитарной академии наук, она сейчас является.

Вл. А. Семенов пришел в СТЭАН в 1974 г. Им раскопано много стоянок в каньоне Енисея, но главной из них стала многослойная стоянка Тоора-Даш.

Юрий Иванович Трифонов, археолог, исследовал разновременные памятники, у подножия хребта Аргалыкты. Темой его научных изысканий было древнетюркское время, но, в основном, пожалуй, главным являлось его необыкновенное искусство разборки каменных наземных сооружений, выявления конструктивных особенностей памятника. Г. В. Длужневская работала в его отряде с 1966 до 1971 г., и, пожалуй, этому умению и особой «любви» к изучению наземных сооружений — обязана именно ему. После 1974 г. Ю. И. переехал в Алма-Ату и около 15 лет работал в Казахстане. К сожалению, Юра бесконечно рано ушел из жизни (в 1989 г.), оставив много незавершенных дел.

Покинули этот мир художники Слава Филиппов и Валя Саяпин, незаменимый зам. начальника экспедиции С. Н. Астахова — Кирилл Александрович Соколов (Кирсаныч).

Практически невозможно вспомнить всех, кто работал в СТЭАН за 20 лет: это были археологи и художники, студенты и профессионалы, фотографы, в т. ч. известный сейчас В. С. Теревенин, математики, врачи (Б. Литвер и др.), тувинские и ленинградские школьники, команда шоферов из Москвы (в первые годы работы СТЭАН для Грача были подобраны наиболее опытные мастера своего «дела», за спиной которых остались Памир, Тянь-Шань и Кавказ) и многие другие. Пусть эта книга будет знаком благодарности каждому из них в отдельности и всем вместе.

Вспомним стихи Ю. И. Потемкина, бывшего директора строительства Саяно-Шушенской ГЭС, посвященные «Археологу Александру Даниловичу Грачу»²¹:

И нам сегодня забывать не надо
Что был в Саянах творческий актив,
Когда посланцы из Москвы и Ленинграда
Работали с Грачом в Сибири рядом,
Делами прославляя коллектив.

Но жизнь — есть жизнь, в ней радость и утраты
Все есть, и нам не следует скорбить.
Ведь Грач пронес свой крест по жизни свято —
Святое невозможно позабыть.

И не беда, что здесь застоєм веет
И не горит под вымпелом свеча.
Наступит день и мы еще сумеем
Душевным словом помянуть Грача.

²¹ Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга, 1998. С. 85.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАМЯТНИКИ, ИЗУЧАВШИЕСЯ В ЗОНЕ ВОДОХРАНИЛИЩА САЯНСКОЙ ГЭС

Таблица 1

1. Степная часть

№ п/п	Название памятника	Вид памятника	Хронологическая принадлежность	Годы исследований	Автор исследований
1	2	3	4	5	6
Правый берег р. Улуг-Хем					
1	Демир-Суг I, II	Курган, стела с рунической надписью	Скифское время, кыргызский период	1970	Самбу И. У.
2	Улуг-Оймак I, II	Курганы	Скифское, гунно-сарматское время	1965	Грач А. Д.
3	Ак-Даш	Стоянка	Эпоха бронзы	1965	Астахов С. Н.
4	Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III)	Курганы	Кыргызский период	1965	Грач А. Д.
5	Ховужук	Курганы	Скифское, гунно-сарматское время	1965	Маннай-оол М. Х.
6	Куйлуг-Хем I, II, III	Курганы	Эпоха бронзы, монгун-тайгинская культура, скифское и гунно-сарматское время, ритуальные дополнения XVIII-XIX вв.	1966-1968	Грач А. Д., Самбу И. У.

1	2	3	4	5	6
7	Алды-Бель I, II	Курганы, стелы	Скифское, гунно-сарматское время, кыргызский период	1967–1968	Грач А. Д.
8	Оргаа-Хем I–III	Курганы	Скифское, гунно-сарматское время, кыргызский период, ритуальные дополнения XVIII–XIX вв.	1966–1969	Самбу И. У.
Левый берег р. Улуг-Хем					
9	Бай-Даг	Курганы	Древнетюркский и уйгурский периоды	1927	Теплоухов С. А.
10	Бай-Даг I, II	Курганы	Гунно-сарматское время	1965–1967, 1976	Мандельштам А. М.
11	Часкал I, II	Курганы	Гунно-сарматское время, древнетюркский период	1965, 1966	Мандельштам А. М.
12	Даштыг-Шоль	Курганы	Гунно-сарматское время	1965, 1967	Мандельштам А. М.
13	Хайыракан I	Курганы	Эпоха бронзы	1978	Мандельштам А. М.
14	Каат-Ховак I и II	Курганы	Древнетюркский и кыргызский период	1978	Мандельштам А. М.
15	Аргалыкты I–XIII	Курганы	Монгун-тайгинская культура, скифское, гунно-сарматское время, древнетюркский период, погребение XVIII–XIX вв.	1965–1967, 1971	Трифонов Ю. И.
16	Бархан	Погребения	XVIII–XIX вв.	1971	Трифонов Ю. И.
17	Кара-Тал I–VI	Курганы	Гунно-сарматское время, древнетюркский период	1968–1970	Трифонов Ю. И.

Продолжение табл. I

1	2	3	4	5	6
18	Бажын-Алаак	Городище	Уйгурский период	1957–1958, 1967–1970, 1975–1978	Вайнштейн С. И. Мандельштам А. М. Щетенко А. Я., Миняев С. С.
19	Аймырлыг I–XXXI	Курганы	Эпоха бронзы; скифское, гунно-сарматское время, древнетюркский период	1968–1984, 1971–1973	Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Овчинникова Б. Б.
20	Урбюн I, II, III	Курганы	Скифское время, монгольский период	1965	Савинов Д. Г.
Долина р. Хемчик					
21	Улуг-Бюк I, II (левый берег)	Курганы, выкладки	Скифское время, древнетюркский, кыргызский периоды	1974	Длужневская Г. В.
22	Дыттыг-Чарык-Аксы I–III (правый берег)	Курганы	Древнетюркский, кыргызский периоды	1974	Трифонов Ю. И.
23	Хемчик-Бом I (правая приустьевая терраса)	Курганы	Скифское время	1969–1972	Грач А. Д.
24	Хемчик-Бом II–VI (левая приустьевая терраса)	Курганы, стелы с руническими надписями, тамги	От раннескифского времени до монгольского периода	1969–1972	Грач А. Д., Длужневская Г. В., Кляшторный С. Г.

2. Саянский каньон Енисея

№ п/п	Название памятника	Вид памятника	Хронологическая принадлежность	Годы исследований	Автор исследований
1	2	3	4	5	6
Правый берег р. Енисей					
1	Беделиг	Наскальные изображения		1974	Дэвлет М. А.
2	Комбужап-Аксы	Курганы	Раннескифское, гунно-сарматское время, средневековье	1973	Длужневская Г. В.
3	Мозага-Комужап	Наскальные изображения		1976	Дэвлет М. А.
4	Чинге I-V	Курганы	Скифское, гунно-сарматское время, кыргызский период, погребения XVII-XVIII вв.	1971-1975	Самбу И. У., Длужневская Г. В.
5	Правый берег р. Чинге (Алды-Мозага) и левый (Устю-Мозага)	Наскальные изображения		1974-1975	Дэвлет М. А.
6	Бижиктиг-Хая	Наскальные изображения		1965; 1982	Савинов Д. Г.; Дэвлет М. А.
7	Долина реки Чинге	Местонахождения, остатки поселения	Палеолит	1969; 1973	Астахов С. Н.; Монгуш В. Т.

1	2	3	4	5	6
8	Усть-Хемчик III — стоянка, курганы	Стоянка Е-15; погребение; Курганы	Ранний неолит; гунно-сарматское время; Без определения	1969–1971; 1976	Астахов С. Н., Беляева В. И. Длужневская Г. В., Субботин А. В.
9	Тоора-Даш	Стоянка	Многослойная, от неолита до монгольского времени	1978–1984	Семенов Вл. А.
10	Шугур	Курганы	Раннескифское и гунно-сарматское время	1975–1977	Длужневская Г. В.
11	Долина р. Шугур	Наскальные изображения		1981	Семенов Вл. А.
12	Сарыг-Хая, Сарыг-Хая II, III	Курганы	Гунно-сарматское, кыргызское, монгольское время	1975, 1976, 1980	Длужневская Г. В.
13	Кургол	Курганы	Без определения	1976	Длужневская Г. В., Субботин А. В.
14	Долина р. Ургунь	Курганы	Монгун-тайгинская культура	1972	Длужневская Г. В.
15	Хадын-ных I, II	Курганы. Оградка, стела с тамгой	Раннескифское и кыргызское время	1973	Длужневская Г. В.
16	Хадын-ных I, II	Стоянка	От неолита до последних веков до н. э.	1973–1975	Семенов Вл. А.
17	Ханныкское займище	Стоянка многослойная	Неолит, эпоха бронзы	1977	Семенов Вл. А.

1	2	3	4	5	6
18	Усть-Уса	Выкладка	Этнографический объект	1971	Грач А. Д.
19	Мадарак, ручей	Стоянка	Неолит	1972	Астахов С. Н.
20	Казыр-Сук	Стоянка	Неолит	1977–1979	Васильев С. А.
21	Кантегир I, II	Стоянка	Палеолит	1974–1977	Астахов С. Н., Семенов Вл. А.
22	Кантегирские камни	Стоянка	Палеолит	1974	Астахов С. Н.
23	Сосновка Голованская	Стоянка	Палеолит	1977	Астахов С. Н.
24	Сосновка Джойская	Стоянка	Неолит	1977	Астахов С. Н.
25	Сизая I–XVIII	Стоянки	Палеолит	1980	Астахов С. Н., Васильев С. А.
26	Голубая 1–4	Стоянки	Палеолит	1972	Астахов С. Н.
27	Вал Омайтура		От скифского времени до XVII в.	1980, 1982	Длужневская Г. В.
Левый берег р. Енисей					
28	Перевалка I, II (близ Мугур-Саргола)	Курганы, оградка, выкладки	Эпоха бронзы, средневековье	1973	Длужневская Г. В.
29	Мугур-Саргол	Наскальные изображения	От эпохи бронзы до этнографической современности	1966; 1970; 1974–1985	Формозов А. А.; Шер Я. А.; Дэвлет М. А.

1	2	3	4	5	6
30	Мугур-Саргол	Рунические надписи	Кыргызское время	1971	Кляшторный С. Г.; Васильев Д. Д.
31	Мугур-Саргол (Ортаа-Саргол)	Курганы, оградка, стела (на спуске к Мугур-Сарголу)	Древнетюркское время	1978	Длужневская Г. В.
32	Каравей I и II (Ортаа-Саргол)	Курганы (на спуске к Мугур-Сарголу)	Монгун-тайгинская культура	1978	Длужневская Г. В.
33	Терезенник-Бююк	Наскальные изображения. Руническая надпись. Сооружения, погребение	От эпохи бронзы до этнографической современности. Средневековье	1976–1979 1979; 1981	Дэвлет М. А. Овчинникова Б. Б.
34	Ортаа-Саргол	Наскальные изображения		1979	Дэвлет М. А.
35	Хемчик-Бом I	Курганы (правый берег р. Хемчик)	Скифское время	1969–1970	Грач А. Д.
36	Хемчик-Бом II–VI	Курганы, стелы с руническими надписями, тамги (левый берег р. Хемчик)	От раннескифского до монгольского времени	1969–1972	Грач А. Д., Длужневская Г. В., Кляшторный С. Г.
37	Могильное поле Йур-Сайыр	Курганы	Без определения	1976	Длужневская Г. В., Субботин А. В.

1	2	3	4	5	6
38	Ущелье Йур-Сайыр	Курганы; стелы с руническим и надписями	Кыргызский период	1973; 1976	Васильев Д. Д. Длужневская Г. В., Субботин А. В.
39	Терраса напротив ущелья Ургунь	Курганы	Без определения	1976	Длужневская Г. В., Субботин А. В.
40	Калбак- Мыис	Курганы	Без определения	1976	Длужневская Г. В., Субботин А. В.
41	Эр-Кыр	Стоянка	Неолит	1975	Семенов Вл. А.
42	Хем- Терек I-III	Курганы	Раннескифское время; без определения	1965; 1978	Астахов С. Н. Длужневская Г. В.
43	Хем- Теректиг	Стоянка	Неолит	1975	Семенов Вл. А.
44	Малые Уры I-III	Стоянки. Курганы	Неолит; этнографические объекты	1972; 1979; 1972; 1976	Астахов С.Н., Монгуш В. Т. Васильев С. А. Кляшторный С. Г.; Длужневская Г. В., Субботин А. В.
45	Большие Уры	Курганы	Без определения	1969	Грач А. Д.
46	Кулевуок, Кулевуок II	Курганы	Раннескифское время. Без определения	1969; 1976 1979	Грач А. Д.; Самбу И. У. Длужневская Г. В.
47	Керемикское займище	Курганы	Скифское время	1969; 1976	Грач А. Д.; Длужневская Г. В., Субботин А. В.

1	2	3	4	5	6
48	Хериме	Стоянка	Неолит, эпоха бронзы	1976	Семенов Вл. А.
49	Тозуннуг	Курганы	Без определения	1970; 1976	Грач А. Д.; Длужневская Г. В., Субботин А. В.
50	Усть-Кантегир	Стоянка Писаницы	Палеолит Эпоха бронзы	1973 1977	Астахов С. Н. Семенов Вл. А.
51	Катушка	Местонахождение	Палеолит	1973	Астахов С. Н.
52	Погорелка	Местонахождение	Палеолит	1978	Астахов С. Н.
53	Тепсель	Местонахождение	Палеолит	1978	Астахов С. Н.
54	Джой	Стоянка Писаница	Палеолит Окуневское время	1971, 1973	Астахов С. Н.
55	Майнинская	Стоянка	Палеолит	1980– 1982	Васильев С. А.
56	Уй I, II	Стоянки	Палеолит	1980– 1981	Васильев С. А.
57	Майнинский Лесозавод	Стоянка	Палеолит	1980	Васильев С. А.
Долина р. Ус					
58	Иджир I–III	Курганы (левый берег)	Гунно-сарматское и скифское время	1979– 1980	Длужневская Г. В.
59	Иджир I–V	Стоянки (левый берег)	Палеолит	1980– 1982	Астахов С. Н.

Составитель — Г. В. Длужневская

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки ИРГО по общей географии. Т. 11. СПб., 1888.
- Алексеев В. П., Гохман И. И.* Палеоантропологические материалы гуно-сарматского времени из могильника Кокэль // Тр. ТКЭАН. Т. III. Л., 1970. С. 239–297.
- Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропологический состав и происхождение населения, оставившего могильник Кокэль // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986. С. 87–107.
- Анищук Н. И., Овчинникова Б. Б.* Исследования могильника Аймырлыг-3 // АО 1977 года. М., 1978. С. 205.
- Анищук Н. И., Овчинникова Б. Б.* Раскопки на «дороге Чингисхана» // АО 1979 года. М., 1980. С. 188–189.
- Арагачи З. Б.* Новые эпиграфические находки в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. X. Кызыл, 1963. С. 247–256.
- Астахов С. Н.* Изучение памятников каменного века в долине Енисея // АО 1965 года. М., 1966. С. 24–25.
- Астахов С. Н.* Изучение палеолита верховьев Енисея Саяно-Тувинской экспедицией // Древние культуры Евразийских степей по материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983. С. 12–17.
- Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.
- Астахов С. Н., Васильев С. А.* Памятники неолита — бронзового века в Саянском каньоне Енисея // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 148–154.
- Баскаков Н. А.* Наскальная руническая надпись в Терезеннике-Буюк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР // СЭ. 1978. № 3. С. 152–154.
- Батманов И. А., Кунаа А. Ч.* Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. III. Кызыл, 1965.
- Беляева В. И.* Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 // КСИА. Вып. 131. М., 1972. С. 110–114.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.

- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–V вв.). Новосибирск, 2003.
- Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
- Вайнштейн С. И.* Археологические раскопки в Туве в 1953 году // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. II. Кызыл, 1954. С. 140–154.
- Вайнштейн С. И.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958. С. 217–237.
- Вайнштейн С. И.* Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве (Предварительное сообщение по материалам археологических исследований 1957–1958 гг.) // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VII. Кызыл, 1959. С. 261–268.
- Вайнштейн С. И.* Памятники казылганской культуры // Тр. ТКЭАН. Т. II. М.; Л., 1966. С. 143–184.
- Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. № 3. 1966 а. С. 60–81.
- Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве // Тр. ТКЭАН. Т. II. М.; Л., 1966 б. С. 292–347.
- Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сын-чюрексской культур) // Тр. ТКЭАН, т. III. 1970. С. 7–79.
- Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н. э. — первых веков нашей эры // Тр. ТКЭАН, т. II. 1966. С. 185–292.
- Васильев Д. Д.* Исследования в Саянском каньоне // АО 1974 года. М., 1975. С. 192.
- Васильев Д. Д.* Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // СТ. 1976. № 1. С. 71–81.
- Васильев Д. Д.* Новая древнетюркская надпись из Тувы // АО 1979 года. М., 1980. С. 193.
- Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников Верхнего Енисея. М., 1983.
- Васильев Д. Д., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись Йир-Сайыр // СТ. 1973. № 2. С. 105–110.
- Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.
- Волков В. В.* Археологические исследования в МНР // АО 1981 года. М., 1983. С. 503.

- Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965.
- Гохман И. И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // СМАЭ. Вып. 36. М., 1980. С. 5–34.
- Грач А. Д.* Археологические исследования в Западной Туве // КСИЭ. Вып. XXIII. М., 1955. С. 19–33.
- Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 года) // Тр. ТКЭАН. Т. I. М.; Л. 1960. С. 7–72.
- Грач А. Д.* Археологические раскопки в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Тр. ТКЭАН. Т. I. М.; Л., 1960 а. С. 73–150.
- Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953–1960 гг.). М., 1961.
- Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // ТС. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 188–193.
- Грач А. Д.* Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Тр. ТКЭАН. Т. II. М.; Л., 1966 а. С. 81–107.
- Грач А. Д.* Исследование могильников Улуг-Оймак и Улуг-Хорум // АО 1965 года. М., 1966 б. С. 30–31.
- Грач А. Д.* Археологические исследования в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС (Центральная Тува) // АО 1966 года. М., 1967. С. 125.
- Грач А. Д.* Древнейшие тюркские сожжения в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207–213.
- Грач А. Д.* Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА. Вып. 118. М., 1969. С. 43–57.
- Грач А. Д.* Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР // АО 1969 года. М., 1970. С. 189–190.
- Грач А. Д.* Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл, 1971. С. 93–106.
- Грач А. Д.* Алды-Бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1975. С. 249–258.
- Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грач А. Д.* Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АС ГЭ. Вып. 23. Л., 1983 а. С. 30–35.
- Грач А. Д.* Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 244–265.

- Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М., 1998.
- Грач А. Д., Трифонов Ю. И., Длужневская Г. В., Самбу И. У.* Работы Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1970 года. М., 1971. С. 180–181.
- Грач В. А.* О погребальных памятниках монгольского времени в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XVII. Кызыл, 1975. С. 219–226.
- Грач В. А.* Средневековые впускные погребения из кургана Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156–168.
- Грач В. А., Длужневская Г. В.* Исследования в Саянском каньоне Енисея и на р. Хемчик // АО 1972 года. М., 1973. С. 205.
- Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926.
- Грязнов М. П.* Таптыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980. С. 90–118.
- Длужневская Г. В.* Исследования в Саянском каньоне Енисея // АО 1973 года. М., 1974. С. 199–200.
- Длужневская Г. В.* Исследования на плато Улуг-Бюк // АО 1974 года. М., 1975. С. 201–202.
- Длужневская Г. В.* Некоторые особенности наземных сооружений курганов Саянского каньона р. Енисей (Могильник Хадынных II) // СА. 1977. № 3. С. 275–278.
- Длужневская Г. В.* Раскопки курганов в Саянском каньоне р. Енисей // АО 1977 года. М., 1978. С. 225–226.
- Длужневская Г. В.* Исследования погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея // АО 1978 года. М., 1979. С. 221–222.
- Длужневская Г. В.* Курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея // КСИА. Вып. 170. М., 1982. С. 109–115.
- Длужневская Г. В.* Раскопки могильника в пос. Новый Эйлиг-Хем // АО 1981 года. М., 1983. С. 196–197.
- Длужневская Г. В.* Продолжение раскопок средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1982 года. М., 1984. С. 198–199.
- Длужневская Г. В.* Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 года. М., 1985. С. 201–202.
- Длужневская Г. В.* Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.). АКД. Л., 1985 а.
- Длужневская Г. В.* Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980–1982 гг.) // КСИА. Вып. 196. М., 1989. С. 93–98.
- Длужневская Г. В.* Проблема датировки памятников енисейских кыргызов в Туве // МАИКЦА. Инф. бюлл. Вып. 16. М., 1990. С. 68–79.

- Длужневская Г. В.* Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР в архивах ИИМК РАН // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург (Материалы Всеросс. научн. конф., посвящ. 70-летию со д.р. А.Д. Грача). СПб., 1998. С. 22–29.
- Длужневская Г. В., Березовская Л. Ю.* Материалы сибирских новостроечных экспедиций в фотоархиве ЛОИА АН СССР // Южная Сибирь в древности (Археологические изыскания, вып. 24). СПб., 1995. С. 180–190.
- Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б.* Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 77–94.
- Длужневская Г. В., Семенов В. А.* Окружающая среда и хозяйственно-культурные особенности южной части Саянского каньона р. Енисей (по данным археологии) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 87–89.
- Длужневская Г. В., Субботин А. В.* К истории изучения Саянского каньона Енисея // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 115–119.
- Доржсүрэн Ц.* Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 36–41.
- Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 г.) // Тр. ТКЭАН. Т. III. 1970. С. 80–209.
- Дьяконова В. П.* Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Тр. ТКЭАН. Т. III. 1970 а. С. 210–238.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.
- Дэвлет М. А.* Погребение эпохи поздней бронзы в Туве // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (ТД научн. конф.). Барнаул, 1988. С. 119–121.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы на дне Саянского моря. М., 1998.
- Дэвлет М. А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004.
- Дэвлет М. А., Терemben В. С.* О связях в искусстве древних тюрок Центральной Азии // КСИА. Вып. 136. 1973. С. 30–32.
- Журавлева А. Д.* Основные тенденции развития керамических комплексов Тувы на рубеже новой эры // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск. Т. II. 1992. С. 61–66.
- История Тувы. Т. I. Новосибирск, 2001.
- Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Том I. Урянхайский край. Пг., 1914.

- Кириллов Е. Л.* Раскопки в долине р. Темир-Суг // АО 1983 года. М., 1985. С. 205.
- Клеменц Д. А.* Археологический дневник поездки в Северную Монголию в 1891 г. Сб. трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб., 1895.
- Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории племени «түрк» (Ашина) // Новое в советской археологии (МИА. № 130). 1965. С. 278–281.
- Кляшторный С. Г.* Рунические надписи Саянского каньона Енисея // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 228–231.
- Кляшторный С. Г.* Эпиграфические работы в Монголии // АО 1978 года. М., 1979. С. 597–598.
- Кляшторный С. Г., Васильев Д. Д.* Эпиграфические исследования на Верхнем Енисее // АО 1973 года. М., 1974. С. 208.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный С. Г., Самбу И. У.* Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл, 1971. С. 245–249.
- Кляшторный С. Г., Шер Я. А.* Петроглифы и эпиграфика в Саянском каньоне Енисея // АО 1971 года. М., 1972. С. 242–243.
- Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл, 2001.
- Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X–XIV вв.). АКД. М., 1977.
- Кызласов И. Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. 1979. № 3. С. 280–290.
- Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вест. МГУ, истор.-филолог. серия, № 4. М., 1958. С. 71–99.
- Кызласов Л. Р.* Средневековые города Тувы // СА. 1959. № 3. С. 66–80.
- Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3. С. 161–166.
- Кызласов Л. Р.* Рец.: Труды Тувинской КАЭЭ. Т. 1. М.; Л., 1960 // СЭ. № 4. 1961. С. 225–230.
- Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р.* О памятниках ранних гуннов // МИА. № 169. М., 1969 а. С. 15–124.
- Кызласов Л. Р.* К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. Вып. 154. 1978. С. 25–30.
- Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.

- Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. н.э. // Степи Евразии в эпоху средневековья («Археология СССР»). М., 1980. С. 46–52.
- Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- Кычанов Е. И.* Сведения в «Юаньши» о переселениях киргизов в XIII веке // ИАН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, V, 1, Фрунзе, 1963. С. 59–65.
- Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М., 1952.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Маннай-оол М. Х.* Раскопки могильника Ховужук // АО 1965 года. М., 1966. С. 31–32.
- Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.
- Мандельштам А. М.* Исследование могильников Бай-Даг II и Часкал II // АО 1966 года. М., 1967. С. 127–128.
- Мандельштам А. М.* Новые данные о могильниках Бай-Даг II и III // АО 1967 года. М., 1968. С. 169–170.
- Мандельштам А. М.* К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 229–237.
- Мандельштам А. М.* Работы в зоне Малиновской оросительной системы // АО 1977 года. М., 1978. С. 253.
- Мандельштам А. М.* О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // МАИКЦА. Инф. бюлл. Вып. 4. М., 1983 а. С. 5–14.
- Мандельштам А. М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг (некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 25–33.
- Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время («Археология СССР»). М., 1992. С. 178–196.
- Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 43–59.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Миклашевич Е. А.* «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в скальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции (Материалы тематич. научн. конф.). СПб., 2004. С. 320–325.
- Минцлов С. Р.* Секретное поручение (путешествие в Урянхай). Рига, б/г.

- Мицлов С. Р.* Памятники древности в Урянхайском крае // ЗВОРАО. Т. XXIII. Пгр., 1916.
- Миняев С. С.* Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями // В кн.: Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – САИ, 1980. Вып. Д4-7. С. 29–34.
- Николаев Н. Н.* Планиграфия могильника Бай-Даг II // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д.р. М.П. Грязнова). Кн. 2. СПб., 2002. С. 260–263.
- Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989.
- Овчинникова Б. Б.* Захоронения в подбоях средневековой Тувы // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (ТД конф.). Омск, 1979. С. 63–65.
- Овчинникова Б. Б.* К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 133–134.
- Овчинникова Б. Б.* Погребение древнетюркского времени в Центральной Туве // СА. 1982. № 3. С. 210–228.
- Овчинникова Б. Б.* Работы Свердловского отряда в Туве // АО 1981 года. М., 1982а. С. 221–222.
- Овчинникова Б. Б.* Новые находки средневековых погребений в Туве // МАИКЦА. Информ. бюлл. Вып. 12. М., 1987. С. 34–48.
- Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.
- Овчинникова Б. Б.* О поминальных обрядах древних племен в гунно-сарматскую эпоху в Туве (по материалам могильника Даг-Аразы) // Евразия сквозь века (Сб. научных трудов к 60-летию Д.Г. Савинова). СПб., 2001. С. 187–193.
- Овчинникова Б. Б.* Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая // ТС 2003–2004 гг. М., 2005. С. 152–165.
- Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В.* «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы. Екатеринбург, 2000.
- Овчинникова Б. Б., Трепавлов В. В.* Исследования на «дороге Чингис-хана» // Культура тувинцев: традиция и современность. Кызыл, 1989. С. 20–28.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, кн. 1. СПб., 1788.
- Полторацкая В. Н.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С. А. Теплоухова) // АС ГЭ. Вып. 8. М.; Л., 1966. С. 78–102.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Русского географического

- общества Г. Н. Потаниным. СПб., 1883. Вып. 4. Материалы этнографические.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879–1880 годах по поручению Русского географического общества членом-сотрудником онаго Г. Н. Потаниным. Вып. III. Дневник путешествия и Материалы для физической географии и топографии С.-З. Монголии. СПб., 1883.
- Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
- Пшеницына М. Н.* Работы позднетагарского отряда // АО 1967 года. М., 1968. С. 179–180.
- Пшеницына М. Н.* Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980. С. 70–89.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I, ч. 1. М.; Л., 1952.
- Рева Л. И.* Хайыракан I — могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 17–22.
- Рерих Ю. Н.* Звериный стиль у кочевников Тибета. Прага, 1930.
- Родевич Вс.* Урянхайский край и его обитатели // ИИРГО. Т. XLVIII. 1912. Вып. 1–V (вып. 1). С. 129–188.
- Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л., 1962.
- Савинов Д. Г.* Раскопки могильников Урбюн // АО 1965 года. М., 1966. С. 27–28.
- Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. Вып. 119. М., 1969. С. 104–108.
- Савинов Д. Г.* Погребение с серебряным кубком // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 218–221.
- Савинов Д. Г.* Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // ТС 1972 года. М., 1973 а. С. 339–350.
- Савинов Д. Г.* Могильник Урбюн-III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири (ИЛАИ. Вып. 11). Кемерово, 1980. С. 107–119.
- Савинов Д. Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (К вопросу о выделении куррайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–112.
- Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов Д. Г.* Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и центральной Азии. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1990. С. 118–131.
- Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

- Савинов Д. Г.* Ритуальные комплексы с захоронениями хуннского времени в Туве // Ритуал и ритуальный предмет. СПб., 1995. С. 48–59.
- Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. СПб., 2002.
- Савинов Д. Г.* Проблемы хронологии кокзальской культуры в историческом аспекте // Проблемы истории России. Вып. 5 («На перекрестках эпох и традиций»). Екатеринбург, 2003. С. 49–59.
- Савинов Д. Г.* Кокзальский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 200–223.
- Савинов Д. Г.* Древнетюркское время — культура — традиция (история появления термина и некоторые вопросы культурогенеза) // Интеграция археологических и этнографических исследований (Сб. научных трудов). Красноярск-Омск, 2006. С. 29–32.
- Савинов Д. Г., Рева Л. И.* К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 45–52.
- Самбу И. У.* Исследование могильника Чинге // АО 1972 года. М., 1973. С. 237.
- Самбу И. У.* Исследование могильника Чинге // АО 1974 года. М., 1975. С. 231–232.
- Самбу И. У.* Могильник скифского времени в Енисейском каньоне // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 65–70.
- Самбу И. У., Шевенко Б. Г.* Исследование могильников Чинге I, II // АО 1971 года. М., 1972. С. 241–242.
- Сахаровская Л. М.* К вопросу о локальных вариантах саглынской культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Социальная структура и общественные отношения. (ТД Всесоюз. археолог. конф. Ч. II). Кемерово, 1989. С. 89–92.
- Семенов Вл. А.* Памятники афанасьевской культуры в Саянах // СА. 1982. № 4. С. 219–222.
- Семенов Вл. А.* О двух этапах окуневской культуры в Туве // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 252–263.
- Семенов Вл. А.* Каменоложский этап карасукской культуры на Верхнем Енисее (по материалам стоянок Теректиг-Хем и Хаданных) // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984 а. С. 265–268.
- Семенов Вл. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.
- Семенов Вл. А.* Несколько слов об окуневской и «чаа-хольской» культурах в Туве // Проблемы изучения окуневской культуры (ТД конф.). СПб., 1995. С. 24–26.
- Семенов Вл. А.* Хронология могильников озен-ала-белигского этапа // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург (Мате-

- риалы Всерос. конф. к 70-летию со д. р. А. Д. Грача). СПб., 1998. С. 151–155.
- Семенов Вл. А.* Этапы сложения культуры древних кочевников Тувы // *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура* (Сб. статей к 60-летию М.Л. Подольского). СПб., 2000. С. 134–157.
- Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайаракан. Могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.
- Семенов Вл. А., Чугунов К. В.* Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // *Проблемы археологии степной Евразии* (ТД конф.). Ч. II. Кемерово, 1987. С. 73–76.
- Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
- Стамбульник Э. У.* Новые памятники изобразительного искусства послескифского времени из Центральной Тувы // *ТД Всесоюзн. археолог. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства»*. Кемерово, 1979. С. 145–147.
- Стамбульник Э. У.* О двух надписях гунно-сарматского времени из Тувы // *Проблемы археологии и этнографии Сибири* (ТД конференции). Иркутск, 1982. С. 110–111.
- Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (Некоторые итоги работ) // *Древние культуры Евразийских степей*. Л., 1983. С. 33–41.
- Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // *Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение*. СПб., 2006. С. 292–302.
- Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968.
- Теплоухов С. А.* Археологический отряд Монгольской экспедиции. Освед. бюлл. Комиссии эксп. исследований АН СССР, 24 (85), 1929. С. 194.
- Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *Материалы по этнографии*. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929.
- Трифонов Ю. И.* Работы на могильнике Аргалыкты // *АО 1965 года*. М., 1966. С. 25–27.
- Трифонов Ю. И.* Исследования в Центральной Туве (могильники Аргалыкты I и III) // *АО 1969 года*. М., 1970. С. 184–185.
- Трифонов Ю. И.* Древнетюркская археология Тувы // *УЗ ТНИИЯЛИ*. Вып. XV. Кызыл, 1971. С. 112–122.
- Трифонов Ю. И.* Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // *ТС 1972 года*. М., 1973. С. 351–374.

- Трифонов Ю. И.* Конструкция древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. М., 1975. С. 185–193.
- Трифонов Ю. И.* Новый тип памятников раннего железного века в Туве // КСИА. Вып. 147. М., 1976. С. 109–121.
- Трифонов Ю. И.* О берестяных колчанах Саяно-Алтая в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Евразии. Новосибирск, 1987. С. 189–199.
- Трифонов Ю. И., Лубо-Лесниченко Е. И.* Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 406–416.
- Трифонов Ю. И.* Погребение X в. на могильнике Аргалыкты I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 143–156.
- Хаврин С. В.* Карасукская проблема? // ПАВ. Вып. 8. СПб., 1994. С. 104–113.
- Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.
- Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су Хуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. № 4. Горно-Алтайск, 1999. С. 163–169.
- Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д.* Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 90, рис. 4.
- Цыбиктаров А. Д.* Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III – начале II тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002, № 3. С. 107–123.
- Цэвэндорж Д.* Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1975. С. 51–87.
- Членова Н. Л.* Первые комплексы раннескифского времени из Тувы // КСИА. Вып. 107. М., 1966. С. 47–53.
- Чугунов К. В.* Монгун-Тайгинская культура эпохи поздней бронзы // ПАВ. № 8. СПб., 1994. С. 43–53.
- Щетенко А. Я.* Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 46–47.
- Щетенко А. Я.* Бажин-Алаак — городище уйгурского времени в Туве // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 173–179.
- Щетенко А. Я., Миняев С. С.* Работы I отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1978 года. М., 1979. С. 284–285.

Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006.

Kenk R. Das Graberfeld der hunno-sarmatischen von Koköl. Tuva, Süd-Sibirien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 25. München, 1984.

Архивные материалы

Грач А. Д. Отчет о рекогносцировочном обследовании зоны водохранилища Саянской ГЭС, произведенном Саяно-Тувинским отрядом Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 г., план и смета археологических работ в зоне. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, 1962 г., д. 211.

Грач А. Д., Длужневская Г. В. Отчет о полевых исследованиях I отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции в 1971 г. // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, 1972 г., д. 76.

Кляшторный С. Г. Отчет 2-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции в 1972 г. // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, 1972 г., д. 484.

Кляшторный С. Г. Отчет 2-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции за 1973 г. // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, 1973 г., д. 484.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКД — Автореферат кандидатской диссертации
АО — Археологические открытия в СССР
АС ГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ИЛАИ — Известия Лаборатории археологии и этнографии
ИРГО — Известия Русского Географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПАВ — Петербургский археологический вестник
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СТ — Советская тюркология
СЭ — Советская этнография
ТД — Тезисы докладов
Тр. ТКЭАН — Труды комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТС — Тюркологический сборник
УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории

Галина Вацлавна Длужневская,
Дмитрий Глебович Савинов

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ
НА ДНЕ ТУВИНСКОГО МОРЯ

Корректурa авторская
Компьютерная верстка Наумовой А. Б.

Подписано в печать 8.08.2007. Формат 70×100¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 16,1. Тираж 300 экз.

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Элексис Принт», СПб., ул. Моисеенко, 10